Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 2 (58)

Нижний Новгород

2022

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 2 (58). — Н. Новгород: НГЛУ, 2022. — 178 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор
Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:
А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян, О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина, Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик (Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева, М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева, Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 2 (58)

Nizhny Novgorod

2022

LUNN Bulletin. Issue 2 (58). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2022. — 178 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief
Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА..... 9

Ассоциативные связи языковых единиц в художественном тексте
Иванова О. В. 9

Перевод и интерпретация идеологем: опыт перевода базовых ценностей социализма с китайской спецификой на русский язык
Мэй У, Дубкова О. В. 23

Специфика коммуникативной ситуации судебного перевода
Стародубов С. В. 37

Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе
Старостина Ю. С., Леонович Л. М. 63

Когнитивный подход к исследованию семантики предикатов указательных действий (на материале английского языка)
Холдеева Е. Ю. 76

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР 88

Экспрессионистский дискурс в текстах Курта Пинтуса и Казимира Эдшмида. Проблема рецепции
Сакулина Е. А., Старков С. М. 88

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 111

Эффективность использования разных форм организации учебного процесса в практике преподавания дисциплины «Русский глагол» китайским студентам-магистрантам
Годизова З. И., Габисова Д. В. 111

Особенности дистанционного обучения РКИ на базе социальной сети «ВКонтакте»
Ковалева М. Ю., Панченко Ю. Ю. 127

Потенциал использования платформы *Flipgrid* для формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов бакалавриата (из опыта работы кафедры английского языка и профессиональной коммуникации НГЛУ им. Н. А. Добролюбова)
Лукманова О. Б., Валяева Н. Ю. 141

РЕЦЕНЗИИ..... 158

Устный судебный перевод через призму лингвосемиотики
Федуленкова Т. Н. 158

О специфике прикладной лингвистики
Федуленкова Т. Н., Калиновская В. В., Валуева А. В. 163

ХРОНИКА 169

Светлой памяти профессора Ф. А. Литвина посвящается…
Абакумова О. Б., Бакина А. Д. 169

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 176

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE 9

Associative Relations of Linguistic Units in Fiction Texts
Olga V. Ivanova 9

Translation and Interpretation of Ideologemes: the Experience of Translating the Basic Values of Socialism with Chinese Characteristics into Russian
Mei,Wu, Olga V. Dubkova 23

The Specifics of the Communicative Situation of Court Interpreting
Stanislav V. Starodubov 37

Linguoaxiological Foundations of Communicative Conflicts in the English Drama Discourse
Julia S. Starostina, Larissa M. Leonovich 63

A Cognitive Approach to Studying Semantics of Pointing Action Predicates (Based on the English Language)
Ekaterina Yu. Kholdeeva 76

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE 88

Expressionist Discourse in Texts by Kurt Pintus and Kazimir Edschmid: the Problem of Reception
Elena A. Sakulina, Savva M. Starkov 88

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION 111

Effectiveness of Various Forms of Organizing the Educational Process in Teaching the Discipline “The Russian Verb” to Chinese Students in Master’s Degree Programs
Zara I. Godizova, Dzerassa V. Gabisova 111

Distance Learning of Russian as a Foreign Language Based on the Russian Social Network “VKontakte”
Marina Yu. Kovaleva, Yury Yu. Panchenko 127

The Potential of Using Flipgrid for the Development of Undergraduate Students’ Foreign Language Communicative Competence
Olga B. Lukmanova, Nadezhda Yu. Valiaeva 141

REVIEWS 158

Court Interpreting through the Prism of Linguosemiotics
Tatyana N. Fedulenkova 158

On Specificity of Applied Linguistics
Tatyana N. Fedulenkova, Viktoriya V. Kalinovskaya, Anastasiya V. Valueva 163

CHRONICLE 169

In Memoriam of Professor Felix A. Litvin
Olga B. Abakumova, Anna D. Bakina 169

CONTRIBUTORS' INFORMATION 176

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1’37: 81’23
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-9-22

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

О. В. Иванова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена описанию ассоциативных связей лексем «достоинство» и «недостатки» на материале художественных текстов. Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные изучению ассоциативной структуры (АС) текста. Основным методом работы является методика ассоциативного эксперимента, которая была проведена в студенческих группах старших курсов. Испытуемым были предложены два отрывка художественного стиля, написанные М. Ю. Лермонтовым и А. Моруа. Студентам было необходимо написать ассоциации, которые первыми пришли в голову после прочтения представленных отрывков. Мнения студентов разделились на два ассоциативных поля (АП): описание достоинств и недостатков человека. Тексты были подобраны с учетом описания положительных и отрицательных качеств человека, которые неявно представлены в художественных текстах. Автор проанализировал полученные результаты и отразил их во фрагментах ассоциативного поля «достоинство» и «недостатки» после каждого текста. Далее автором были обобщены полученные ассоциации в соответствующих диаграммах. Величина ассоциативного поля «достоинство» составила 261 ассоциацию. Все представленные качества в рамках АС слова «достоинство» можно разделить на две группы: совокупность свойств, которые характеризуют высокие моральные ценности самого человека (скромность, веселый, гордость, умный, проницательность, оптимизм); совокупность свойств человека, которые проявляются в общении с другими людьми (понимание, благородство, прощение (умение прощать)). Величина ассоциативного поля «недостатки» составляет 238 лексических единиц. Лексема «недостатки» включает в себя особенности характера человека, которые проявляются в обществе других людей, отражают особенности воспитания человека: дурной, лукавство, скрытность, злопамятность, зависть, комплексы, болтливость, личные, мои, плохой. Автор приводит четыре ассоциативных ветви лексемы «недостаток» при характеристике ассоциативной структуры слова. Автор приходит к выводу, что испытуемые уловили философские взгляды писателей на понимание лексем «достоинство» и «недостатки», считая, что эти качества человека возникают в обществе, характеризуют самого человека и его отношение к другим людям, а также способность устранить или скрыть свои недостатки. Автор отмечает лексическое и грамматическое разнообразие лексем при характеристике ассоциативного поля слов «достоинство» и «недостатки».

Ключевые слова: ассоциативное поле; ассоциации; ассоциативная структура; художественный текст; методика ассоциативного эксперимента.
Цитирование: Иванова О. В. Ассоциативные связи языковых единиц в художественном тексте // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 9–22. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-9-22.

Associative Relations of Linguistic Units in Fiction Texts

Olga V. Ivanova
N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article describes associative links of the lexemes “merits” and “demerits” in fiction texts. The research is based on the work of Russian and foreign researchers on the associative structure of the text. The main method of work is the method of the associative experiment, which was carried out in senior student groups. The subjects were offered two excerpts from fiction texts by Mikhail Lermontov and André Maurois. The students were asked to write down associations that first came to their minds after reading the passages presented. The students’ responses were divided into two associative fields: 1) descriptions of a person’s merits and 2) descriptions of a person’s demerits. The texts were specially selected in such a way that they included implicit descriptions of positive and negative qualities of a person. The results were then analyzed, put into the respective associative fields “merits” and “demerits” after each text, and, further, summarized in the corresponding diagrams. The value of the associative field “merits” was 261 associations. All the qualities presented within the framework of the AS “merits” can be divided into two groups: 1) a set of properties that characterize high moral values of the person himself (e.g.: ‘modesty,’ ‘cheerful,’ ‘pride,’ ‘intelligent,’ ‘insight,’ ‘optimism’ etc.); and 2) a set of properties that are manifested in communication with other people (e.g.:’ understanding,’ ‘nobility,’ ‘forgiveness’ (i.e., the ability to forgive), etc.). The value of the associative field “disadvantages” is 238 lexical units. The meaning of the lexeme “demerits” includes character qualities, which are manifested by a person in the society of other people and reflect the peculiarities of their upbringing (e.g.: ‘evil,’ ‘cunning,’ ‘secrecy,’ ‘rancor,’ ‘envy,’ ‘complexes,’ ‘talkativeness,’ ‘personal,’ ‘mine,’ ‘bad.’). When characterizing its associative structure, the author singles out four associative branches of the lexeme “demerit” and comes to the conclusion that the experiment’s subjects were able to grasp the philosophical understanding of the authors’ views on “merits” and “demerits” and to understand that these qualities arise in the society, characterize the person and their attitude towards other people, as well as their ability to eliminate or hide their shortcomings. The author notes the lexical and grammatical diversity of lexemes when characterizing the associative field of the words “merits” and “demerits.”

Key words: associative field; associations; associative structure; fiction text; method of the associative experiment.
Citation: Ivanova, Olga V. (2022) Associative Relations of Linguistic Units in Fiction Texts. *LUNN Bulletin,* 2 (58), 9–22. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-9-22.

1. Введение

Вопрос о возможности применения ассоциативного эксперимента для изучения грамматических и лексических единиц поднимался еще на начальном этапе работы в области словесных ассоциаций. Н. В. Уфимцева отмечала существование системных отношений между свободными ассоциациями и грамматическими классами слов (Уфимцева 1977: 33). Исследователь Д. Г. Выговская отмечает актуальность изучения метода свободных ассоциаций как одного из первых проективных методов психологии (Выговская 2014: 1158).

Целью работы является характеристика ассоциативного поля слов «достоинство» и «недостатки» на материале отрывков двух художественных текстов. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1) определить ассоциативное поле и ассоциативную структуру лексемы «достоинство» на материале отрывков художественных текстов;

2) изучить ассоциативное поле лексической единицы «недостатки» на материале отрывков текстов художественного стиля;

3) сравнить ассоциативные связи, ассоциативные поля и структуры лексем «достоинство» и «недостатки»;

4) изучить соотнесенность наполнения ассоциативных полей «достоинство» и «недостатки» с тематикой представленных текстов.

Для анализа предлагаются отрывки из художественных текстов М. Ю. Лермонтова и А. Моруа, темой которых является характеристика положительных и отрицательных качеств человека.

Гипотезой исследования является соответствие ассоциативных связей слов «достоинство» и «недостатки» тематике отрывков текстов художественной литературы.

Обратимся к анализу отечественных и зарубежных работ, посвященных анализу текстов и ассоциативных связей в текстах. Формирование лексикона тезаурусного типа рассматривается в работе Т. С. Серовой и Л. П. Шишкиной. Ученые последовательно доказывают, что основные слова-понятия, представленные в исследуемых дефинициях, последовательно отражают ассоциативные связи слов, выраженные языковыми средствами (Серова, Шишкина 2011: 230).

Исследователи Д. Избасаров, Э. А. Исламова, Р. М. Болгарова, М. С. Жолшаева проанализировали ассоциативное поле лексем «работа» в русском и татарском языках и пришли к выводу, что ассоциации русскоязычных информантов отличаются большим разнообразием лексем с отрицательной коннотацией и сниженными лексическими характеристиками (Izbasarov, Islamova, Bolgarova, Zholshayeva 2017: 508).

В работе В. С. Загуменкиной и Н. Ф. Крюковой отмечается господство ассоциативных связей в художественных текстах, поскольку художественное слово является понятийно-неисчерпанным, а художественный текст строится по законам ассоциативно-образного мышления (Загуменкина, Крюкова 2016: 21–22). Метод ассоциативного эксперимента активно используется при изучении иностранных языков при запоминании новых слов: выписать — придумать ассоциации — повторять выученные слова в течение дня (Белорукова, Золотова, Карпова 2019: 140). Исследователь М. А. Фокина обозначила важность ассоциативных связей в тексте при изучении демотиваторов в России и США и новых жанров в интернет-коммуникации. Большое внимание в работе уделяется анализу фонетических ассоциаций (Фокина 2012: 84).

В работах О. В. Ивановой исследуются ассоциативные связи лексических и грамматических лексических единиц в текстах разных стилей (Иванова 2016, 2018). Исследователи Т. Недашкивска и Л. Кушмар изучили ассоциативный путь от восприятия к пониманию текста, выявляя отличия ассоциативного поля от лексико-семантического (Nedashkivska, Kushmar 2017: 49).

Научной новизной исследования является обращение к характеристике ассоциативного поля и ассоциативной структуры слов «достоинство» и «недостатки», тематика которых представлена в отрывках художественных текстов М. Ю. Лермонтова и А. Моруа.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основным методом работы является свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), который позволяет исследователю подробно изучить АП и АС лексем, определяющих тему текста.

Материалом исследования послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в студенческих группах численностью 10–20 человек. Испытуемым предлагалось изучить текст в течение пяти минут, прочитав его про себя. Далее каждый информатор получал анкету с написанными на ней словами-стимулами «достоинства» и «недостатки». Испытуемым было необходимо в течение пяти минут написать первые приходящие в голову слова-реакции (слова и словосочетания), которые они могут воспроизвести после чтения текста. В ассоциативном эксперименте принимали участие 30 студентов. Это свидетельствует о том, что на каждое слово-стимул были получены слова-реакции от 30 человек. Далее была проведена обработка данных, в результате которой было составлено ассоциативное поле лексем «достоинства» и «недостатки».

Необходимо отметить, что сведения, полученные испытуемыми в рамках ассоциативного эксперимента, были зафиксированы с учетом всех ответов информантов (Иванова 2018: 51).

Материалом анализа являются отрывки из художественных произведений М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и А. Моруа «Письма незнакомке», представляющие собой тексты-рассуждения, построенные по схеме: тезис — обоснование — доказательства — итоги. В каждом из текстов употребляются качественно-оценочные лексемы, позволяющие раскрыть семантику темы не только в рамках одного предложения, но и в пределах представленного отрывка (Валгина 2003).

Необходимо отметить, что ассоциативные отношения между словами в текстах художественного стиля представляют наибольший интерес в работах исследователей (Хроликова, Ермоленко 2017: 132; Иванова 2021: 32).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Ассоциативные поля и ассоциативные структуры построены в порядке убывания коэффициента встречаемости в ответах испытуемых. Первым этапом ассоциативного эксперимента является построение текстовых ассоциативных полей и ассоциативных структур лексем, которые определяют тему текста (Караулов 2015: 15).

Текст 1.

Все читали на моем лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть (М. Ю. Лермонтов).

В первом тексте широко представлены качественно-оценочные прилагательные: *дурной*, *скрытен*, *скромен*, *злопамятен*, *веселы*, *болтливы*, *завистлив*. Данные примеры способствуют передаче общей эмоциональной оценки, что в целом характерно для оппозиции хороший — плохой и достоинства — недостатки (Мао Янь 2018: 144).

Некоторые характеристики АП были выбраны испытуемыми из текста. При характеристике морфологических особенностей прилагательных следует отметить их сочетаемость с лексемами, употребленными в тексте: ***дурных*** *чувств* (мн. ч., род. п.). Кроме этого, большая часть прилагательных является частью именного сказуемого с разными видами связок: отвлеченной (***был*** *скромен*) и полуотвлеченной (***стал*** *скрытен*, *злопамятен*,

сделался *завистлив*). Вторая группа ответов представляет собой лексемы, которые не встречались в приведенном отрывке.

В результате анализа полученных ответов экспериментатор определил ассоциативное поле слов «достоинства» и «недостатки». Реакции информантов располагаются в порядке убывания частоты одинаковых ответов, от большей к меньшей. Рядом с реакцией испытуемых размещено число одинаковых ассоциаций на соответствующую лексему. Рядом с заглавным словом располагаются два числа: первое характеризует общее количество ответов на вопросы, а второе — величину АП. Величина АП объясняет количество ассоциаций на одно и то же слово (Караулов, Черкасова, Уфимцева, Сорокин, Тарасов 2002: 15).

Фрагмент АП слова «достоинство»

(частота ответов — 3 и более)

Достоинство 185 / 135

Честь 18	Качество 5	Скромность 4
Человека 11	Свое 5	Понимание 3
Недостаток 6	Собственное 5	Веселый 3
Гордость 4	Умный 5	Любовь 3
Человеческое 4		

Фрагмент АП слова «недостатки»

(частота ответов — 3 и более)

Недостатки 174 / 125

Характер 6	Лукавство 3	Люди 3
Достоинства 5	Скрытность 3	Плохой 3
Дурной 4	Злопамятность 3	
Воспитание 4	Зависть 3	
Общество 4	Комплексы 3	

Величина ассоциативного поля слова «достоинство» текста 1 составляет 135 ассоциаций. Всего в рамках ассоциативного эксперимента было получено 185 реакций информантов. Из них с частотой 5 и более — 55 реакций, с частотой 4 — 12 реакций, с частотой 3 — 9 реакций, с частотой 2 — 22 реакции, с частотой 1 — 37 реакций.

Следует отметить некоторые наименее повторяющиеся лексемы АП «достоинство»: благородство (2), высокое (2), женщины (2), женское (2), личность (2), не терять (1), превыше всего (1), преимущество (1), рыцарь (1), смелость (1), у каждого человека (1), чувство (2).

Величина АП слова «недостатки» составляет 125 ассоциаций. Всего в рамках ассоциативного эксперимента было получено 174 реакции испытуемых. Из полученных данных с частотой 5 и более — 11 реакций, с частотой 4 — 12 реакций, с частотой 3 — 21 реакция, с частотой 2 — 35 реакций, с частотой 1 — 46 реакций.

Наименее повторяющимися лексемами АП «недостатки» являются: у всех (2), большие (2), в работе (2), в разговоре (2), внешние (2), есть у всех (1), личные (1), недочеты (1), неприятности (1), преодолеть (1), чужие (1), явные (1).

Ответы распределяются в ассоциативном поле вокруг частых ассоциаций, характеризуются рассредоточением.

Проанализируем состав АП слова «достоинство». Часть ответов — скромность (4), веселый (3) и любовь (3) — были взяты информантами из первого текста. Ряд ассоциаций не встречается в тексте, однако испытуемые уловили контекстную связь с темой текста: качество (5), честь (18), свое (5), собственное (5), человеческое (4).

В «Русском ассоциативном словаре» самые распространенные реакции совпадают, однако приводятся более отдаленные от темы реакции: рыцарь (1), иллюзия (1), женщины (1), нищий (1), сильное (1), сохранить (1) (Караулов, Черкасова, Уфимцева, Сорокин, Тарасов 2002: 302).

Ассоциативная структура слов находит выражение в проявлении семантических отношений между стимулом и реакцией в ассоциативном поле данного слова (Уфимцева, Тарасов 2009: 23). По мнению испытуемых, достоинства находят проявление в таких человеческих (4) качествах (5), как скромность (4), понимание (3), ум (5), гордость (4), любовь (3). При этом связь с темой текста находит проявление в частотном употреблении лексем: человек (11), недостаток (6) человеческое (4). Это свидетельствует о том, что тема первого текста характеризуется дуализмом восприятия достоинств и недостатков человека.

Обратимся к анализу АП лексемы «недостатки». Отметим, что некоторые ответы были взяты испытуемыми из первого текста: дурной (4), лукавство (3), зависть (3), злопамятность (3), скрытность (3). Кроме этого, информанты использовали слова, которые не встречаются в тексте, но имеют отношение к его тематике: характер (6), воспитание (4), комплексы (3), плохой (3).

В «Русском ассоциативном словаре» самые распространенные реакции совпадают с полученными данными, при этом приводятся более отдаленные лексические единицы: мои (2), плохо (2), преимущества (2), скрывать (2), в воспитании (1), в деньгах (1), в работе (1) (Караулов, Черкасова, Уфимцева, Сорокин, Тарасов 2002: 370).

Получается, что испытуемые видят недостатки в отдельных чертах характера, отраженного в ассоциативной структуре: скрытность (3), лукавство (3), зависть (3). Тезис подтверждается тем, что лексема «характер» употребляется наибольшее количество раз, что также доказывает важность сочетания слов «недостатки» и «черты характера».

Текст 2.

Замечали ли вы, незнакомка души моей, что наши недостатки могут нравиться не меньше, чем достоинства? А порою даже и больше? Ведь достоинства, возвышая вас, унижают другого, между тем как недостатки, позволяя другим беззлобно посмеяться над вами, поднимают их в собственных глазах. Женщине прощают болтливость — ей не прощают ее правоту. Байрон оставил свою жену, которую он именовал «принцессой параллелограммов», ибо она была слишком проницательна и умна (А. Моруа).

Сравним данные эксперимента с текстов А. Моруа «Письмо незнакомке».

Фрагмент АП слова «достоинство»

Достоинство 184 / 126

Проницательность 11	Человек 11	Скромность 4
Возвышение 10	Качество 4	Оптимизм 4
Прощение 6	Мое 3	
Умный 5	Благородство 3	

Фрагмент АП слова «недостатки»

Недостатки 152 / 113

Унижение 3	Мои 5
Смеяться 10	Скрывать 4
Болтливость 4	Плохо 5
Бывают 3	Устранять 3
Личные 5	Большие 5
Мириться 4	Неприятности 4

Величина ассоциативного поля слова «достоинство» текста 2 составляет 126 реакций. Всего было получено 184 ассоциации. Из полученных данных авторами зафиксировано с частотой 5 и более — 43 реакции, с частотой 4 — 12 реакции, с частотой 3 — 6 реакций. Некоторые реакции были взяты из предложенного текста: проницательность (11), прощение (6), умный (5). Часть ассоциаций была предложена информантами и связана с

тематикой текста: возвышение (10), человек (11), качество (4), благородство (4), скромность (4), оптимизм (4).

Необходимо отметить, что ассоциативное поле слова «достоинство» во втором тексте имеет две ассоциативные ветви:

1) достоинства, связанные с качествами человека: проницательность (11), умный (5), качество (4), мое (3), скромность (4);

2) достоинства, связанные с отношением к другим людям: возвышение (10), прощение (6).

Величина ассоциативного поля слова «недостатки» составляет 113 ассоциаций. Общее количество ассоциаций АП слова «недостатки» составляет 152 лексемы. Из полученных данных с частотой 5 и более встречается 30 реакций, с частотой 4 — 16 реакций, с частотой 3 — 9 реакций.

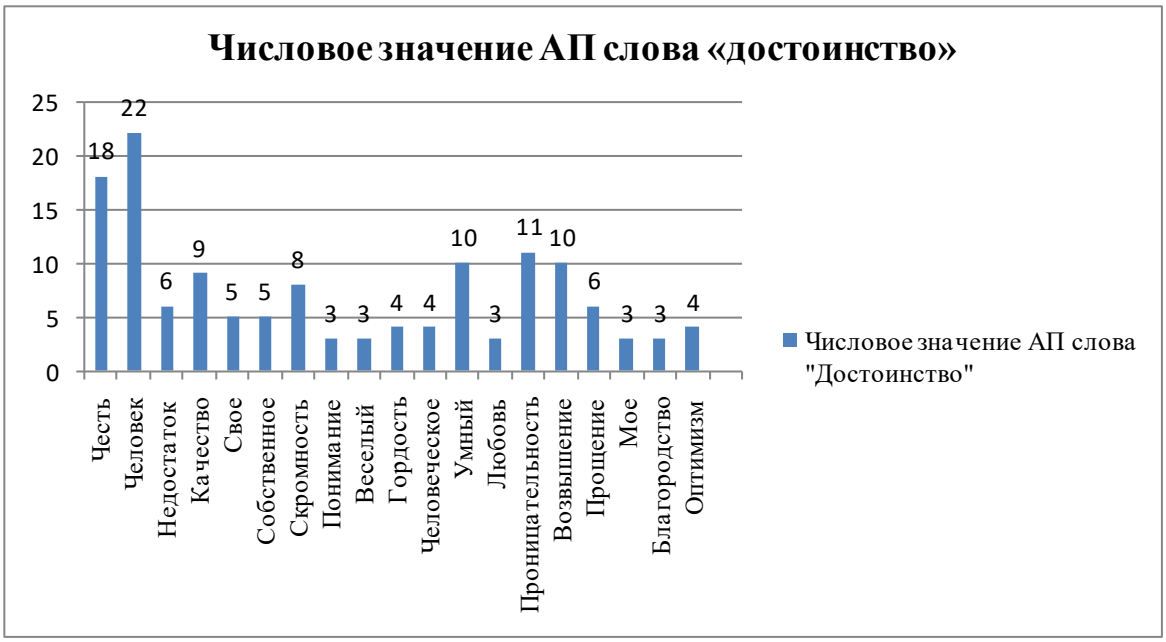
Часть ассоциативных лексем была взята испытуемыми из предложенного текста: унижение (3), смеяться (10), болтливость (4). Некоторые лексемы были выбраны испытуемыми из собственного тезауруса. Их характеризует связь с темой текста: мириться (4), скрывать (4), плохо (5).

Ассоциативное поле слова «недостатки» во втором тексте имеет две ассоциативные ветви в АС:

1) недостатки, связанные с личными качествами человека: болтливость (4), личные (5), мои (5), неприятности (4);

2) недостатки, которые раскрываются в коллективе: унижение (3), смеяться (10), мириться (4), скрывать (4), устранять (3).

На Диагр. 1. отражено количество ассоциаций АП слова «достоинство» в первом и втором текстах (см. Диагр. 1). Это позволит выявить семантические группы слов в рамках ассоциативной структуры лексем «достоинство» в двух текстах.



Диагр. 1. Характеристика АП слова «достоинство»

На Диагр. 1. отражена зависимость ассоциаций, полученных в ходе эксперимента, и числовое значение АП слова «достоинство». Лексема «достоинство» включает в себя качества человека, которые возвышают его над остальными людьми: человек (22), возвышение (11), качество (6). К таким качествам большая часть информантов относит следующие: честь (18), скромность (8), понимание (5), веселый (3), гордость (3), умный (10), любовь (3), проницательность (11), прощение (6), благородство (3), оптимизм (4).

Все представленные качества в рамках АС слова «достоинство» можно разделить на две группы:

1) совокупность свойств, которые характеризуют высокие моральные ценности самого человека: скромность, веселый, гордость, умный, проницательность, оптимизм;

2) совокупность свойств человека, которые проявляются в общении с другими людьми: понимание, благородство, прощение (умение прощать).

Получается, что большая часть испытуемых считают лексему «достоинство» качеством человека, отмечая важность качеств, направленных на себя: свое (5), собственное (5), мое (6).

Перейдем к обобщенной характеристике АП слова «недостатки» (см. Диагр. 2).

Диагр. 2. Характеристика АП «недостатки»

Лексема «недостатки» включает в себя особенности характера (6) человека, которые проявляются в обществе (4) других людей (3), отражают особенности воспитания человека (4): дурной (4), лукавство (3), скрытность (3), злопамятность (3), зависть (3), комплексы (3), болтливость (4), личные (5), мои (5), плохой (8).

Второй ветвью ассоциативной структуры слова «недостатки» являются действия, которые совершает человек в обществе по отношению к другим людям: унижение (3), смеяться (10), мириться (4).

Третья ветвь АС слова «недостатки» связана с осознанием наличия недостатков — «бывают» (3), возможностью их скрыть (скрывать) (4) и устранить (3).

Четвертая ветвь АП слова «недостатки» характеризует их объем — большие (5) — и приравнивает их к синонимичному слову «неприятности» (4).

Информанты уловили философские взгляды авторов на понимание лексем «достоинство» и «недостатки», считая, что эти качества человека возникают в обществе, характеризуют самого человека и его отношение к другим людям, а также способность устранить или скрыть свои недостатки.

4. Выводы

Таким образом, результаты проведенного экспериментального исследования свидетельствуют о том, что были выявлены ассоциативные связи слов в текстах, имеющих качественно-оценочные компоненты. В рамках исследования были составлены ассоциативные поля лексем «достоинство» и «недостатки». Самыми частотными реакциями являются качества (9) человека (22), которые находят отражение в поведении в обществе.

Наблюдения и проведенные эксперименты показывают, что ассоциативные связи в представленных текстах являются своеобразными и демонстрируют богатство лексических единиц в рамках АП и АС слов «достоинство» и «недостатки»:

1. имена существительные (честь, человек, недостаток, качество);
2. имена числительные (мой, мои, свой);
3. имена прилагательные (веселый, человеческое, умный, дурной, плохой);
4. глаголы (смеяться, мириться, устранять).

Результаты проведенного эксперимента на материале художественных текстов с качественно-оценочными лексемами позволяют сделать вывод о богатстве состава и структуры ассоциативных полей слов «достоинство» и «недостатки». При этом количественный состав ассоциативного поля «достоинство» и «недостатки» в разных текстах отличается, несмотря на общую тему текстов.

Список литературы / References

Белорукова М. В., Золотова М. В., Карпова Ю. Н. Повышение эффективности самостоятельной работы над лексикой в неязыковом вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 45. С. 137–147. [Belorukova, Maria V., Zolotova, Marina V., & Karpova, Julia N. (2019) Povysheniye effektivnosti samostoyatel'noy raboty nad leksikoy v neyazykovom vuze (Increasing Efficiency of Independent Vocabulary Work at a Non-linguistic University). *LUNN Bulletin*, 45, 137–147. (In Russian)].

Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. [Valgina, Nina S. (2003) *Teoriya teksta* (Text Theory). Moscow: Logos. (In Russian)].

Выговская Д. Г. Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике // Наука ЮУрГУ: Материалы 66-й научной конференции Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. С. 1157–1164. [Vygovskaya, Daria G. (2014) Assotsiativnyy eksperiment kak odin iz metodov v psikholingvistike (Association Experiment as One of the Methods in Psycholinguistics). In *Nauka YuUrGU: Materialy 66-y nauchnoy konferentsii Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk* (Science of South Ural State University: Proceedings

of the 66th Scientific Conference of the Section of Social and Humanitarian Sciences). Chelyabinsk: Izd. tsentr YuUrGU, 1157–1164. (In Russian)].

Загуменкина В. С., Крюкова Н. Ф. Художественный текст как смысловой конструкт с установкой на распредмечивающее понимание // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 33. С. 19–30. [Zagumenkina, Valentina S., & Kryukova, Natalya F. (2016) Khudozhestvennyy tekst kak smyslovoy konstrukt s ustanovkoy na raspredmechivayushcheye ponimaniye (Litarary Text as an Interpretation-oriented Meaning Construct). *LUNN Bulletin*, 13. 19–30. (In Russian)].

Иванова О. В. Ассоциативные связи слов в текстах разных стилей // Материалы VIII Международной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». Челябинск: ЧелГУ, 2016. Ч. 2. С. 49–51. [Ivanova, Olga V. (2016) Assotsiativnyye svyazi slov v tekstakh raznykh stiley (Associative Links of Words in Texts of Different Styles). In *Materialy VIII Mezhdunarodnoy konferentsii «Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh»* (Proceedings of the VIII International Conference "Word, Utterance, Text in Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects"). Chelyabinsk: ChelGU. Part 2, 49–51. (In Russian)].

Иванова О. В. Ассоциативные связи лексических единиц в тексте // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. № 4. С. 50–59. [Ivanova, Olga V. (2018) Assotsiativnyye svyazi leksicheskikh yedinits v tekste (Associative Links of Lexical Units in the Text). *LUNN Bulletin*, 4. 50–59. (In Russian)].

Иванова О. В. Ассоциативные связи грамматических единиц в тексте // Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. Киров: ВятГУ, 2021. С. 31–36. [Ivanova, Olga V. (2021) Assotsiativnyye svyazi grammaticheskikh yedinits v tekste (Associative Links between Lexical Items in a Text). In *Semantika. Funtsionirovanie. Tekst: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnylh trudov* (Semantics. Functioning. Text. Interuniversity collection of scientific works. Vyatka State University). Kirov: VyatGU, 31–36. (In Russian)].

Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 14–35. [Karaulov, Yury N. (2015) Assotsiativnyy analiz: novyy podkhod k interpretatsii khudozhestvennogo teksta (Associative Analysis: a New Approach to Interpreting a Fiction Text). *Journal of Psycholinguistics*, 25, 14–35. (In Russian)].

Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции. М.: АСТ–Астрель, 2002. [Karaulov, Yury N., Cherkasova, Galina A., Ufimtseva, Natalya V., Sorokin, Yury A., & Tarasov, Eugene F. (2002). *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t. T. 1: Ot stimula k reaktsii* (Russian Associative Dictionary: in 2 vols. Vol. 1: From Stimulus to Response). Moscow: AST–Astrel. (In Russian)].

Мао Янь. Оценочность качественно-относительных прилагательных в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (79). С. 143–148. [Mao, Yan. (2018) Otsenochnost' kachestvenno-otnositel'nykh prilagatel'nykh v russkom yazyke (The Evaluative Value of Qualitative-Relative Adjectives in Russian). *Philology. Theory & Practice*, 1, 143–148. (In Russian)].

Серова Т. С., Шишкина Л. П. Двуязычный лексикон тезаурусного типа как средство формирования переводческого билингвизма // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 14. С. 222–231. [Serova, Tamara S., & Shishkina, Larisa P. (2011) Dvuyazychnyy leksikon tezaurusnogo tipa kak sredstvo formirovaniya perevodcheskogo bilingvizma (Bilingual Lexicon of Thesaurus Type as a Means of Forming Translation Bilingualism). *LUNN Bulletin*, 14, 222–231. (In Russian)].

Уфимцева Н. В. Грамматический аспект ассоциаций // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1977. С. 33–38. [Ufimtseva, Natalya V. (1977) Grammaticheskiy aspekt assotsiatsiy (The Grammatical Aspect of Associations). *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* (Dictionary of Associative Norms of the Russian Language). Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 33–38. (In Russian)].

Уфимцева Н. В., *Тарасов Е. Ф*. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 4. С. 18–25. [Ufimtseva, Natalya V., & Tarasov, Evgeniy F. (2009) Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya (Problems of Studying Linguistic Consciousness). *Journal of Psycholinguistics*, 4, 18–25. (In Russian)].

Фокина М. А. Демотиваторы в России и США: новые жанры в интернет-коммуникации в глобализирующемся мире // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2012. Вып. 20. С. 74–85. [Fokina, Margarita A. (2012) Demotivatory v Rossii i SSHA: novyye zhanry v Internet-kommunikatsii v globaliziruyushchemsya mire. (Demotivators in Russia and the USA: New Genres in Internet Communication in a Globalizing World). *LUNN Bulletin*, 20. 74–85. (In Russian)].

Хроликова В. А., Ермоленко С. И. Ассоциативный фон эпистолярного романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика. Динамика художественных систем. 2017. № 4. С. 139–142. [Khrolikova, Valeria A., & Yermolenko, Svetlana I. (2017) Assotsiativnyy fon epistolyarnogo romana F. M. Dostoyevskogo «Bednyye lyudi» (The Associative Background of F. M. Dostoevsky's Epistolary Novel "Poor Folk"). *Ural Journal of Philology*. *Series: Russian Classic Literature. Dynamics of Literary Systems*, 4, 139–142. (In Russian)].

Izbasarov, Daniyar, Islamova, Elvira A., Bolgarova, Ramziya, & Zholshayeva, Maira S. (2017) The Associative Field Of The Lexemes «Work» in Russian and Tatar Language Consciousness. *Revista Publicando*, 4, 12(1), 507–516.

Nedashkivska, Tetiana, & Kushmar, Lesia. (2017) Associative Way from Perception to Understanding: Associative Field vs Lexical-Semantic Field. *Journal of Modern Education Review*, Vol. 7, 1, 44–50. DOI 10.15341/jmer(2155-7993)/01.07.2017/005.

УДК 81’25:581
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-23-36

ПЕРЕВОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕОЛОГЕМ: ОПЫТ ПЕРЕВОДА БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

У Мэй, О. В. Дубкова

Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай

В российской политической лингвистике идеологемы обычно рассматриваются как идеологические догмы, учитываются их связи с политическим строем, социальными процессами и этическими нормами. При таком подходе перевод и интерпретация идеологем становится сложным процессом, который актуализирует проблему переводческой деятельности и деятельности переводчика, требует разработки и уточнения этапов и приемов перевода. При переводе идеологем переводчик является транслятором не только культуры, но и идеологии, несет на себе бремя социально-политической ответственности за точность перевода идеологического содержания конкретного слова и исходного текста. Тем не менее в настоящее время существуют многочисленные варианты перевода и неоднозначные интерпретации китайских идеологем на европейские языки. Все это определяет цель настоящего исследования — формирование новых подходов к теории и практике перевода и интерпретации языковых единиц, имеющих дополнительное идеологическое содержание и используемых определенной социально-политической формацией для поддержания социальной стабильности и укрепления государственности. Процесс перевода с китайского языка на европейские языки вызывает особые трудности, так как перевод осуществляется между языками разного типологического строя и разных графических систем. Перевод с китайского языка слов, имеющих дополнительное идеологизированное содержание, должен состоять из нескольких последовательных этапов. Необходимо проводить анализ иероглифов, входящих в состав исходного слова, изучать процессы образования нового китайского слова и формирования ценности, приращения смыслов в рамках социализма с китайской спецификой и затем осуществлять поиск эквивалентного понятия в языке перевода. Процесс перевода идеологем не должен и не может ограничиваться использованием двуязычных словарей, необходимо активно использовать язык-посредник, прецедентные тексты на двух языках и другие актуальные для понимания исходного смысла источники. На примере перевода базовых ценностей социализма с китайской спецификой как ключевых идеологем современного китайского общества предлагается конкретная модель перевода идеологем с китайского языка на русский. Исследование позволяет моделировать процесс перевода с китайского на европейские языки и уточнить перевод ряда китайских идеологем на русский язык.

Ключевые слова: идеологема; моделирование перевода; китайский язык; русский язык; базовые ценности социализма с китайской спецификой.

Цитирование: Мэй У, Дубкова О. В. Перевод и интерпретация идеологем: опыт перевода базовых ценностей социализма с китайской спецификой на русский язык // Вест-

ник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 23–36. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-23-36.

Translation and Interpretation of Ideologemes: the Experience of Translating the Basic Values of Socialism with Chinese Characteristics into Russian

Wu Mei, Olga V. Dubkova
Xi'an International Studies University, Xi'an, China

In Russian political linguistics, ideologemes are usually considered as ideological dogmas, and their connections with the political system, social processes, and ethical norms are duly taken into account. With this approach, translation and interpretation of ideologemes becomes a complex process that brings into sharp relief various challenges of both the translation itself and the work of the translator and requires a more detailed and refined description of the stages and methods of such translation. When translating ideologemes, the translator functions as a translator of not only culture, but also of ideology, and, consequently, bears the burden of socio-political responsibility for the accuracy of the translation of the ideological content of a particular word and the source text. Nevertheless, at present there are numerous translations and ambiguous interpretations of Chinese ideologemes into European languages. All this determines the purpose of this study: the development of new approaches to the theory and practice of translation and interpretation of language units that have additional ideological content and are used by a certain socio-political formation to maintain social stability and to strengthen statehood. The process of translation from Chinese into European languages causes particular difficulties, since translation is carried out between languages of different typological systems and different graphic systems. Translation from Chinese of words with additional ideologized content should include several successive stages. The translator should 1) analyze the hieroglyphs that make up the original word, 2) study the processes of the formation of the new Chinese word and the formation of the associated value, tracing increments of meaning added within the framework of socialism with Chinese characteristics, and then 3) search for an equivalent concept in the target language. The process of translating ideologemes cannot and should not be limited to the use of bilingual dictionaries; translators must be encouraged to actively use an intermediary language as well as precedent texts in two languages and other sources that are relevant for understanding the original meaning. Based on the example of the translation of the basic values of socialism with Chinese characteristics as the key ideologemes of modern Chinese society, the authors propose a specific model for the translation of ideologemes from Chinese into Russian. The study can serve as a foundation for modeling the process of translation from Chinese into European languages and for clarifying the translation of a number of Chinese ideologemes into Russian.

Key words: ideologeme; translation modeling; Chinese; Russian; the core values of socialism with Chinese characteristics.

Citation: Mei, Wu, Dubkova, Olga V. (2022) Translation and Interpretation of Ideologemes: the Experience of Translating the Basic Values of Socialism with Chinese Characteristics into Russian. *LUNN Bulletin*, 2 (58), 23–36. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-23-36.

1. Введение

Базовые ценности социализма с китайской спецификой (далее — БЦС) утверждены и обнародованы Канцелярией ЦК КПК 12 декабря 2013 года (中国共产党新闻网). В Китае с момента утверждения БЦС проводится активная работа по исследованию и интерпретации данных ценностей в рамках концепции Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, что оказывает значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику КНР. До настоящего времени не существует единого и кодифицированного перевода и единой интерпретации БЦС на иностранные языки, хотя в этом назрела насущная необходимость, что в целом и определяет актуальность данного исследования.

В рамках политической лингвистики понятие «идеологема» уже неоднократно рассматривалось как предмет и объект научного исследования. Как отмечает Н. А. Купина, идеологема — «операционная единица мышления, … навязанная к обязательному употреблению догма», «непосредственно связанная с политическим денотатом (социализм, оппозиционный) или получившая устойчивое идеологическое (политическое) приращение…» (Купина 2003: 94–95). Различные аспекты идеологем рассматриваются в исследованиях А. П. Чудинова (2012), Н. И. Клушиной (2014), О. В. Литвинцевой (2016), М. В. Михайловской (2018), Гуань Ц. (2022) и др.

Мы полагаем, что идеологема — это не только и не столько политико-идеологическая догма, навязываемая официальной властью для оценки и интерпретации политических событий, но и социально-этическая норма, используемая определенной социально-политической формацией для поддержания стабильности и укрепления государственности. В таком случае перевод идеологем становится сложным процессом, который не ограничивается простой работой со словарями и справочными изданиями, а является творческой деятельностью по интерпретации смыслов, которые возникают в результате так называемых приращений. В этом случае актуальным становится понимание перевода как лингвистического, но и культурного трансфера текстов на языке оригинала в лингвокультурное пространство языка перевода (Барышев, Сдобников 2020: 19). Если подходить к переводу идеологем формально, то возникают не только трудности понимания смысла носителями другого языка и представителями иной культуры, но и неверная интерпретация действий и поступков отдельных представителей, норм поведения китайского общества в целом и политики, осуществляемой государством в настоящее время. Это вступает в противоречие с требованием получателя перевода: важно не то, как сказано, а что сказано (Петрова 2019: 71).

С одной стороны, необходимо рассмотреть механизмы порождения идеологем в исходном языке и историю переводимой идеологемы как в исходном языке, так и в языке перевода, выделить актуальные смыслы для носителей исходного языка, с другой — изучить и использовать прецедентные тексты как основу для установления связей между идеологемой в исходном языке и существующей уже сходной или близкой по значению идеологемой (концептом, словом, понятием) в языке перевода. Все это, на первый взгляд, может восприниматься как излишняя «точность» перевода, но именно такой подход необходим в переводе идеологем на языки разного типологического строя, чтобы избежать ошибочных и не соответствующих реальности оценок и интерпретаций.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для исследования процесса перевода идеологем с китайского языка на европейские языке стали двенадцать базовых ценностей социализма с китайской спецификой, определенных Канцелярией ЦК КПК в декабре 2013 года. В ходе анализа языкового материала используются различные виды словарей китайского языка, двуязычные словари и текстовые материалы с использованием методов общего, сравнительного и исторического языкознания, включая элементы семантического, этимологического и др. анализа, что позволяет определить актуальные для перевода компоненты исходного слова.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Общая характеристика и проблемы перевода базовых ценностей социализма с китайской спецификой на европейские языки

БЦС представляют собой двенадцать идеологем или 24 иероглифа, которые относятся к трем уровням (государство, общество и личность), делятся на три уровня (государственный, социальный и личный), определяют три уровня отношений (человек — государство, человек — общество и человек — человек) и устанавливают нормы и правила поведения человека в рамках идеологической концепции социализма с китайской спецификой. Согласно вышеуказанной концепции, определяются и связи данных идеологем с категориями и понятиями социально-философских наук. Во-первых, БЦС связаны с китайской традиционной философско-идеологической концепцией, определяемой конфуцианством, даосизмом, легизмом, моизмом и китайским буддизмом; во-вторых, с теорией китайского марксизма, который опирается на идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина; и, наконец, с идеями западной философии, политологии и экономики, касающимися развития демокра-

тии, свободы, равенства, прав человека и других отличительных черт западного общества (张小平2021). Все это указывает на сложный идеологический сплав китайской и западной традиции, которые в рамках текущей концепции БЦС позволяют воплотить китайскую мечту о великом возрождении китайской нации. Такое понимание БЦС требует особого подхода к их переводу и интерпретации. Как отмечают А. В. Середа и Ю. В. Иванова, «сжатая форма определений ценностей при переводе на разные языки порождает многочисленные варианты, что приводит к расхождению понимания заложенного смысла (Середа, Иванова 2017: 95).

На основе моделирования ценностного пространства в сознании современных китайцев создается новая система ценностей, требующая от переводчика понимания природы китайского слова, обозначаемого как одним иероглифом, так и их сочетаниями. Каждый иероглиф (за исключением отдельных пиктограмм) представляет собой сочетание графем и имеет различные смыслы в разные исторические периоды. Переводчику также необходимо понимать особенности моделирования китайского слова, представляющего собой сочетание иероглифов, каждый из которых имеет собственное значение, и получающего в системе ценностных идеологем новое содержание. Следует учитывать, что «выбор стратегий и тактик перевода напрямую зависит от культурно-обусловленной коммуникативной ситуации» (Малёнова 2022: 69). При переводе китайских идеологем данный подход является не только целесообразным, но обязательным.

Если перевод БЦС на английский язык является «кодифицированным», БЦС определены как *core socialist values* и переведены следующим образом: 富强 / *prosperity,* 民主 / *democracy,* 文明 / *civility,* 和谐 / *harmony,* 自由 / *freedom,* 平等 / *equality,* 公正 / *justice,* 法治 / *rule of law,* 爱国 / *patriotism,* 敬业 / *dedication* / 诚信 / *integrity,* 友善 / *friendship* (人民网), то к настоящему времени в переводе БЦС на русский язык не наблюдается единства. В ходе анализа фактического материала нами обнаружены различные варианты перевода идеологем, обозначающих базовые ценности китайцев, что создает определенные трудности в идентификации языкового материала и вольные интерпретации исходного смысла. Например, в статье А. В. Середы и Ю. В. Ивановой предлагается следующий вариант перевода БЦС: 富强 *Prosperity — богатство и могущество*; 民主 *Democracy — демократия*; 文明 *Civility — культура* (следование цивилизованным нормам общежития); 和谐 *Harmony — гармония*; 自由 *Freedom — свобода*; 平等 *Equality — равноправие*; 公正 *Justice — справедливость*; 法治 *Rule of Law — управление на основе закона*; 爱国 *Patriotism — патриотизм*; 敬业 *Dedication — преданность профессио-*

нальному делу; 诚信 *Integrity — честность*; 友善 *Friendship — дружелюбие, доброжелательность* (Середа, Иванова 2017: 95–96). При анализе этнокультурных особенностей некоторых базовых ценностей социализма с китайской спецификой А. А. Хабаров и Цзя Шуюэ предлагают следующие варианты: 民主 / *демократия*, *народовластие*; 平等 / *равноправие*, *равенство*; 富强 / *богатство и могущество*, *мощь* (государства); 法治 / *законность*, *верховенство права*; 爱国 / *патриотизм*, *любовь к Родине*; 诚信 / *честность*, *добросовестность* (Хабаров, Цзя 2022: 125), однако при анализе реакций авторы предлагают варианты перевода, несколько отличающиеся от исходно заявленных, например, идеологема 富强 переводится как *богатство* или *богатство и мощь*, 诚信 — *честность*, 文明 — *цивилизованность*, *культура*, 敬业 — *преданность делу*, 友善 — *дружественность* (Там же: 127). Отметим, что некоторые варианты перевода, предлагаемые вышеуказанными авторами, являются сложными для понимания или имеют неоднозначную интерпретацию в русском языке.

Текстологический анализ перевода с китайского языка на русский также показывает отсутствие единства в переводе данных идеологем. Приведем несколько примеров:

(1)为把我国建设成为**富强民主文明和谐美丽**的社会主义现代化强国、实现中华民族伟大复兴的中国梦不懈奋斗 *! = Мы будем неустанно бороться за то, чтобы превратить Китай в* ***богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную*** *модернизированную социалистическую державу и осуществить китайскую мечту о великом возрождении нашей нации!* (НКРЯ);

(2)希望通过**平等**协商达成各方都能接受的成果，推动多边贸易体制向前发展 = *[Китай] надеется на достижение приемлемых для всех сторон результатов путем проведения* ***справедливых*** *консультаций и, в конечном счете, на содействие поступательному развитию глобальной системы многосторонней торговли*» (НКРЯ);

(3) 着力营造内外资企业**公平**竞争的法治环境 = *[Китай] стремится создать правовую среду для* ***честной*** *конкуренции отечественных и иностранных компаний* (НКРЯ);

(4) 一场关乎国家命运与荣誉和民族**自由**的战役最终打响 = *[Советская сборная] боролась словно за судьбу и славу государства и даже за национальную* ***независимость****»* (НКРЯ) и т. д.

Анализ показывает, что не существует единства в переводе не только специфических китайских идеологем, связанных с процветанием государства, цивилизацией и гармонией, но и базовых понятий, традиционно ис-

пользуемых в европейской политической культуре — свобода, равенство и демократия.

3.2. Моделирование процесса перевода базовых ценностей социализма с китайской спецификой

Мы полагаем, что в процессе перевода базовых ценностей социализма с китайской спецификой следует учитывать следующее: 1) БЦС являются идеологемами, которые постоянно развиваются в рамках концепции социализма с китайской спецификой в новую эпоху; 2) БЦС связаны с древнекитайской философией и традиционной китайской культурой; 3) наличие БЦС требует от граждан практической реализации в поведении и в отношении к государству, обществу и другим людям; 4) БЦС определяют внутреннюю и внешнюю политику государства в целом и создают идеологический фундамент для конкретных проектов и программ на государственном уровне; 5) БЦС являются важной составляющей пропаганды и агитации, основой воспитания строителей коммунизма и продолжателей китайской традиции и целью формирования нового человека.

Если рассматривать прием перевода «как переводческую операцию, направленную на разрешение какой-то проблемы и предполагающую типизированную однотипность осуществляемых переводчиком действий» (Сдобников, Петрова, 2007: 73), то перевод БЦС должен учитывать не только официально принятые трактовки и интерпретации идеологем, но и историю создания слова, значение иероглифов и графем, обозначающих данную идеологему (см., напр., 刘悦, 王光福 2020), в переводческой операции необходимо привлекать результаты этимологических, концептуальных, текстологических, психолингвистических и других видов лингвистических исследований.

Для примера рассмотрим ценность富强 / *процветание*, которая на русский язык обычно переводится как «богатство и могущество». Как отмечается в толковом словаре китайского языка, слово 富强 / *процветание* имеет два значения: 1) *иметь достаток и быть сильным, т. е. иметь обильные богатства и огромную мощь*; 2) *богатый и могущественный* (обычно о государстве) [汉语词典]. Действительно, слово состоит из двух иероглифов, первый из которых обозначает *богатство*, обычно связывается с народным благосостоянием, спокойной и мирной жизнью народа, второй — *могущество* или *силу*, считается, что могущество государства определяется мудростью правителя и сильной армией. Для более точного и полного понимания значения входящих в структуру идеологемы иероглифов необходимо изучить и структуру каждого иероглифа. Как показывает этимологический анализ, иероглиф 富 / *богатство* — идеограмма, сформировавшаяся в династии Цинь и состоящая из изображения крыши дома

«宀» [mián] и сочетания иероглифов 一 / *один*, 口 / *рот* и 田 / *надел земли* (поле), таким образом, минимальный уровень изобилия связывается с населением и обрабатываемыми полями [李学勤 2012: 658]. Иероглиф 强 / *могущество* состоит из графем 弓 / *лук*, 土 / *земля* и 畺 / *два участка земли*. Интерпретация иероглифа 强 как *сильный* является расширением исходного значения [强 起源]. Впервые слово 富强 / *процветание* зафиксировано в трактате «Гуаньцзы»:

(5)主之所以为功者，富强也。故国富兵强，则诸侯服其政，邻敌畏其威 (管子·形势解) = *Заслуга правителя состоит в том, чтобы сделать государство процветающим. Когда государство будет богатым, а армия сильной, князья (чжу и хоу) будут подчиняться указам, соседи и враги будут бояться его величия* (перевод наш. — *У М., О. Д.*).

В настоящее время ценность 富强 / *процветание* интерпретируется как благополучие народа и комплексная политическая, военная, экономическая, культурная, научно-техническая и образовательная сила государства, а также степень влияния страны на международной арене. Из данного примера очевидно, что процесс перевода с китайского языка на русский язык не является буквальным переводом элементов, входящих в структуру исходного китайского слова, а процессом анализа, синтеза и идентификации.

Понятие 公正 / *справедливость* — базовая категория китайской этики, обозначающая честность, справедливость и равноправие, отсутствие пристрастности, эгоистичности, корысти и кумовства. Отметим, что данное понятие китайского языка не имеет однозначного перевода на европейские языки, например, на английский переводится как *just, fair, equitable*; на немецкий — *Gerechtigkeit, Rechte, rächen, genau, objektiv, recht, rechtlich*, на французский — *justice, équitable, juste*; на русский — *справедливый, беспристрастный, непредвзятый*; *добросовестный, правильный, точный*; *справедливость*. В Древнем Китае мыслители тесно связывают государственную систему со справедливостью, считая, что только при наличии идеальной государственной системы можно защищать права и интересы всех членов общества и добиться максимальной справедливости [曲新英, 高翔2020: 62], на основе вышеизложенного считаем, что в русском языке китайской идеологеме 公正 должно соответствовать слово *справедливость*.

Согласно исследованиям китайских историков, слово自由 / *свобода* возникает в китайском языке в период 108–201 гг. н. э. и обозначает поведение, не отвечающее общепринятым нормам морали и этикета, в 1903 г. опубликован перевод трактата Дж. Стюарта Милля «О свободе» (*On*

Liberty) под названием «自由», таким образом в китайском языке формируется новое значение — *либеральный* (冯天瑜, 新知), что оказывает значительное влияние на развитие ценности 自由 / *свобода* и отражает традиционные представления китайцев об освобождении и либерализме.

Рамки статьи не позволяют подробно рассматривать процесс перевода всех китайских идеологем на русский язык, но представленные примеры показывают, что при помощи БЦС осуществляется связь между поколениями, происходит генерация новых смыслов (Савруцкая, Устинкин 2020: 107). Процесс перевода китайских идеологем состоит из нескольких этапов, при переводе необходимо использовать не только данные двуязычных словарей, но и толковые и этимологические словари, словари иероглифов китайского языка, текстологические источники и результаты исследований как отдельных БЦС, так и системы ценностей в целом.

4. Выводы

На основе опыта перевода базовых ценностей социализма с китайской спецификой на русский язык отметим несколько основных положений: 1) словарь не должен и не может быть единственным и полностью достоверным источником для осуществления перевода идеологем с китайского языка на языки иного типологического строя и графической системы; 2) переводческая деятельность в паре языков разного типологического строя состоит из нескольких последовательных операций, включающих анализ, синтез и идентификацию слова (понятия, концепта, идеологемы) в иной лингвокультуре; 3) при переводе идеологем необходимо использовать не только уже готовые «формулы», наполненные часто не соответствующим смыслам исходного языка и исходного текста смыслами, но и китайские официальные документы партии и правительства, в которых определяется значение каждой из идеологем (ценностей); 4) при переводе необходимо устранить многозначность интерпретаций идеологем в языке перевода; 5) целесообразно определить особенности понимания и различия в интерпретациях близких или схожих идеологем в разных лингвокультурах, прежде всего это касается понятий «свобода», «равенство», «законность», «демократия», «патриотизм», «дружба», «честность» и «цивилизация»; 6) наличие вариантов перевода и множественность интерпретаций идеологем свидетельствует о важности разработки и формирования новых методов и принципов теории и практики перевода языков разного типологического строя.

Список литературы / References

Барышев Н. В., Сдобников В. В. Культурный код в аспекте переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 18–31. [Baryshev, Nikolay V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) Kulturnyi kod v aspekte perevodcheskoi deyatelnosti (The Cultural Code in Terms of Translation Activity). *LUNN Bulletin*, Special issue, 18–31. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-18-31.

Гуань Цзюньбо. Идеологема как сложный лингвистический объект: к проблеме определения понятия // Университетский научный журнал. 2022. № 65. С. 87–92. [Guan, Junbo (2022) Ideologema kak slozhnyj lingvisticheskij objekt: k probleme opredeleniya ponyatiya (Ideologeme as a Complex Linguistic Object: Towards the Problem of Defining the Concept). *University Journal of Science*, 65, 87–92. (In Russian)]. DOI: 10.25807/22225064_2021_65_87.

Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 57–58. [Klushina, Natalia I. (2014) Teoriya ideologem (The Theory of Ideologeme). *Political Linguistics*, 4 (50), 57–58. (In Russian)].

Купина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика: бюл. Урал. лингв. о-ва (Екатеринбург). 2003. № 11. С. 94–103. [Kupina, Nataliya A. (2003) Ideologemy kak klyuchevye edinicy politicheskogo yazyka (Ideologems as Key Units of Political Language). *Linguistics: Bulletin of the Ural Linguistic Society* (Yekaterinburg), 11, 94–103. (In Russian)].

Литвинцева О. В. Идеологемы китайского общественно-политического дискурса // Филологическое образование и современный мир: XII молодежная научно-практическая конференция с международным участием, Чита, 30 марта 2016 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. С. 252–254. [Litvinceva, Olga V. (2016) Ideologemy kitajskogo obshchestvenno-politicheskogo diskursa (Ideologies of Chinese Socio-political Discourse*).* In *Filologicheskoe obrazovanie i sovremennyy mir: XII molodezhnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem, Chita, 30 marta 2016 goda* (Philological Education and the Modern World: XII Youth Scientific-Practical Conference with International Participation, Chita, March 30, 2016). Chita: TransBaikal State University, 252–254. (In Russian)].

Малёнова Е. Д. Перевод vs локализация: терминологическая дихотомия или естественная интеграция? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 59–77. [Malenova, Evgeniya D. (2022) Perevod vs lokalizaciya: terminologicheskaya dihotomiya ili estestvennaya integraciya (Translation vs Localization: Terminological Dichotomy or Natural Integration?). *LUNN Bulletin*, 1 (57), 59–77. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-59-77.

Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40. [Malysheva, Elena G. (2009) Ideologema kak lingvokognitivnyj fenomen: Opredelenie i klassifikaciya (Ideologem as Lingo-cognitive Phenomenon: Definition and Classification). *Political Linguistics*, 4 (30), 32–40. (In Russian)].

Михайловская М. В. Устный перевод: идеологема как категория глобального вертикального контекста // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвисти-

ка и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 167–175. [Mikhajlovskaya, Mariya V. (2018) Ustnyj perevod: Ideologema kak kategoriya globalnogo vertikalnogo konteksta (An Ideologically-bound Unit as a Global Vertical Context Category from the Perspective of Interpreting Practice). *MSU Vestnik. Series 19. Linguistics and Intercultural communication*, 4, 167–175. (In Russian)].

Петрова О. В. Теория перевода, теория текста и рынок // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 46. С. 69–78. [Petrova, Olga V. (2019) Teoriya perevoda, teoriya teksta i rynok (Translation Theory, Text Linguistics, and Market Requirements). *LUNN Bulletin*, 46, 69–78. (In Russian)].

Савруцкая Е. П., Устинкин С. В. Язык в сохранении исторической памяти // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 103–110. [Savrutskaya, Elizaveta P., & Ustinkin, Sergey V. (2020) Yazyk v sohranenii istoricheskoj pamyati (Language in Historical Memory). *LUNN Bulletin*, Special issue, 103–110. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-103-110.

Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода: Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. [Sdobnikov, Vadim V., & Petrova, Olga V. (2007) *Teoriya perevoda: Uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* (Translation Theory: a Textbook for Students of Linguistic Universities and Foreign Languages Faculties). Moscow: Vostok-Zapad. (In Russian)].

Середа А. В., Иванова Ю. В. Современные ценности китайского социализма как практически ориентированный идеологический комплекс // Россия — Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке. Сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Чита, 19 мая 2017 г. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. С. 93–98. [Sereda, Aleksej V., & Ivanova, Yuliya.V. Sovremennye cennosti kitajskogo socializma kak prakticheski orientirovannyj ideologicheskij kompleks (The Core Values of Modern Chinese Socialism as a Practice-oriented Framework of Ideological Settings).In *Rossiya — Kitay: razvitie regional'nogo sotrudnichestva v XXI veke. Sbornik statey XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chita, 19 maya 2017 g.* (Russia — China: Developing Regional Cooperation in the 21st Century: Proceedings of XV International Scientific-Practical Conference, Chita, May 19, 2017). Chita: TransBaikal State University, 93–98. (In Russian)].

Хабаров А. А., Шуюэ Ц. Этнокультурные особенности вербального овнешнения идеологии «социализма с китайской спецификой» // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1 (51). С. 122–136. [Habarov, Artem A., & Shuyue Jia (2022) Etnokul'turnye osobennosti verbal'nogo ovneshneniya ideologii «socializma s kitajskoj specifikoj» (Ethnocultural Features of Verbal Expression of the Ideology of Socialism with Chinese Characteristics). *Journal of Psycholinguistics*, 1 (51), 122–136. (In Russian)]. DOI: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-122-136.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. [Chudinov, Anatolij P. (2012) *Politicheskaya Lingvistika* (Political Linguistics). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].

Шамилов Р. М., Кириллова А. В. К вопросу о типологизации прагматической адаптации в специальном переводе // Вестник Нижегородского государственного лингви-

стического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 89–106. [Shamilov, Raviddin M., & Kirillova, Arina V. (2021) K voprosu o tipologizatsii pragmaticheskoi adaptatsii v spetsial'nom perevode (On Typology of Pragmatic Adaptation in Specialized Translation). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 89–106. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-89-106.

冯天瑜："自由"概念之演绎 (2019, August 09) 新知. URL: https://www.sohu.com/a/332728459_273853. [Feng, Tianyu. (2019, August 09) Deduction of the Concept of "Freedom". *New Knowledge*. Retrieved from https://www.sohu.com/a/332728459_273853. (In Chinese)].

李学勤：字源．天津：天津古籍出版社，2012年，1420页 [Li, Xueqin. (2012) *Word source*. Tianjin: Tianjin Ancient Books Publishing House. (In Chinese)].

刘悦、王光福：核心价值观二十四字解，上海：文汇出版社，2020年，224页. [Liu, Yue, & Wang, Guangfu. (2020) *Twenty Four Word Interpretation of Core Values*. Shanghai: Wenhui publishing house. (In Chinese)].

曲新英、高翔：概念、意义与教育：公正价值观的三维解读《思想政治课研究》2020年（2）第62–70页. [Qu, Xinying, & Gao, Xiang. (2020) *Concept, Significance and Education: a Three-dimensional Interpretation of the Values of Justice. Research on Ideological and Political Course*, 2, 62–70. (In Chinese)]. DOI: 10.3969/j.issn.1674-0505.2020.02.012.

张小平：社会主义核心价值观（新时代新思想标识性概念丛书），人民日报出版社，2021，176页. [Zhang, Xiaoping. (2021) *Socialist Core Values (Series of Symbolic Concepts of New Era and New Ideas)*. Beijing: People's daily press. (In Chinese)].

Источники фактического материала / Factual information resources

24字社会主义核心价值观中英文版 (2021, September 10). 人民网（2013年12月24日）. URL: http://politics.people.com.cn/n/2013/1224/c1001-23936171.html. [24 Word Socialist Core Values Chinese English Version. (2021, September 10) *People's Network*, 24.12.2013. Retrieved from http://politics.people.com.cn/n/2013/1224/c1001-23936171.html. (In Chinese)].

俄罗斯电影《绝杀慕尼黑》北影节将展映 (2019) | На Пекинском международном кинофестивале будет показан российский фильм «Движение вверх» [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: https://ruscorpora.ru/ 03.04.2019 (дата обращения: 10.05.2022) [The Russian Film "Going Vertical" Will Be Screened at the Northern Film Festival (2019) (2022, May 10). *NKRYa* (Russian National Corpus). Retrieved from https://ruscorpora.ru/. (In Chinese & Russian)].

关于培育和践行社会主义核心价值观的意见（中办发〔2013〕24号）(2022, May 20) 中国共产党新闻网. URL: http://cpc.people.com.cn/n/2013/1223/c64387-23924110.html 2013 年12月23. [Opinions on Cultivating and Practicing Socialist Core Values (ZBF [2013] No. 24) (2022, May 20) *Communist Party of China News Network*. Retrieved from http://cpc.people.com.cn/n/2013/1223/c64387-23924110.html. (In Chinese)].

管子，形势解，古诗文网 (2022, April 22). URL: http://www.hxlib.cn/wenzhang/9227.html. [Guanzi. Xingshi jie (2022, April 22). Ancient Poetry Network. Retrieved from http://www.hxlib.cn/wenzhang/9227.html/ (In Chinese)].

李克强. 政府工作报告 (2020) | Ли Кэцян. Доклад о работе правительства (2020) [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 10.05.2022) [Li, Keqiang (2020) Government Work Report (2022, May 10). *HKRYa* (Russian National Corpus). Retrieved from https://ruscorpora.ru/. (In Chinese & Russian)].

商务部：去年1-9月中俄跨境电商贸易额达37亿美元 (2019) | Минкоммерции: с января по сентябрь прошлого года объем трансграничной электронной торговли между Китаем и Россией достиг 3,7 млрд долл. США [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: https://ruscorpora.ru/ 01.03.2019. (дата обращения: 10.05.2022) [Ministry of Commerce: from January to September Last Year, the Cross-border E-commerce Trade between China and Russia Reached US $3.7 Billion (2019) (2022, May 10). *NKRYa* (Russian National Corpus). Retrieved from https://ruscorpora.ru/. (In Chinese & Russian)].

商务部：制定外商投资法坚持内外资一致是一项重要原则 (2020) | Минкоммерции КНР: закон «Об иностранных инвестициях» гарантирует равные права инокапиталу на китайском рынке [Электронный ресурс] // НКРЯ URL: https://ruscorpora.ru/08.05.2020. (дата обращения: 10.05.2022) [Ministry of Commerce: It Is an Important Principle to Formulate the Foreign Investment Law and Adhere to the Consistency of Domestic and Foreign Investment (2020) (2022, May 10). *NKRYa* (Russian National Corpus). Retrieved from https://ruscorpora.ru/. (In Chinese & Russian)].

Словари / Dictionaries

富强，汉语词语，百度百科. (2022, March 20) URL: https://baike.baidu.com/item/富强/55498?fr=aladdin. [Fuqiang. (2022, Mart 20) Hanyu ciyu. Baidu baike. Retrieved from https://baike.baidu.com/item/富强/55498?fr=aladdin/. (In Chinese)].

公，汉字起源，查字网. (2022, May 04) URL: http://qiyuan.chaziwang.com/etymology-92.html. [Gong. (2022, May 04) Hanzi qiyuan. Cazi wang. Retrieved from http://qiyuan.chaziwang.com/etymology-92.html/. (In Chinese)].

公正，汉典. (2022, May 03) URL: https://www.zdic.net/hans/公正/ . [Gongzheng. (2022, May 03) Handian. Retrieved from https://www.zdic.net/hans/公正/ . (In Chinese)].

公正，汉语词语，百度百科. (2022, May 03) URL: https://baike.baidu.com/item/公正AC/34286/. [Gongzheng (2022, May 03). Hanyu ciyu. Baidu baike. Retrieved from https://baike.baidu.com/item/公正AC/34286/. (In Chinese)].

强，汉字起源，查字网. (2022, April 23) URL: http://qiyuan.chaziwang.com/etymology-13559.html. [Qiang. (2022, April 23) Hanzi qiyuan. Chazi wang. Retrieved from http://qiyuan.chaziwang.com/etymology-13559.html. (In Chinese)].

由，汉字字源，字源网. (2021, October 12) URL: http://www.fantiz5.com/ziyuan/. [You. (2021, October 12) Hanzi qiyuan. Ziyuan wang. Retrieved from http://www.fantiz5.com/ziyuan/. (In Chinese)].

自，汉字字源，字源网. (2021, October 11) URL: http://www.fantiz5.com/ziyuan/. [Zi. (2021, October 11) Hanzi ziyuan. Ziyuan wang. Retrieved from http://www.fantiz5.com/ziyuan/. (In Chinese)].

自由，汉语词语，百科词典. (2021, October 15) URL: https://baike.baidu.com/item/B1/5264?fr=aladdin. [Ziyuo. (2021, October 15) Hanyu cidian. Baidu baike. Retrieved from https://baike.baidu.com/item/B1/5264?fr=aladdin/. (In Chinese)].

УДК 811’11
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-37-62

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА

С. В. Стародубов

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматриваются основные особенности и характеристики коммуникативной ситуации судебного перевода. Проблемы судебного перевода представляют собой актуальный, но вместе с тем малоизученный вопрос, который находится на стыке переводоведения и юриспруденции. Автором постулируется положение о том, что судебный перевод — это один из вариантов перевода в социальной сфере, или, как его кратко принято называть, социального перевода. С одной стороны, судебный перевод обладает рядом черт, присущих переводу в социальной сфере, а с другой — судебный перевод, будучи одним из вариантов перевода в социальной сфере, обладает целым перечнем отличительных свойств. Данное обстоятельство позволяет заявлять о том, что судебный перевод является не просто отдельным, но особым вариантом перевода в социальной сфере. Особый характер судебного перевода предполагает следующее: наличие особого дискурса судебного перевода, биполярный характер коммуникации, осуществляемой по оси «конфронтация — сотрудничество», расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта и более сухой (сжатый) в отношении судьи, необходимость формирования единой предметной действительности в сознании коммуникантов, наличие особого статуса судебного переводчика, определяемого его ролями, а также моделями коммуникации в рамках судебного процесса. В настоящей статье впервые делается попытка выделения главных свойств коммуникативной ситуации судебного перевода с позиций коммуникативно-функционального подхода. Кроме того, предложена схема, которая может использоваться для описания процессов, происходящих в ходе коммуникации с использованием судебного перевода.

Ключевые слова: перевод в социальной сфере; конференц-перевод; судебный перевод; коммуникативная ситуация; коммуникативно-функциональный подход.

Цитирование: Стародубов С. В. Специфика коммуникативной ситуации судебного перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 37–62. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-37-62.

The Specifics of the Communicative Situation of Court Interpreting

Stanislav V. Starodubov
N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article discusses key features and characteristics of court interpretation as a communicative situation. The problems and challenges of court interpretation have not yet received sufficient attention from scholars despite being a highly relevant issue, located at the intersection of translation studies and jurisprudence. The author postulates that legal translation/interpretation is one of the subtypes of community interpreting and goes on to argue that, even though court interpreting has certain features inherent to community interpreting, it yet possesses a number of distinctive properties and thus can be considered not only a distinct and separate but also a different type of community interpreting. This special nature of court interpreting implies the following: 1) the presence of special discourse of court interpreting, 2) the bipolar nature of communication carried out along the "confrontation-cooperation" axis, and 3) using expansion techniques when addressing the foreign communicant and, conversely, compression techniques when addressing the judge, 4) the need to form a single objective reality in the minds of communicants, 5) a special status of the court interpreter determined by the communicative interpreter's roles, and 6) established communication models within the judicial process. In this article, for the first time an attempt is made to highlight the key properties of the communicative situation of court interpreting from the standpoint of the communicative-functional approach. The author also proposes a diagram which can be used to describe the processes that occur in communicative situations involving court interpretation.

Key words: community interpreting; conference interpreting; court interpreting; communicative situation; communicative-functional approach.
Citation: Starodubov, Stanislav V. (2022) The Specifics of the Communicative Situation of Court Interpreting. *LUNN Bulletin*, 2 (58), 37–62. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-37-62.

1. Введение

Актуальность изучения специфики коммуникативной ситуации судебного перевода определяется насущной потребностью в разграничении собственно судебного перевода и конференц-перевода и перевода в социальной сфере. Это позволит более четко представить основные роли и характеристики коммуникантов, обозначить статус каждого из коммуникантов в рамках конкретного переводческого события. В настоящий момент исследователи не определились со спецификой переводческого события в рамках судебного заседания в частности и в формате судебного процесса в целом. Мы считаем, что судебный перевод максимально близок к так называемому переводу в социальной сфере. Между тем судебный перевод и перевод в социальной сфере некоторым образом отличаются друг от друга, отождествлять данные виды переводческой деятельности не имеет смысла. И до сих пор не определены геркулесовы столпы, конкретные гра-

ницы и предельные очертания судебного перевода. Это представляет собой фундаментальную проблему, которая, однако, открывает широкое поле возможностей для дискуссии на этот счет, для попыток установления тех самых признаков судебного перевода, краеугольных камней этого, без сомнения, многоаспектного и слабоизученного в отечественной литературе вида деятельности.

2. Социальный перевод vs конференц-перевод

Прежде чем начать обсуждение основных отличий социального перевода от конференц-перевода, необходимо обозначить суть каждого из вышеназванных видов перевода.

В рамках конференц-перевода переводчик играет роль лингвистического посредника (в одиночку или, что нередко бывает, как один из членов команды переводчиков) на конференции формального либо неформального характера. Конференц-переводчик осуществляет последовательный устный перевод речей и высказываний выступающих вне зависимости от их временной продолжительности и сложности (AIIC 1984: 21). Важно подчеркнуть, что в ситуации конференц-перевода — на научных семинарах, круглых столах, переговорах — коммуниканты равноправны по статусу и компетенции (Сухарева, Черникова 2014: 115).

Социальный перевод (англ. термин — *community interpreting*; иногда также употребляется термин *public service interpreting*) определяется как вид перевода, осуществляемый в учреждениях образования, медицины, в миграционных подразделениях, отделениях полиции и т. д. (Phelan 2001: 20). Судебный перевод также можно считать одним из подвидов перевода в социальной сфере.

Практикующие переводчики и теоретики перевода высказывают различные взгляды относительно того, как именно следует интерпретировать понятие и сущность социального перевода. Например, в интервью Э. Пиму, бывшему на тот момент президентом Европейского общества переводоведения (EST), С. Ваденшьё называет социальный перевод *dialogue interpreting,* чтобы подчеркнуть одно из главных, по ее мнению, отличий этого вида перевода от конференц-перевода: социальный переводчик вступает в непосредственный контакт с коммуникантами в форме диалога, тогда как конференц-перевод может осуществляться переводчиком в кабине синхрониста (Wadensjö 2011). Иными словами, диалог — это важная отличительная особенность перевода в социальной сфере. Ш. Бахадыр, сравнивая понятия «социальный перевод» и «конференц-перевод», называет перевод в социальной сфере «младшим братом» последнего (Bahadir 2010). Автор подчеркивает, что действия переводчика требуют соблюдения норм

переводческой этики. По мнению Ш. Бахадыр, это требование непосредственным образом относится к социальному переводу, поскольку он осуществляется в культурно-специфических условиях, что предполагает особое отношение к ситуации и участникам общения.

Есть и другие особенности перевода в социальной сфере, которые позволяют говорить о том, что он существенно отличается от конференц-перевода. В. В. Сдобников выделяет главные черты социального перевода, которые не характерны для других видов перевода:

– перевод в сугубо официальной обстановке

«Официальность» обстановки предполагает повышенную степень ответственности переводчика за выполняемую им работу, а «серьезность» ведет к высокой эмоциональной и психологической нагрузке на переводчика. Ситуация социального перевода (ССП) требует от коммуникантов следования конкретным правилам (прописанным или негласным), соблюдения ролей и статусов, определенных принципов. Указанные факторы создают подходящий фон для институционализации конкретных регламентов участия каждого из коммуникантов в ССП. Это касается и переводчика, хотя конкретные роль и статус последнего по-прежнему вызывают дискуссии среди юристов и, безусловно, среди самих практикующих переводчиков (Сдобников 2015: 242–259).

В качестве примера можно привести ситуацию судебного перевода. В странах Западной Европы, в Соединенных Штатах существуют кодексы профессиональной деятельности судебных переводчиков (см., напр., Code of Ethics and Professional Responsibilities by National Association of Judiciary Interpreters and Translators 2016; Indiana Rules of Court Interpreter Code of Conduct 2020). Зачастую западные кодексы содержат похожие требования к переводчикам. В пособии «Профессиональные и этические требования к осуществлению перевода в судах Калифорнии» среди прочего можно найти требование о соблюдении точности и полноты перевода (Professional Standards and Ethics for California Court Interpreters 2013). Подразумевается предельно точная передача на переводящем языке того, что было сказано на исходном языке. Не позволяются дополнения, комментарии, опущения, компрессии, а также иные виды переводческих трансформаций. К. Анджелелли подчеркивает существенный разрыв между требованиями к переводчикам, прописанными в кодексах, и проблемами, с которыми сталкиваются судебные переводчики в условиях реальной коммуникации (Angelelli 2004: 2). Л. Айгингер и Б. Карлин придерживаются аналогичной точки зрения, справедливо замечая, что существующие определения того, кто такой судебный переводчик, а также «прописанные принципы» осуществления судебного перевода часто вступают в противоречие с тем, что

происходит на практике (Eighinger, Karlin 2001: 5).

По мнению исследователей, очевидная причина такого положения дел заключается в авторстве упомянутых принципов и правил осуществления перевода, поскольку эти правила создаются непрофессионалами, т. е. людьми, которые не занимаются переводом и, следовательно, обнаруживают собственную неспособность полностью осознать, что представляет собой перевод, как устроен процесс коммуникации с использованием перевода и какие трудности могут возникать в ходе осуществления переводческой деятельности. Люди, обладающие весьма поверхностными представлениями о деятельности переводчика, склонны видеть лишь сугубо лингвистическую, текстоцентрическую составляющую перевода. Однако перевод — это более сложный процесс. Как отмечают Р. М. Шамилов и А. В. Кириллова, прагматическая адаптация текста перевода нередко требуется не только в ходе работы с художественными текстами, поскольку последние, как традиционно считается, изобилуют национально-культурными реалиями, но и при работе со специальными текстами (Шамилов, Кириллова 2021: 90). Особенно это касается социального перевода в целом и судебного перевода в частности, поскольку они должны рассматриваться в том числе и с точки зрения социальных, культурных, а также психологических компонентов (Padilla, B., Padilla, F. 1999: 61). Таким образом, мы считаем, что ситуация в сфере регламентации деятельности судебных переводчиков, в рамках которой переводчики вынуждены подчиняться принципам, прописанным непрофессионалами, несправедлива. Переводчики должны быть наделены правом самостоятельной разработки соответствующих положений, регламентирующих осуществление перевода в ходе судебного процесса (Lebese 2015: 63);

– неодинаковые статусы коммуникантов

Одной из ключевых особенностей ССП, которая отличает ее от ситуации конференц-перевода, следует считать изначально существующее неравноправие коммуникантов. Типичная ССП предполагает, что одни коммуниканты являются представителями некоей государственной организации или учреждения и наделены определенными властными полномочиями, тогда как другие (иноязычные) коммуниканты выступают в роли частных лиц, а значит, обладают уже совершенно иным статусом. Таким образом, один из коммуникантов обладает более высоким статусом, который определяется его должностью, а также принадлежностью к культуре большинства (Roy 2000:45). Различия в статусах коммуникантов непосредственным образом влияют на ход самой коммуникации. В. Н. Комиссаров считает, что это отражается на поведенческих установках самого переводчика, поскольку тот не всегда способен сохранять нейтральную позицию в

коммуникативном калейдоскопе ССП ввиду определенных причин психологического характера (Комиссаров 2001б: 10).

В современной литературе существуют, по сути, две полярные точки зрения на роли переводчика в условиях наличия ярко выраженных статусных барьеров. Первая точка зрения состоит в том, что переводчик занимает активную позицию в ходе осуществления коммуникации: он считает себя правомочным вмешиваться в процесс коммуникации, проявляет инициативу в формировании коммуникации и достижении необходимого результата. Вторая точка зрения предполагает участие переводчика в качестве «невидимой переводческой машины», которая осуществляет дословную передачу исходного текста (Lang 1978: 241). Наверное, поэтому мнение о переводчике как о машине для перевода столь близко юристам, зато вызывает справедливые возражения со стороны переводческого сообщества.

Безусловно, в ситуации социального перевода возможности для маневров у переводчика весьма лимитированы. Ограничения заключаются в том числе в наличии коммуникантов с разными статусами, которые (эти статусы) переводчик не в силах ни устранить, ни сгладить. Если рассматривать ситуацию судебного перевода, то можно прийти к выводу, что изначальная конфронтационность определяется не только разными статусами коммуникантов, но и принципом состязательности участников судебного заседания: каждый пытается склонить суд на свою сторону. Задача переводчика состоит в успешном обеспечении коммуникации в условиях конфронтации, поэтому социальный переводчик (как и судебный) выступает в роли конфликтолога, регулирующего статусные и культурные разногласия коммуникантов, хотя вопрос о границах конфликтологических «полномочий» переводчика в ССП нуждается в дальнейшем исследовании (Гуреева 2013: 160);

– один из коммуникантов вынужденно оказался в ситуации социального перевода

Эта особенность также позволяет разграничить ССП и конференц-перевод. Проведение переговоров и конференций очевидным образом предполагает добровольный характер участия коммуникантов, не содержит элемента принуждения, чего не скажешь о ситуации социального или, в частности, судебного перевода. Будь то беженцы, которые покинули зону ведения боевых действий, либо иностранцы, пострадавшие в ходе обрушения здания, безусловно, всех их будет объединять одно: они не желали и не предвидели подобного развития событий. Поскольку эти люди затем вынужденно окажутся в государственных учреждениях, то они, скорее всего, будут испытывать от этого дополнительный дискомфорт и стресс. Из этого следует, что многое связано с моментами психологического характе-

ра. Переводчик иногда может выступать в роли психолога. Порой это означает, что для осуществления адекватного перевода переводчику надлежит сначала эмоционально и психологически проникнуться ситуацией, постараться психологически понять настрой и готовность к коммуникации каждого из участников и, если требуется, направить коммуникацию в нужное русло.

Все вышесказанное вполне применимо и к ситуации судебного перевода. Свидетели, обвиняемые вынужденно оказываются в обстановке судебного заседания, что нередко порождает явления, которые не характерны для ситуации конференц-перевода. Представитель языкового и культурного меньшинства, оказавшийся в ССП, ощущает дискомфорт, часто испытывает недоверие к государственным структурам и должностным лицам, особенно если это происходит в формате судебных заседаний. Здесь вновь уместно вспомнить о значительной степени конфронтационности ССП, которая провоцируется не только различиями в статусах коммуникантов, но также изначальным (возможным) недоверием иноязычного коммуниканта к органам государственной власти. Следовательно, в отличие от ситуации конференц-перевода, в ССП переводчик играет роль конфликтолога, который в условиях существования различных ограничений коммуникативного характера выполняет функцию эффективного межкультурного и межъязыкового медиатора, добивается установления взаимопонимания между коммуникантами. Исходя из этого, многие переводоведы делают вывод о многоаспектном характере роли переводчика в социальной сфере. В частности, С. Хейл выделяет следующие функции социального перевода:

1) Переводчик оказывает помощь представителю языкового меньшинства, с тем чтобы тот мог наилучшим образом представить свое дело. Иными словами, переводчик выполняет функцию «адвоката», который представляет интересы иноязычного коммуниканта.

2) Переводчик — это помощник государственного служащего, поскольку он помогает и представителям государственных структур.

3) Переводчик — это «диспетчер», который, в сущности, решает, что можно произносить, а чего произносить не следует.

4) Переводчик — лицо, обеспечивающее успешную и результативную коммуникацию между представителями государственных органов и представителями языкового меньшинства (цит. по [Сдобников 2015: 245–246]) — один из коммуникантов является представителем языкового меньшинства и другой культуры. Именно поэтому предлагается бикультурно-билингвальная модель участия переводчика в ССП (Lebese 2015: 69–70). До того как непосредственно приступить к переводу, переводчик дол-

жен обладать соответствующими межъязыковыми и межкультурными компетенциями, знать о региональных вариантах языка (диалектах), различиях невербального свойства, возможно, разном отношении коммуникантов к понятию времени, разных формах личных обращений, а также иных особенностях (Cokely 1992: 140). Это требование отчасти проистекает из потребности самого переводчика в понимании культур разных коммуникантов, поскольку такое знание помогает ему (переводчику) добиться того, чтобы коммуниканты смогли наиболее полным образом понять точку зрения друг друга. Другими словами, переводчик выполняет функцию *культурного брокера* (Bar-Tzur 1999: 2). По мнению исследователя Д. Бар-Цзура, бикультурно-билингвальная медиация обладает как достоинствами, так и недостатками. Положительный аспект состоит в способности переводчика, вооруженного знаниями о разных культурах коммуникантов, подбирать в языке перевода наиболее удачные семантические эквиваленты того, что было сказано на языке оригинала. Но есть и отрицательный момент: увлекаясь межкультурной медиацией, переводчик может невольно или неосознанно выйти за границы переводческой роли, поскольку будет пытаться играть роль всезнающего эксперта (Bar-Tzur 1999: 2).

Некоторые авторы настаивают на негативном влиянии переводческой функции в качестве межкультурного посредника, и в частности эксперта в области культуры, поскольку переводчик рискует выйти за рамки традиционно переводческой роли (Kondo 1990: 60; Gonzalez, Vasquez, Mikkelson 1991: 240; Kelly 2000: 132). Не совсем ясно в таком случае, в чем конкретно состоит роль переводчика в социальной сфере и где границы этой роли. Сам по себе этот вопрос также можно считать дискуссионным. Между тем знания культурного характера могут оказаться незаменимым инструментом для переводчика в ССП. Если переводчик не способен выявлять культурные аспекты определенного языка, это может привести к утрате взаимопонимания между коммуникантами, к коммуникативным сбоям (или неудачам), поскольку язык всегда неразрывно связан с определенной культурой. Все это требует обращения внимания на дидактический компонент, на введение системной подготовки переводчиков на уровне вузов. Однако, говоря о российском образовании в области перевода, ряд авторов отмечают отсутствие системности подготовки переводчиков, без чего едва ли возможным является формирование важнейших переводческих компетенций (Иванов, Сдобников 2020; Иванов, Петрова, Сдобников 2021). Особый акцент ставится на формировании у переводчика культурной компетенции, умения распознавать знаки культуры в переводимом языке (Барышев, Сдобников 2020: 19);

– один из коммуникантов является непрофессионалом в той сфере, в которой он вынужденно оказался

В ситуации конференц-перевода примерно равный статус коммуникантов выражается не только в том, что они приблизительно равны (равноправны) с точки зрения своих социальных статусов, но также и в том, что участники коммуникации обладают примерно равными знаниями в предметной области. Например, участники переговоров хорошо знакомы с предметом дискуссии и повесткой дня, обладают примерно сопоставимым объемом фоновых знаний по теме переговоров. В случае с ССП все по-другому. Различие в знаниях профессионального характера между коммуникантами в ССП является еще одним барьером, который может препятствовать осуществлению успешной коммуникации с применением перевода. Переводчик вновь выступает в роли фасилитатора коммуникации, который, с одной стороны, хорошо владеет соответствующими профессиональными знаниями, а с другой — помогает иноязычному коммуниканту-непрофессионалу быть в курсе темы. Например, в рамках судебного заседания переводчик помогает узнать подсудимому, в чем его обвиняют, а также донести точку зрения подсудимого до других коммуникантов. Именно поэтому Л. Б. Обидина подчеркивает, что качественный судебный перевод может быть обеспечен только квалифицированным переводчиком, который имеет специальную подготовку, в том числе в определенных сферах юриспруденции (уголовной, гражданской, административной и т. д.), а «цель участия переводчика в суде (уголовном процессе) состоит в оказании помощи его сторонам (участникам) в установлении взаимопонимания, максимально комфортной, доверительной атмосферы общения, что само по себе должно способствовать предотвращению конфликтных ситуаций в данной сфере» (Обидина 2017: 521).

Подводя предварительный итог, можем с уверенностью утверждать, что переводчик должен выступать в роли эксперта, понимать и уметь выражать особенности культурного и языкового меньшинства, обладать необходимыми профессиональными знаниями, тонкой интуицией, чтобы иметь возможность эмоционально и психологически проникнуться окружающей обстановкой. Несомненно, переводчик в ходе осуществления социального перевода применяет определенные способы и тактики. В. В. Сдобников приводит следующую классификацию тактик судебного перевода:

– тактика выявления и передачи основной когнитивной информации;

– тактика осуществления контроля за ходом коммуникации;

– тактика стилистической адаптации текста (Сдобников 2015: 251–259).

Тактика выявления и передачи основной когнитивной информации предполагает осуществление определенных манипуляций с текстом оригинала. По мнению В. В. Сдобникова, основными переводческими операциями, направленными на осуществление этой тактики, можно считать следующие:

1) использование межъязыковых и переводческих соответствий;

2) резюмирование информации;

3) опущение коммуникативно-нерелевантной информации;

4) использование пояснений в процессе перевода;

5) использование уточняющих вопросов, адресованных автору исходного текста (псевдоперевод) (Сдобников 2015: 253).

Следует добавить, что псевдопереводы, согласно некоторым данным, могут составлять более 12 % от общего объема перевода, выполненного переводчиком в формате одной коммуникативной ситуации (Amato 2007: 35).

Важность тактики осуществления контроля за ходом коммуникации объясняется тем, что неравноправие коммуникантов, вовлеченных в совместную деятельность, нередко приводит к сбоям в коммуникативной ситуации. Кроме того, сама по себе ситуация, когда в коммуникативный процесс вовлечены люди, наделенные разным статусом, обладает выраженным конфликтогенным потенциалом. Задача переводчика — сглаживать неровности, которые могут проявляться в ходе коммуникации. *Переводчик — универсальный медиатор, помогающий сторонам наладить контакт вопреки всем существующим барьерам, сопряженным с неравноправием участников коммуникации*.

Необходимость стилистической адаптации текста также сложно переоценить. Коммуниканты, говорящие на разных языках, нередко обладают неодинаковым уровнем образования. Поэтому, с одной стороны, переводчику следовало бы преобразовывать разговорную, насыщенную просторечиями и жаргонизмами речь в нейтральную с точки зрения стилистики, иногда, безусловно, намеренно повышая стилистический регистр. С другой стороны, высказывания, которые содержат много специальных терминов, должны преобразовываться переводчиком таким образом, чтобы суть сказанного стала понятна неспециалисту. Однако здесь есть проблема: если стилистическая адаптация возможна в прочих ситуациях социального перевода, то судебный переводчик часто оказывается лишенным таких «полномочий», поскольку существующие кодексы судебного переводчика настаивают на том, чтобы переводчик воспроизводил *все* стилистические особенности речи коммуникантов. Таким образом, существует необходи-

мость обозначить отличительные особенности именно судебного перевода как особого подвида перевода в социальной сфере.

3. Судебный перевод как разновидность социального перевода

Судебный перевод, на наш взгляд, можно считать особым видом социального перевода. Об этом свидетельствуют некоторые особенности судебного перевода, которые не характерны для других видов социального перевода. Для того чтобы наиболее полно представить коммуникативную ситуацию судебного перевода, нам необходимо выделить свойства, которые, по нашему мнению, характерны для ситуации перевода в рамках судебного заседания. Ниже приведен перечень этих свойств:

1) Особый вид дискурса.

Без сомнения, судебный процесс и судебные заседания можно считать отдельным видом коммуникативной ситуации, подразумевающим погружение в судебный дискурс с его обилием юридических терминов и формулировок, с особой атмосферой судебного заседания, со строгостью, формальностью и совершенно четким порядком проведения заседаний в зале суда.

Судебный дискурс включает в себя не только вопросы исключительно юридической направленности, но также и ряда смежных областей. Существуют разные виды экспертиз: криминалистические экспертизы (почерковедческая, экспертиза оружия и т. д.), медицинская, биологическая, геологическая, экономическая, психологическая, лингвистическая и пр. (Евсиков 2009). Из этого следует, что судебный дискурс является полиморфным по своему характеру. Для переводчика это может представлять определенные трудности, поскольку помимо знания языков и обладания навыками перевода необходимо также обладать знаниями (по крайней мере, базовыми) из специальных областей. Между тем российское законодательство, в частности Уголовно-процессуальный кодекс РФ, не содержит подобных требований к судебному переводчику. Единственное требование — это свободное владение языком иноязычного участника судебного процесса (Ст. 59 УПК РФ. Переводчик), что, кстати говоря, также является весьма спорным положением и, несомненно, нуждается в дальнейшей проработке.

Кроме того, специфическая юридическая лексика требует повышенной внимательности от переводчика. Конечно, в любом случае и практически в любой ситуации можно утверждать, что у переводчика нет права на ошибку, но когда речь заходит именно о судебном переводе, можно считать, что судебный переводчик несет колоссальную ответственность, поскольку от каждого произнесенного им слова может зависеть исход дела.

В литературе высказывается справедливое, на наш взгляд, мнение о том, что многоаспектность коммуникативной ситуации судебного перевода неизбежно приводит к усложнению роли самого судебного переводчика, предполагает выдвижение многочисленных требований к фигуре переводчика, которые прежде всего касаются объема знаний такого переводчика, а также его квалификации. С. Хейл пишет, что судебный перевод требует от переводчика не только наличия таких качеств, как билингвизм (владение двумя языками) и бикультурализм (владение знаниями о двух разных культурах), но также и определенного уровня подготовки, практики, наличия соответствующего образования. Без трех последних параметров переводчик, во-первых, не будет восприниматься в качестве профессионала в глазах представителей юридического сообщества, судей, адвокатов и др., а во-вторых, он не будет обладать достаточными знаниями о сложности процесса осуществления судебного перевода, значимости выполняемых им (переводчиком) функций и последствиях совершаемых им действий, что, в свою очередь, сделает такого переводчика еще более уязвимой фигурой (Hale 2005).

М. Кадрич отдельно выделяет межкультурный характер коммуникации в формате судебного заседания, называя переводчика «универсальным экспертом по вопросам межкультурной коммуникации». Она добавляет, что судебный перевод — это передача не только сугубо «лингвистической оболочки высказывания» на ПЯ, но также и того, что скрыто «внутри», т. е., имплицитной информации, например какие-либо культурные отсылки в высказываниях коммуникантов, юридические тонкости и пр. (Kadric 2009: 29).

Наконец, особый характер коммуникативной ситуации судебного перевода определяется еще одним аспектом — устоявшейся «традицией» проведения судебного заседания в том смысле, что судебный перевод может быть осуществлен в разных форматах, которые зависят от предпочтений судей, от конкретной страны. Ранее уже было сказано, что кодексы судебного перевода в США предписывают осуществление дословного перевода с сохранением всех стилистических (и других) особенностей выступлений участников судебного процесса. К. Нартовска пишет, что в Австрии перевод по просьбе судьи может осуществляться в сокращенном виде, а не полном и дословном. Например, когда зачитывается текст обвинения или заключение судебно-психиатрической экспертизы, переводчику разрешается передавать лишь самое основное (в чем обвиняют подсудимого и насколько он адекватен; этим, кстати сказать, охотно пользуются сами переводчики, поскольку обилие профессиональной лексики может затруднять полный перевод услышанного, однако опытный переводчик способен

передать выжимку, суть того, что было сказано). Такой подход характерен и для осуществления коммуникации в суде в виде диалога между судьей и подсудимым: если подсудимый излишне многословен, склонен к резонерству и длительным размышлениям, то судья может попросить переводчика передавать только суть, самое главное из ответов подсудимого (Nartowska 2014: 73).

2) Биполярный характер коммуникации, осуществляемой по оси «конфронтация — сотрудничество».

Чтобы пояснить этот пункт, нам необходимо представить себе основную «диспозицию» судебного заседания и ту ролевую дислокацию, которую занимает в нем переводчик. Представить это можно в упрощенном виде: с одной стороны — судья, государственное обвинение, а с другой — сторона защиты и сам подсудимый. Где-то среди означенных фигур занимает свое место еще один немаловажный игрок — переводчик. Заранее условимся, что мы не считаем, будто переводчик осуществляет перевод текста, если выразиться философским слогом, как «вещи в себе», будто это нечто оторванное от реальности. Напротив, текст оригинала неразрывно связан с обстановкой, с коммуникантами, с их реакцией на происходящее или, как любят выражаться переводчики, с контекстом реальной ситуации. Поэтому априори будем считать, что мы придерживаемся коммуникативно-функционального подхода к переводу.

Кроме того, необходимо отметить следующий момент. А. Д. Французова пишет, что характер речи в рамках судебного слушания, а также способ организации высказывания рассматривается в литературе через призму дихотомии «диалог — монолог» (Французова 2021: 59). Диалог и монолог отличаются не «числом субъектов вербальной коммуникации», а «сущностью — развитием, процессуальностью и интенциональностью на обмен смыслами» (Универсалюк 2009: 198). Эпизоды, когда участникам судебного заседания предоставляется возможность рассказать об обстоятельствах дела в свободной форме, теоретически можно было бы рассматривать как монологические высказывания. С другой стороны, такие высказывания всегда ориентированы на слушателей (Лазарева, Шестакова 2018: 39), обладают развитием, чертами процессуальности, в любой момент могут быть прерваны вопросами или ремарками других коммуникантов, что, в сущности, отражает их адаптивность к реакциям реципиента. Из этого следует, что монологоподобные реплики следует рассматривать как особые формы судебного диалога. Подобные размышления хорошо вписываются в парадигму коммуникативно-функционального подхода к осуществлению перевода, где адекватность перевода существенным образом определяется соответствующей коммуникативной ситуацией. В частности,

В. В. Сдобников в таких случаях выделяет две стратегии перевода: собственно перевод и терциарный перевод (Сдобников 2010: 140–141). Важным является условие установления взаимопонимания между разноязычными коммуникантами, обеспечение коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторон общения.

Поскольку мы определили, что перевод не осуществляется в отрыве от коммуникантов и самой ситуации, это позволяет нам предположить, что значительную роль в процессе перевода будет играть контакт переводчика с каждой из сторон судебного заседания. До какой степени переводчик может сохранять собственный нейтралитет в подобных ситуациях? Считается, что переводчик не может быть заинтересован в исходе дела, он должен быть абсолютно беспристрастным. Но где границы этого холодного переводческого нейтралитета и беспристрастности? Мы полагаем, что нейтралитет и беспристрастность важны, но это лишь одна сторона медали. Не менее важную роль играет и то, что уже несколько выходит за рамки упомянутого нейтралитета, — способность переводчика к *эмпатии*. Она важна не для того, чтобы чувственно переживать за судьбу подсудимого, а, скорее, для того, чтобы лучше понять и прочувствовать его настрой, его точку зрения, применив соответствующие навыки эмоционального интеллекта. Именно на данном этапе наступает момент, когда переводчик должен мысленно определиться со своей стратегией: либо дистанцироваться от подсудимого, либо, наоборот, сблизиться с ним, т. е., инициировать сотрудничество с последним.

Сотрудничество выражается в первую очередь в готовности коммуникантов к пониманию друг друга. Это же относится к взаимоотношениям между переводчиком и другими коммуникантами в ситуации судебного заседания, особенно если мы говорим о подсудимом как о лице, не владеющем языком судопроизводства. Иноязычный участник коммуникации должен проникнуться доверием к переводчику, должен воспринимать его не как часть «враждебной государственной структуры», которая собирается его «засудить», а, скорее, как необходимого помощника, союзника. Союзника не в том смысле, что путем заведомо неправильного перевода (что, кстати говоря, согласно статье 307 Уголовного кодекса РФ является уголовно наказуемым деянием) переводчик будет помогать подсудимому добиваться смягчения наказания, но как нужного языкового помощника, который ассистирует иноязычному коммуниканту в процессе многосторонней коммуникации с остальными участниками судебного заседания: подсудимый таким образом понимает, что ему говорят, а также доносит свою точку зрения, комментарии или вопросы до остальных коммуникантов.

Оказавшись в новой и зачастую непонятной для него атмосфере судебного заседания, иноязычный коммуникант, скорее всего, будет ощущать себя несколько неловко, скованно, будет испытывать определенное недоверие к остальным коммуникантам, включая и главного виртуоза межлингвистической и межкультурной медиации — переводчика. Соответственно, с самого начала судебного заседания переводчику рекомендуется расположить к себе иноязычного участника процесса, прибегая, когда требуется, к дополнительным вопросам либо кратким пояснениям. В конце концов, главная задача переводчика является двухаспектной: 1) предоставить подсудимому информацию о том, в чем его обвиняют; 2) дать подсудимому «слово», возможность высказаться, но сделать это так, чтобы подсудимый был уверен, *что его правильно понимают, понимают его так, как он бы этого хотел.* Иными словами, многое здесь будет держаться на твердой (или не очень) вере подсудимого в то, что переводчик верно уловил интенцию последнего, что привело к нужному коммуникативному эффекту.

Все это окажется невозможным без такого фундаментального понятия в человеческих взаимоотношениях, как доверие. «Сотрудничать» переводчик может и с судьей, а равно и с другими коммуникантами в ходе судебного заседания. Но в любом случае следует помнить, что коммуникация — процесс обоюдный, в том числе и коммуникация, осуществляемая при помощи перевода. Переводчик никогда не переводит в пустоту, в вакуум, ведь его перевод всегда будет рассчитан на какого-то реципиента, получателя этого перевода. И если, например, подсудимый удовлетворен работой переводчика, то не факт, что такое же чувство удовлетворения от перевода будет испытывать судья, прокурор, свидетели или другая сторона судебного заседания.

На другом полюсе коммуникации в формате судебного заседания стоит конфронтационность. Она, как мы подчеркивали выше, существует изначально, поскольку предопределяется различиями в статусах, а также интенциях коммуникантов как участников судебного процесса. Судебный перевод не может быть направлен на углубление этой конфронтационности, поскольку приведет таким образом к многочисленным коммуникативным сбоям, которые в свою очередь еще больше затруднят нормальный ход коммуникации. В таком случае задача переводчика по обеспечению межъязыковой и межкультурной коммуникации не будет выполнена. Следовательно, главное, что требуется от переводчика, — это обеспечение коммуникации в условиях изначально существующих барьеров, что подчеркивалось нами ранее.

Вышесказанное наводит нас на мысль о том, что переводчик должен непременно стремиться к всеобъемлющей стратегии «сотрудничества» в ходе судебного заседания. Но в действительности дело обстоит несколько сложнее. Переводчик, подобно эквилибристу, должен уметь балансировать, сохраняя при этом равновесие, чувствовать тонкую грань между холодной «отстраненностью» и избыточным «сотрудничеством», когда переводчик начинает проявлять неуместное сочувствие к подсудимому. Возможна и ситуация, когда переводчик оказывается под давлением со стороны подсудимого либо представителей его защиты. На этом моменте следует остановиться подробнее.

Переводчик часто воспринимается подсудимым (а также его защитой) как один из представителей «государственной машины», общая задача которой якобы состоит в том, чтобы непременно признать подсудимого виновным и назначить ему соответствующее наказание. Подсудимый, таким образом, склонен рассматривать переводчика как помощника стороны обвинения. Следовательно, иногда можно говорить о попытках манипулирования переводчиком. У подсудимых, исповедующих заведомо враждебное отношение к суду и судебному переводчику, есть, по сути, три варианта действий:

– всячески усложнять работу переводчика путем использования слов, словосочетаний, выражений двусмысленного, неоднозначного характера;

– манипулировать переводчиком;

– осуществлять прямое давление на переводчика (путем угроз ему, его родственникам и т. д.) с целью добиться отвода переводчика и тем самым затянуть судебное разбирательство.

Об этих и других аспектах подробно писал А. В. Винников в статье, посвященной языкам этнических криминальных групп в уголовной практике Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России) (Винников 2012: 192–196). Автор отмечает, что цыгане активно прибегают к использованию языка в качестве шифра, играя на неоднозначности синонимики и жонглируя разными значениями одних и тех же слов, обладающих полисемией. Цыганское слово «кова», к примеру, может обозначать любую вещь — дверь, окно, полотенце, сумку и т. д., в том числе и какое-либо наркотическое или психотропное вещество. Задача переводчика — установить истинный смысл высказывания, чтобы не допустить ошибки. Кроме того, цыгане способны к оказанию психологического, экстрасенсорного воздействия на переводчика, на его психику и подсознание, чтобы добиться от него действий, выгодных для цыган, но не для самого переводчика. Что касается давления на переводчиков, то в этом контексте автор приводит следующий пример. В 2010

году расследовалось уголовное дело по обвинению лица ингушской национальности по ст. 228 УК РФ («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»). Обвиняемый узнавал каждого переводчика и через своих родственников просил удалить их из судебного процесса. Таким образом судебный процесс затягивался, поскольку сменилось 17 потенциальных переводчиков — они быстро исчезали уже после первой встречи с обвиняемым. Справился только восемнадцатый переводчик, так как был незнаком подсудимому.

Исходя из этого, можно предположить, что общение переводчика и подсудимого (представителей его защиты) необходимо свести к максимально низкой отметке для минимизации риска того, что переводчик окажется под влиянием подсудимого, когда ни о каком нейтралитете переводчика говорить уже не придется. В ряде этических кодексов отдельным образом подчеркивается этот момент, и выглядит он как своеобразное предостережение для переводчика. Например, в Кодексе профессиональной ответственности судебного переводчика штата Коннектикут говорится о том, что переводчики непременно должны держать нейтралитет. Это в том числе достигается путем избегания ненужных неформальных контактов с любой из сторон судебного заседания, которые говорят на языке, отличном от языка судопроизводства (Code of Professional Responsibility for Court Interpreters). В любом случае переводчику пригодится беспристрастность. Не принимая на себя роль адвоката подсудимого, переводчик тем не менее выступает своеобразным его языковым «лицом», стремясь к адекватной передаче смыслов и интенции его высказываний. Для этого, еще раз подчеркнем, необходимо отойти от догматического буквализма и «развязать переводчику руки», предоставить ему возможность для проактивного участия в судебном заседании наравне с другими участниками судебного процесса.

3) Необходимость формирования единой предметной действительности в сознании коммуникантов.

Судебное заседание объединяет коммуникантов, которые обладают разным уровнем образования, принадлежат к разным культурам, владеют различными профессиональными знаниями. Коммуниканты могут придерживаться противоположных мировоззренческих установок и ценностей. Иными словами, различия между участниками судебного процесса могут быть очень велики. В подобных условиях переводчик выступает в роли

главного скульптора или архитектора представлений коммуникантов о происходящем на судебных заседаниях. Переводчик должен стремиться к формированию единой предметной действительности в сознании как судьи, так и подсудимого. Единые представления в сознании коммуникантов важны для обеспечения должного хода судебного процесса, а также для избежания возможных недоразумений, которые могут пагубно сказаться на исходе судебного заседания. Вновь можно подчеркнуть важнейшую роль переводчика в ходе судебного процесса, его ответственность за происходящее в суде, что еще раз указывает на его особую и отнюдь не второстепенную роль в рамках судебного заседания.

4) Расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта и более краткий, «сухой» в отношении судьи.

К этому пункту следует отнести диалоги между переводчиком и подсудимым (свидетелем), а также одностороннюю коммуникацию по линии переводчик — судья. Подобные явления обусловлены сугубо прагматическими соображениями: иноязычный коммуникант, оказавшись в непривычной и стрессовой для него ситуации судебного перевода, нередко нуждается в пояснениях, уточнениях, возможных упрощениях, если, например, прокурор или судья говорят на слишком сложном и непонятном для него (подсудимого) языке. Здесь уместно говорить о тактике намеренного упрощения, или *тактике симплификации*, к которой вынужден прибегать переводчик, для того чтобы передать суть сложных, перегруженных длинными конструкциями и терминологией речей коммуникантов более простым языком для иноязычного коммуниканта, который, как мы помним, скорее всего, не будет профессионалом в юриспруденции и иных смежных областях. Нередко это приводит к увеличению количества времени звучания перевода, что может вызвать некоторые подозрения со стороны судьи. Очевидно, здесь тоже необходима золотая переводческая середина, чтобы переводчик в своем стремлении адаптировать вопросы или комментарии судьи для более полного и доступного понимания их подсудимым не взял на себя роль правового консультанта. В обратную сторону (т. е. при переводе речи подсудимого для судьи) переводчик стремится к связному и понятному изложению того, что было сказано подсудимым. Если подсудимый склонен к длинным рассуждениям, которые не столь важны для того, чтобы в таком же излишне подробном виде воспроизводить их на переводящем языке, то переводчик, как мы считаем, вправе применять приемы компрессии и опущений, с чем опять-таки не согласятся представители юридического сообщества. Справедлива и обратная ситуация, когда подсудимый отвечает очень кратко и сухо, и это может затруднить понимание сути его высказываний из-за нехватки информации. В такие моменты пе-

реводчик стремится к активному диалогу с подсудимым для «вытягивания» из него дополнительных деталей и пояснений, чтобы потом воспроизвести их в более подробном виде в языке перевода. Что касается диалогов с судьей, то необходимость в этом возникает не столь часто, поскольку переводчик и судья чаще всего владеют одним и тем же языком — языком судопроизводства.

5) Особый статус судебного переводчика.

Целесообразно разделить понятие статуса на две категории — формальный статус (формальная роль) и фактический статус (фактическая роль на судебном заседании). По мнению Л. Б. Обидиной и Е. А. Обидина, формальный статус переводчика, приглашаемого для участия в судебных заседаниях, отнесен российским законодателем к категории *иных участников судебного процесса, выполняющих вспомогательные задачи* (Обидина, Обидин 2018: 23), с чем мы склонны согласиться. Но как быть с фактической ролью переводчика на судебных заседаниях? В первую очередь необходимо уточнить, что понятия формального и фактического статусов не должны противоречить друг другу. Утверждение о том, что переводчика следует относить к другим участникам судебного процесса, не означает автоматического зачисления переводчика в разряд сугубо второстепенных участников, что предполагало бы ограниченные роль и «функционал» переводчика. Можно выделить два основных фактора, которые предрасполагают переводчика к обретению особой роли. Во-первых, судьи нередко рассматривают переводчика как «необходимое зло», но подсудимый, напротив, может возлагать какие-то надежды на переводчика, поскольку воспринимает последнего как своего языкового и культурного помощника. Такое полярное восприятие переводчика вполне отвечает биполярному характеру коммуникации, описанному нами выше. Во-вторых, переводчик, балансируя между двумя сторонами, не ассоциирует себя ни со стороной обвинения, ни со стороной защиты, ни с какими-либо другими участниками судебного заседания. Эти два фактора свидетельствуют в пользу того, что судебный переводчик обладает особым статусом. Особый статус судебного переводчика означает, что он полномочен в том, чтобы коммуницировать с другими участниками судебного заседания на равных. *Переводчик — это особый, но в любом случае полноправный участник судебного процесса*.

Кроме того, в зарубежной литературе предлагались различные классификации ролей переводчика в ходе судебного заседания (Lebese 2015: 66–80; Viljanmaa, Mantynen 2017). Несмотря на отдельные различия и погрешности между этими классификациями, можно выделить наиболее существенные роли переводчика в рамках судебного заседания. Каждая из

представленных ниже ролей определяет конкретную тактику осуществления судебного перевода:

1) Переводчик как помощник — тактика предоставления помощи иноязычному участнику судебного процесса (либо коммуниканту, страдающему патологиями слуха и / или речи) в налаживании коммуникации с представителями языкового большинства, владеющими языком судопроизводства (не страдающими патологиями слуха и / или речи).

2) Переводчик — невидимый канал связи. В рамках этой парадигмы переводчик осуществляет перевод, «максимально близкий к тексту». Переводчик — незаметный для остальных механизм, машина по конвертации высказываний на одном языке в высказывания на другом.

3) Переводчик — фасилитатор коммуникации. В данном случае с точки зрения переводческих тактик переводчик выходит за рамки «собственно перевода» и активно участвует в налаживании коммуникации, воспринимается, как межкультурный медиатор и даже как «языковой адвокат» иноязычного коммуниканта.

4) Билингвально-бикультуральная роль. Из названия очевидно, что переводчик в этом случае является коммуникантом, обладающим знаниями о двух разных языках и культурах. Переводчик прекрасно осведомлен о культурных особенностях коммуникантов, различиях невербального характера, региональных особенностях языков (диалектах) и т. д.

5) Переводчик — лингвистический фасилитатор. Обладает некоторыми сходствами с такими моделями, как «невидимый канал связи» и «фасилитатор коммуникации». Переводчик обеспечивает успешную коммуникацию между сторонами судебного заседания, при этом должен передавать все особенности речей коммуникантов, включая разговорные и просторечные выражения, жаргонизмы, сленг, ругательства, обсценную лексику и пр., а также стиль и регистр высказываний.

6) Переводчик в роли канала («мостика») коммуникации. Во многом напоминает модель «незаметного канала связи».

По нашему мнению, переводчик, скорее всего, не будет строго следовать какой-либо из предложенных выше ролей. Можно предположить, что роль судебного переводчика окажется многоаспектной и будет одновременно включать в себя черты всех упомянутых моделей коммуникации в зависимости от конкретного контекста ситуации. В этом состоит еще одна особенность фигуры судебного переводчика и его роли в рамках судебного слушания.

4. Особенности коммуникативной ситуации судебного перевода

Базируясь на вышеописанных особенностях судебного перевода, представим возможную схему коммуникации, осуществляемой с использованием судебного перевода (см. Схема 1):

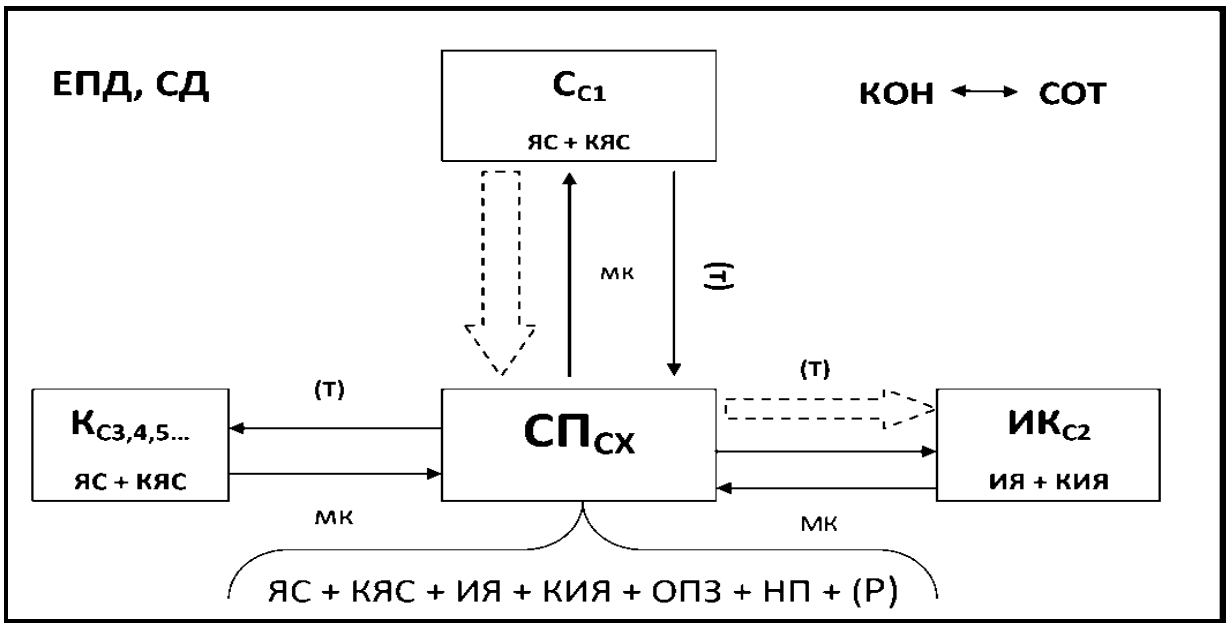


Схема 1. Коммуникация, осуществляемая с использованием судебного перевода

Условные обозначения и пояснения к схеме:

1) Фоновые параметры. Эти параметры выступают «фоном» коммуникации, изначально определяя ее ход:

ЕПД — единая предметная действительность в сознании коммуникантов;

СД — судебный дискурс;

КОН ⟷ СОТ — биполярный характер коммуникации по оси «конфронтация — сотрудничество».

2) Параметры коммуникации с использованием судебного перевода:

МК — межкультурная коммуникация (при переводе в обе стороны);

(Т) — возможные тактики осуществления перевода. Они заключены в скобки, чтобы показать неоднозначность вопроса применения переводчиком разных тактик, поскольку с точки зрения судебно-переводческих кодексов переводчик должен действовать по строго прописанным канонам, однако в ситуации реального общения есть вероятность импровизаций и вариативных подходов к осуществлению перевода. Достаточно конфликтный момент;

ЯС — язык судопроизводства;

КЯС — культура языка судопроизводства (принимающая культура);

ИЯ — иной язык (на котором говорит иноязычный коммуникант);

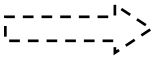
КИЯ — культура иного языка (исходная культура);

$С_{с1}$ — судья. Обладает статусом 1. Мы специально ввели параметр статусных различий между коммуникантами, поскольку это оказывает существенное влияние на процесс перевода;

$ИК_{с2}$ — иноязычный коммуникант, обладающий статусом 2;

$К_{с3,4,5…}$ — условное обозначение любого другого коммуниканта, владеющего языком судопроизводства и обладающего своим уникальным статусом (статусы 3, 4, 5 и т. д.);

$СП_{сх}$ — судебный переводчик, обладающий статусом «икс». Статус «икс» означает, что переводчик совершенно точно занимает определенный статус среди других коммуникантов, однако существуют затруднения с определением конкретных границ такого статуса;

 — служит для обозначения контроля процесса коммуникации со стороны судьи. Судья как председательствующее лицо на любом судебном заседании обладает эксклюзивным правом на регулирование коммуникации в целом, действий и высказываний судебного переводчика (до определенной степени), действий и высказываний иноязычного участника судебного заседания. Судья контролирует иноязычного коммуниканта через переводчика;

(Р) — роли переводчика (как и в случае с тактиками судебного перевода, вопрос о существовании и значимости переводческих ролей по-прежнему вызывает дискуссии);

ОПЗ — основы профессиональных знаний переводчика, необходимых для успешной коммуникации в пределах особого судебного дискурса;

НП — навыки перевода;

Судебный переводчик — уникальный и особый коммуникант, владеющий ЯС, КЯС, ИЯ, КИЯ, ОПЗ, НП, (Р) (на схеме это показано при помощи объединяющей фигурной скобки). Это подчеркивает его ключевую роль в контексте осуществления межкультурной и межъязыковой коммуникации.

5. Заключение

Перевод в социальной сфере качественным образом отличается от других видов перевода. К основным особенностям перевода в социальной сфере (либо, как его еще называют, социального перевода) относят неравноправие коммуникантов, официальную обстановку, непривычную ситуацию для иноязычного коммуниканта, вынужденную необходимость коммуникации с точки зрения представителя языкового меньшинства, кото-

рый к тому же зачастую является носителем другой культуры, а также непрофессионалом в данной конкретной сфере. Мы согласны с тем, что судебный перевод, в сущности, представляет собой один из подвидов перевода в социальной сфере. Несмотря на то что вышеупомянутые особенности социального перевода приложимы и к судебному переводу, мы считаем, что коммуникативная ситуация судебного перевода обладает рядом отдельных черт, которые характерны скорее для судебного перевода в частности, нежели для перевода в социальной сфере в целом. Главными особенностями коммуникативной ситуации судебного перевода можно считать следующие: особый судебный дискурс, биполярный характер коммуникации по линии «конфронтация — сотрудничество», особый статус судебного переводчика, единая предметная действительность в сознании коммуникантов, частый расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта и более сухой в адрес судьи.

Список литературы / References

Барышев Н. В., Сдобников В. В. Культурный код в аспекте переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 18–32.[Baryshev, Nikolay V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) Kul’turnyj kod v aspekte perevodcheskoj deyatel’nosti (Cultural Code in the Aspect of Translation Activity). *LUNN Bulletin*, Special Issue, 18–32. (In Russian)].

Винников А. В. Языки этнических криминальных групп (цыганские, кавказские и пр.) в уголовной практике ФСКН России. Проблема компетентности переводчиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 187–196. [Vinnikov, Andrey V. (2012) Yazyki etnicheskih kriminal’nyh grupp (cyganskie, kavkazskie i pr.) v ugolovnoj praktike FSKN Rossii. Problema kompetentnosti perevodchikov (Languages of Ethnic Criminal Groups (Gypsy, Caucasian, etc.) in the Criminal Practice of the Federal Drug Control Service of Russia. The Problem of the Competence of Translators). *Vestnik of the Siberian Law Institute of the FDCS of Russia*, 1 (10), 187–196. (In Russian)].

Гуреева А. А. Коммуникативные действия переводчика в ситуации коммунального перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 159–162. [Gureeva, Anna A. (2013) Kommunikativnye dejstviya perevodchika v situacii kommunal’nogo perevoda (Communicative Actions of an Interpreter in a Situation of Community Interpreting). *Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2 (18), 159–162. (In Russian)].

Евсиков К. С. Классификация судебных экспертиз // Известия Тульского государственного университета. Экономическиеиюридическиенауки. 2009. № 1. С. 321–327. [Yevsikov, Kirill S. (2009) Klassifikaciya sudebnyh ekspertiz (Classification of Forensic Examinations). *Izvestiya of Tula State University*, 1, 321–327. (In Russian)].

Иванов А. В., Петрова О. В., Сдобников В. В. Основные принципы подготовки преподавателей перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистическо-

го университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 164–166. [Ivanov, Andrey V., Petrova, Olga V., & Sdobnikov, Vadim V. (2021) *Osnovnye principy podgotovki prepodavatelej perevoda* (Basic Principles of Training Teachers of Translation). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 164–166. (In Russian)].

Иванов А. В., Сдобников В. В. Формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателей перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 3 (51). С. 117–132. [Ivanov, Andrey V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) Formirovanie perevodcheskih kompetencij kak osnovnaya zadacha prepodavatelej perevoda (Formation of Translation Competencies as the Main Task of Translation Teachers). *LUNN Bulletin*, 3 (51), 117–132. (In Russian)].

Комиссаров В. Н. Перевод в социально-бытовом контексте: постановка проблемы // Перевод в современном мире: Сборник статей / отв. ред. И. И. Убин. М.: ВЦП, 2001. С. 8–11. [Komissarov, Vilen N. (2001) Perevod v social'no-bytovom kontekste: postanovka problem (Translation in the Social Context: Problem Statement). In Ubin, Ivan I. (ed.) *Perevod v sovremennom mire: Sbornik statey* (Translation in the Modern World: Collection of Papers). Moscow: VCP, 8 –11. (In Russian)].

Лазарева В. А., Шестакова Л. А. Судебная речь по уголовному делу: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2018. [Lazareva,Valentina A., & Shestakova, Liubov' A. (2018) *Sudebnaya rech' po ugolovnomu delu: ucheb. posobie* (Judicial Speech in a Criminal Case: Textbook): Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta. (In Russian)].

Обидина Л. Б. Кому служит переводчик в суде? // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 517–521. [Obidina, Ludmila B. (2017) Komu sluzhit perevodchik v sude? (Whom Does a Court Interpreter Assist?). *Juridical Techniques*, 11, 517–521. (In Russian)].

Обидина Л. Б., Обидин Е. А. Участие переводчика в доказывании по уголовным делам: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. [Obidina, Ludmila B., & Obidin, E. A. (2018) Uchastie perevodchika v dokazivanii po ugolovnim delam (Participation of an Interpreter in Proving in Criminal Cases): Monograph. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU. (In Russian)].

Сдобников В. В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. Вып. 10. С. 132–143. [Sdobnikov, Vadim V. (2010) Tipologiya perevoda: kommunikativno-funkcional'nyj podhod (Translation Typology: Communicative-Functional Approach). *LUNN Bulletin*, 10, 132–143. (In Russian)].

Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : Дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2015. [Sdovnikov, Vadim V. (2015) *Kommunikativnaya situaciya kak osnova vybora strategii perevoda* (Communicative Situation as the Basis for Choosing a Translation Strategy). Advanced PhD Thesis (in Philology). Nizhny Novgorod. (In Russian)].

Ст. 59 УПК РФ. Переводчик [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/76eddc7871ddd8e9d3541669f9b9b7c7c70acc33/. (дата обращения: 04.05.2022) [Stat'ya 59 UPKRF. Perevodchik (Article 59 of theRussian Criminal Procedure Code. Interpreter) (2022, May 4). *Konsul'tant Plyus*. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/76eddc7871ddd8e9d3541669f9b9b7c7c70acc33/. (In Russian)].

Сухарева Е. Е., Черникова Н. С. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 115–120. [Sukhareva, Elena E., & Chernikova, Natalia S. (2014) Problemy perevoda medicinskogo diskursa v kontekste social'nogo perevoda (Problems of Translation of Medical Discourse in the Context of Community Interpreting). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 115–120. (In Russian)].

Универсалюк Е. А. Когнитивно-дискурсивные аспекты интерпретации социального диалога // Языковая реальность познания: сб. науч. тр. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 195–213. [Universalyuk, Elena A.(2009) Kognitivno-diskursivnye aspekty interpretacii social'nogo dialoga (Cognitive-Discursive Aspects of the Interpretation of Social Dialogue). *Yazykovaya real'nost' poznaniya: sb. nauch. tr.* (Linguistic Reality of Cognition: sb. nauch. tr.). Irkutsk: IGLU, 195–213. (In Russian)].

Французова А. Д. Коммуникативные неудачи в устном судебном переводе: лингвосемиотический аспект (на материале шведского и русского языков): дис… канд. филол. наук. Архангельск, 2021. [Francuzova, Anna D. (2021) *Kommunikativnye neudachi v ustnom sudebnom perevode: lingvosemioticheskij aspekt (na materiale shvedskogo i russkogo yazykov)(*Communicative Failures in Court Interpreting: Linguo-semiotic Aspect (Based on the Swedish and Russian Languages): PhD Thesis (in Philology). Arhangel'sk. (In Russian)].

Шамилов Р. М., Кириллова А. В. К вопросу о типологизации прагматической адаптации в специальном переводе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 89–106. [Shamilov, Raviddin M., & Kirillova, Arina V. (2021) *K voprosu o tipologizacii pragmaticheskoj adaptacii v special'nom perevode* (On Typology of Pragmatic Adaptation in Specialized Translation). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 89–106. (In Russian)].

AIIC1984. Random selection from reports and notes on the Brussels seminar. *AIICBulletin*, 12 (1), 21.

Amato, Amalia. (2007) The Interpreter in Multi-Party Medical Encounter. In Wadensjö, Cecilia, Englund Dimitrova, Birgitta, & Nilsson, Anna-Lena (eds.) *Professionalisation of Interpreting in the Community*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 27–38.

Angelelli, Claudia V. (2004) *Revisiting the Interpreter's Role: A study of Conference, Court, and Medical Interpreters in Canada and United States*. Amsterdam: John Benjamins.

Bahadir, Şebnem. (2010) The Empowerment of the (Community) Interpreter: The Right to Speak of One's Own. *Dolmetschinszenierungen: Kulturen, Identitaten, Akteure* / Ş. Bahadir [et al.]. Berlin : SAXA Verlag, 145–152.

Bar-Tzur, David. (1999) (2022, May 4) Integrating the Interpreting Service Models. Retrieved from http://www.theinterpretersfriend.com/misc/models.html.

Code of Ethics and Professional Responsibilities (2016) (2022, April 5). *NAJIT*. Retrieved from https://najit.org/wp-content/uploads/2016/09/NAJITCodeofEthicsFINAL.

Code of Professional Responsibility for Court Interpreters (2022, April 5). *Jud. Ct. Gov*. Retrieved from https://jud.ct.gov/external/news/jobs/interpreter/Code_of_Professional_Responsibility.

Cokely, Dennis. (1992) *Interpretation: Towards a Social Model.* Burtonsville, MD: Linstok Press.

Eighinger, Lynne, & Karlin, Ben. (2001) (2022, April 5). Feminist-Relational Approach: A Social Construct for Event Management. Retrieved from http://www.signs-of-development.org/website/Letters.html.

Gonzalez, Roseann D., Vasquez, Victoria F., & Mikkelson, Holly. (1991) *Fundamentals of Court Interpretation: Theory, Policy and Practice*. Durham, NC: Carolina Academic Press.

Hale, Sandra. (2005) The Interpreter's Identity Crisis. *Translation and the Construction of Identity: IATIS Yearbook*. Seoul: IATIS, 14–29.

Indiana Rules of Court Interpeter Code of Conduct (2020) (2022, April 10). *The Official Website of the State of Indiana*. Retrieved from https://www.in.gov/courts/rules/interpreter/interpreter.

Kadric, Mira. (2009) *Dolmetschen bei Gericht. Erwartungen — Anforderungen — Kompetenzen*. Wien: facult. (In German)

Kelly, Ariene M. (2000) Cultural Parameters for Interpreters in the Courtroom. In Roberts, Roda P., Carr, Silvana E., Abraham, Diana, & Darfour, Aideen (eds.). *The Critical Link 2: Interpreters in theCcommunity. Selected Papers from 2nd International Conference on Interpreting in Legal, Health and Social Services Settings*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 131–148.

Kondo, Masaoumi. (1990) What Conference Interpreters Should not Be Expected to Do. *The Interpreters' Newsletter*, 3, 59–65.

Lang, Ranier. (1978) Behavioral Aspects of Liaison Interpreters in Papua New Guinea: Some Preliminary Observations. In Gerver, David, & Sinaiko, Wallace H. (eds.) *Language Interaction and Communication*. N. Y. ; L. : Plenum, 231–244.

Lebese, Samuel J. (2015) Formulation of Court Interpreting Models: A South African Perspective. *Stellenbosch Papers in Linguistics*, 44, 61–80.

Nartowska, Karolina. (2014) *Court Interpreter: Lawyer, Psychiatrist, Director or Actor?* Vienna: Universität Wien, Zentrum für Translationswissenschaft.

Padilla, Maria T. Bajo, & Padilla, Francisca. (1999) Proposal for a Cognitive Theory of Translation and Interpreting: A Methodology for Future Empirical Research. *The Interpreters' Newsletter*, 9, 61–78.

Phelan, Mary. (2001) *The Interpreter's Resource*. Frankfurt Lodge: Multilingual Matters LTD.

Professional Standards and Ethics for California Court Interpreters (2013) (2022, April 5). *Judicial Council of California*. Retrieved from https://www.courts.ca.gov/documents/CIP-Ethics-Manual.pdf.

Roy, Cynthia B. (2000) *Interpreting as a Discourse Process*. New York, Oxford: Oxford University Press.

Viljanmaa, Anu, & Mantynen, Anna. (2017) "This Is the Way I Have to Act": In Search of Court Interpreter's Ethics and Role Understanding. *Legal Translation and Court Interpreting: Ethical Values, Quality, Competence Training* / Annikki Liimatainen, Arja Nurmi, Marja Kivilehto, Leena Salmi, Anu Viljanmaa, Melissa Wallace. (eds.), 147–177.

Wadensjö, Cecilia (University of Stockholm) interviewed in Tarragona, June 27, 2011. Electronic text data. Retrieved from http://www.youtube.com/ watch?v=z2Qvq026nrU.

УДК 811’11
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-63-75

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю. С. Старостина, Л. М. Леонович

Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева, Самара, Россия

Статья посвящена изучению лингвоаксиологической природы конфликтных коммуникативных ситуаций, зафиксированных в пределах англоязычного драматургического дискурса. Цель исследования заключалась в комплексном выявлении лингвоаксиологических основ межличностных конфликтов, репрезентированных в пространстве драматургического диалога. Новизна исследования обусловлена тем, что авторами впервые предпринята попытка идентифицировать как глубинные когнитивные причины вербального конфликта, так и специфику его языкового оформления с позиций единого лингвоаксиологического подхода. Материалом исследования послужила выборка диалогических фрагментов, репрезентирующих ситуацию коммуникативного конфликта в пьесах современных англоязычных драматургов. Поскольку исследование выполнено в русле дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии как актуального научного направления, эмпирический материал был проанализирован при помощи метода комплексной лингвоаксиологической интерпретации, который предполагает анализ языковых средств экспликации ценностно-оценочных отношений в совокупности с анализом дискурсивных характеристик коммуникативного блока. По итогам исследования авторами введено, определено и обосновано понятие лингвоаксиологического противоречия как когнитивно-коммуникативного феномена, формирующего мотивационную основу межличностного коммуникативного конфликта. Картографирован и дуально систематизирован спектр ценностных доминант, столкновение которых характеризуется повышенной конфликтогенностью в рамках драматургического диалога. Выделены и проиллюстрированы две пары ценностей, которые, в случае вступления в вербально оформленное противоречие, катализируют межличностный конфликт и провоцируют коммуникативную неудачу. Выявлена корреляция между фактом лингвоаксиологического противоречия, дискурсивными параметрами коммуникативной ситуации и высокой плотностью релевантных языковых средств, обусловленной конденсацией оценочных средств и полиуровневых интенсификаторов в пределах диалогического модуля. Установлено, что коммуникативный конфликт, основанный на лингвоаксиологическом противоречии, имеет явную гендерную и возрастную дискурсивную маркированность. Сделан аргументированный вывод о том, что лингвоаксиологическое противоречие можно признать глубинным базисом межличностных коммуникативных конфликтов. Подобные конфликты детерминированы принципиальным расхождением уникальных индивидуально-личностных лингвоаксиосфер коммуникантов при симультанной акцентуализации элементов социально закрепленной ценностной системы. Представлен-

ное исследование, теоретическая значимость которого определяется вкладом в развитие методологической платформы дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии, может послужить основой для дальнейшего научного осмысления полиформатных вербальных конфликтов, актуализированных в различных дискурсивных практиках.
Ключевые слова: лингвоаксиология; ценностная доминанта; оценочный маркер; драматургический дискурс; диалог; коммуникативный сбой.
Цитирование: Старостина Ю. С., Леонович Л. М. Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 63–75. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-63-75.

Linguoaxiological Foundations of Communicative Conflicts in the English Drama Discourse

Julia S. Starostina, Larissa M. Leonovich
Samara National Research University named after ac. S. P. Korolev, Samara, Russia

The article examines the linguoaxiological nature of communicative conflicts within the English drama discourse, seeking to provide a comprehensive description and analysis of the linguoaxiological basis of interpersonal conflicts presented within the frame of dramatic dialogue. It's a first attempt to pinpoint both the cognitive causes of verbal conflict and the specifics of its linguistic shape from the linguoaxiological perspective, which determines the novelty of the research. The material used for the study included a selection of dialogue fragments which represent cases of communicative conflicts in the works by contemporary English-speaking playwrights. Using the framework of the discourse-communicative linguoaxiological approach, the authors employed the method of comprehensive linguoaxiological interpretation, which involves the analysis of linguistic means used to convey value-evaluative attitudes and the analysis of discourse characteristics of communication. Based on the results of the study, the authors introduced, defined, and substantiated the concept of a linguoaxiological clash as a cognitive and communicative phenomenon that forms motivation for interpersonal conflicts, mapping out and dually systematizing a whole range of value dominants, the clash of which shows conflict potential within the framework of dramatic dialogue. To this effect, the authors singled out and illustrated two pairs of values which cause interpersonal conflict and provoke communicative failure if they happen to clash in a verbal exchange, and went on to establish a correlation between the linguoaxiological clash, the discourse parameters of the communicative situation, and the high density of relevant linguistic means through the condensation of evaluative means and multi-level intensifiers within the dialogue. It was also established that communicative conflicts based on a linguoaxiological clash have clear gender and age discourse markings. The authors conclude that the linguoaxiological clash can be recognized as a deep inner cause of interpersonal communicative conflicts, driven by a fundamental divergence in unique individual linguoaxiospheres of communicants with simultaneous accentuation of elements within the social value system. The study contributes to the development of the methodological platform of discourse-communicative linguoaxiology and could serve as a basis for further study of multiformat verbal conflicts in various discourse practices.

Key words: linguoaxiology; value dominant; evaluative marker; drama discourse; dialogue; communicative failure.
Citation: Starostina, Julia S., Leonovich, Larissa M. (2022) Linguoaxiological Foundations of Communicative Conflicts in the English Drama Discourse. *LUNN Bulletin,* 2 (58), 63–75. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-63-75.

1. Введение

Коммуникативные ситуации, характеризующиеся повышенной конфликтогенностью, вызывают особый интерес современных лингвистов ввиду существующего социального запроса на поиск стратегий урегулирования конфликтов в процессе речевого взаимодействия. Конфликт признается многоуровневым общественным явлением, актуализация которого обусловлена столкновением противоположных позиций участников коммуникации (Пугачева 2013). В качестве причин возникновения конфликтных ситуаций зачастую выделяются языковые аспекты, а именно неправомерный выбор вербальных коммуникативных средств при формировании диалогических реплик (Калинина 2021), что может приводить к неадекватной трактовке полученных данных и последующему «несоответствию результатов коммуникативного акта его целевой установке» (Жеребило 2010). Безусловно, нарушение социально закрепленных правил вербального и невербального оформления высказываний способно негативно повлиять на течение диалога и спровоцировать коммуникативную неудачу. Примечательно, что в фокусе многих современных лингвистических исследований находятся межкультурные и межэтнические конфликты (Пугачева 2013; Емельянова 2019), а таже конфликты между социальными группами (Orian 2020), причины которых заложены в незнании необходимых языковых средств (Andreyeva 2019; Денисова 2021) и принципов речевого поведения для адекватной передачи информации в пределах определенного лингвокультурного сообщества.

Подобный вектор исследовательского интереса к коммуникативному конфликту можно наблюдать в области лингвистического анализа медийного (Пильгун 2017; Байчик 2020; Кудрявцева 2021), политического (Bartholomé 2018), делового (Tomalin 2019), и интернет-дискурса (Путина 2018; Гриценко 2020). Обозначенные дискурсивные исследования концентрируются на способах речевого оформления коммуникативного поведения при конфликте, прежде всего на языковом маркировании речевой агрессии; в фокусе внимания также находятся коммуникативные тактики положительного разрешения вербального конфликта (Туфанова 2019; Бакина, Иванова, Федуленкова 2021). Структурируя причины возникновения конфликта, ученые отмечают обязательное наличие социальных и психологических факторов его зарождения как мотивов выбора коммуникативных средств,

нацеленных на деструкцию позиции оппонента (Третьякова 2010). Многогранность речевого конфликта обусловила изучение его с позиций социолингвистики (Дубовицкая 2019), психолингвистики (Лукин 2019), лингвокультурологии (Васев 2020; Sharma 2021), коллоквиалистики (Itskovich, Kupina 2018; Наумова 2019).

Вместе с тем языковое оформление конфликтогенной коммуникативной ситуации выступает планом выражения глубинных, аксиологических, противоречий, которые можно рассматривать как первопричину коммуникативных неудач в пространстве межличностной коммуникации. Ценностная система как когнитивное образование, формируемое специфически структурированными концептами (Чекулай, Прохорова, Кучмистый 2019), детерминирует все аспекты социального взаимодействия, оказывает влияние на эмоциональное состояние членов социума (Bojanowska 2021), определяет лингвокультурную идентичность (Halman 2018; Sharma 2021) и выступает базисом диалогических интеракций. Актуальность настоящего исследования продиктована необходимостью выявления глубинных лингвоаксиологических основ речевых конфликтов в зоне прямой межличностной коммуникации на английском языке и определения аксиологических доминант, столкновение которых характеризуется вербально маркированной конфликтогенностью в диалогах представителей англоязычной культуры. Именно лингвоаксиологический ракурс осмысления проблемы может, на наш взгляд, способствовать более полному и комплексному осмыслению причин коммуникативных конфликтов при диалогическом взаимодействии. Лингвоаксиология выступает как научная парадигма, нацеленная на системное изучение различных типов ценностей и ценностно-оценочных отношений в совокупности со способами их языковой репрезентации. Сферой интересов дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии как нового научного направления, характеризующегося активным развитием, является актуализация ценностных доминант и оценочных отношений в процессе коммуникативного взаимодействия в пределах множественных дискурсивных практик. Применение дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода к анализу речевых интеракций дает возможность не только идентифицировать мотивы коммуникативных конфликтов, но и идентифицировать некоторые элементы ценностной системы современного англоязычного социума, а также проследить специфику языковой репрезентации ценностно-оценочных аспектов диалога.

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении лингвоаксиологических основ межличностных конфликтов, репрезентированных в пространстве англоязычного драматургического диалога, а также в фикса-

ции аксиологических доминант, которые, при условии их симультанной вербальной репрезентации в пределах диалогического модуля, актуализируют коммуникативное противостояние между собеседниками. Задачи исследования были сформулированы следующим образом: 1) определить и обосновать понятие лингвоаксиологического противоречия как нового элемента понятийно-терминологического аппарата предметной области; 2) на основе лингвоаксиологической интерпретации англоязычного драматургического дискурса выявить спектр ценностных доминант, реккурентно транслируемых в конфликтном диалоге; 3) систематизировать зафиксированные ценностные доминанты по принципу их вступления в оппозитное взаимодействие; 4) выявить дискурсивную и языковую специфику конфликтных диалогов, коммуникативной основой которых выступает лингвоаксиологическое противоречие.

2. Характеристика материала и методов исследования

Фактологическим материалом исследования послужили пятьдесят диалогических фрагментов, отражающих межличностные конфликты коммуникантов. Все диалогические фрагменты были отобраны из пьес современных англоязычных драматургов. Выбор обозначенного эмпирического материала для выявления лингвоаксиологических основ конфликтного противостояния обусловлен тем, что драматургические произведения текущего исторического периода являются, на наш взгляд, очень плодотворной базой для исследования ценностно-оценочных аспектов межличностной коммуникации. В процессе создания драматургического произведения автор транслирует существующие в обществе идеи, симультанно воссоздавая аутентичные коммуникативные ситуации, которые соответствуют актуальным социальным нормам. Уточним, что в нашей работе рассматривались диалоги из драматургических произведений, следующих традициям реализма как художественного направления: в сюжете таких пьес обычно раскрываются семейно-бытовые взаимоотношения персонажей и, соответственно, репрезентируется речевое поведение, типичное для соответствующих дискурсивных практик.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное исследование показало, что в пределах англоязычного драматургического диалога типом межличностного конфликта, приводящего к коммуникативному сбою, выступает конфликт, основанный на феномене лингвоаксиологического противоречия: подобный конфликт зачастую не имеет конструктивного разрешения и, соответственно, заканчивается коммуникативной неудачей. Под коммуникативной неудачей понима-

ется эксплицитное повреждение диалогического потока, обусловленное взаимным непонимаем и неприятием собеседниками позиций друг друга, что подразумевает вербализированное нарушение принципа коммуникативной коллаборации. Лингвоаксиологическое противоречие определяется как маркированное на языковом уровне столкновение двух оппозитных ценностных доминант, возникающее в процессе прямого коммуникативного взаимодействия вследствие принципиального несовпадения элементов индивидуально-личностных аксиосфер собеседников. По итогам лингвоаксиологической интерпретации конфликтных диалогических фрагментов нами было выделено четыре реккурентно манифестируемые ценностные доминанты, которые систематизируются в виде двух устойчивых пар. Пары ценностных доминант, наиболее частотно вступающих в лингвоаксиологическое противоречие в пределах англоязычного драматургического дискурса, можно обозначить как оппозиции «семья и брак — профессия и карьера»; «привычный образ жизни — здоровый образ жизни».

Рассмотрим, каким образом каждая из выделенных пар ценностных доминант вступает в противостояние, провоцируя коммуникативный конфликт в зоне семейно-бытового общения, широко репрезентированного в драматургических диалогах. Во-первых, коммуникативный конфликт может строиться на основе расхождения ценностных установок коммуникантов относительно первичной значимости семьи по сравнению с профессиональной реализацией, или наоборот. Иллюстративным примером выступает разговор, представленный в пьесе *A House Of Dolls* современного британского драматурга Джеймса Хансона (Hanson 2017), в котором лингвоаксиологическое противоречие обозначенных ценностных доминант катализирует конфликт между представительницами разных поколений одной семьи: *DELILAH ... I don’t want a boyfriend, anyway. I’m not marrying. JANE All Austen women get married. Why break tradition? (DELILAH picks up another book to read.) JANE (To DELILAH) I know you love school and all, and I applaud you for that. You’re the first one in the family to go to college. We’re all proud of you. But getting married is important* (Hanson 2017). В диалогическом фрагменте фиксируется эксплицитная языковая маркированность несовпадения ценностных ориентиров матери и дочери. Девушка четко выражает свою позицию в начале диалога: *I don’t want a boyfriend*; *I’m not marrying*. Далее, задействуя невербальные средства, она показывает матери свою заинтересованность в обучении и интеллектуальном развитии, а не в браке: *DELILAH picks up another book to read*. Однако мать, адекватно декодируя коммуникативное послание дочери, продолжает настаивать на своей правоте, ссылаясь на семейные традиции. Джейн дает формальную позитивную оценку стремлению дочери получить высшее образование,

однако ее финальная оценочная реплика раскрывает подлинные ценностные приоритеты: *But getting married is important.* Последовательный обмен оценочными высказываниями, каждое из которых детерминировано одной из оппозитных ценностных доминант, не приводит к коммуникативному консенсусу, скорее наоборот, поскольку ни одна из собеседниц не готова к трансформации индивидуально-личностной аксиосферы по результатам диалога.

Отметим, что лингвоаксиологическое противоречие, основанное на столкновении двух ценностных доминант «семья — карьера» представляется широко распространенным параметром построения сюжетных линий современных англоязычных драматургических произведений. Выбор молодых женщин в пользу самореализации в профессиональной сфере и продвижения по служебной лестнице вступает в оппозицию с семейно-ориентированными ценностями. Подобным образом в пространстве межличностного речевого взаимодействия, представленного в формате драматургического диалога, фиксируется постепенно происходящая в сознании членов социума трансформация ценностных приоритетов, что, в свою очередь, формирует платформу для конфликтов не только между представителями разных возрастных когорт, но и между супругами, принадлежащими к одному поколению. Например, в пьесе *A Daughter Like You* (Parker 2015) столкновение противоположных ценностных ориентиров мужа и жены становится основой разлада в семейных отношениях, который манифестируется вербально в коммуникативном конфликте. Неоправдавшиеся ожидания мужа, считающего, что жена слишком мало внимания уделяет семье, акцентуализируются в одном из диалогов следующим образом: *DAVID ... First it was work. ... Spending six days a week in the office and when you were at home still it was just work, work, work*. Эмоциональное отношение мужа к проблеме несоответствия его ценностной картины мира и реальности вербализируется посредством многочисленных повторов лексемы *work,* которая в данном диалогическом фрагменте приобретает окказиональную негативную оценочность, интенсифицированную при помощи стилистического средства. Высказывание мужа глубоко задевает женщину, поскольку противоречит ее собственным ценностным ориентирам, и далее она пытается парировать сказанное, перенаправляя обвинения в его адрес, что способствует динамичной эскалации коммуникативного конфликта.

Вторая пара выделенных ценностных доминант, вступающих в коммуникативное лингвоаксиологическое противоречие, формируется противопоставлением привычного комфорта здоровому образу жизни. В большинстве случаев конфликт, основанный на обозначенном лингвоаксиологическом противоречии, характерен для коммуникантов, которые высту-

пают представителями разных поколений. Наиболее показательным примером может выступить ссора отца и взрослого сына, представленная в драматургическом произведеним *All There Is* британского автора Джозефа Хокинса (Hawkins 2019); конфликтный диалог полностью основан на столкновении двух обозначенных ценностных доминант: *FRANK (Stubbing out his cigarette) Funny things, fags. When you haven't smoked for a while, the first one always tastes horrible. Then after two or three they start to get more-ish. JEREMY You should quit. I have. You're killing yourself with those things. FRANK I'd rather die by my own hand than fade away like a bloody vegetable in this place, drugged up to my eyeballs* (Hawkins 2019). Отец отстаивает свое право на привычный и комфортный для него образ жизни, который в данном индивидуальном случае подразумевает некоторые вредные привычки, в том числе курение. Сын же, являясь адептом здорового образа жизни, в достаточно жесткой форме вербализирует свое негативное отношение к ситуации, опираясь на соответствующую индивидуально-личностную ценностную доминанту. Настойчивая рекомендация сына, выражаемая при помощи модальной конструкции (*You should quit*), его метафоричное предостережение о разрушительном влиянии сигарет на организм (*You're killing yourself*) вызывают негативную эмоциональную реакцию со стороны отца: *I'd rather die by my own hand than fade away like a bloody vegetable*. Высокоинтенсивные оценочные маркеры (*fade away, bloody*) дополнительно усиливаются за счет использования сравнения, что вербально маркирует эмоциональную напряженность коммуникативной ситуации. В итоге диалог заканчивается коммуникативным сбоем, что подразумевает невозможность разрешения лингвоаксиологического противоречия.

Другая вариация лингвоаксиологического противоречия на основе той же пары ценностных доминант реализуется в случае, когда ценность здорового образа жизни, актуальная для молодого поколения, подразумевает своевременное и превентивное обращение за медицинской консультацией, в то время как для представителей более старшей возрастной группы аксиологической установкой является игнорирование походов к врачам, поскольку это подразумевает бесполезный выход за пределы привычного комфорта. В пьесе *Buckingham's Palace* британского драматурга Джина Блейзиара (Blasiar 2020) внуки вступают в коммуникативный конфликт с дедушкой, поскольку его поведение, обусловленное опорой на обозначенную выше ценностную доминанту, кажется им совершенно непонятным: *MITCHELL So how do you get to doctors' appointments? ARNIE Don't go. AMELIA You have to go, Mister… Arnie. ARNIE Why? AMELIA So they can prescribe for you… ARNIE Prescribe what? AMELIA Medication. ARNIE For what? AMELIA For what ails you. ARNIE Nothing ails me. AMELIA LOOKS*

TO MITCHELL FOR HELP (Blasiar 2020). В репликах молодых людей, Митчела и Амелии, прослеживается ценностная установка необходимости контролировать состояние здоровья посредством регулярных визитов к врачу. Однако их доводы вызывают только раздражение у пожилого мужчины, которое прослеживается в многократных риторических вопросах. Непреклонность и несогласие героя отказаться от ценности привычного образа жизни сосредоточено в его последней реплике, что подтверждает его убежденность в бессмысленности обращения к медицинскому персоналу. Финальная авторская ремарка акцентуализирует коммуникативный сбой как итог конфликта, основанного на лингвоаксиологическом противоречии.

Как правило, корнем возникновения конфликтных ситуаций в коммуникативном пространстве современной драматургии, репрезентирующей межличностные взаимоотношения, является столкновение ценностных приоритетов представителей либо разных поколений, либо разных гендеров. Проанализированные в ходе исследования конфликтные коммуникативные ситуации демонстрируют актуализацию ценностных доминант, несовпадение которых у собеседников приводит к конфликту и потенциальной коммуникативной неудаче. Подобные диалогические фрагменты обладают специфическими вербальными характеристиками: в них фиксируется высокая плотность негативно-оценочных маркеров и полиуровневых оценочных интенсификаторов, применение которых повышает общую эмотивность коммуникативного фрагмента.

4. Выводы

Таким образом, лингвоаксиологическое противоречие можно признать глубинным базисом межличностных коммуникативных конфликтов. Применение лингвоаксиологического исследовательского ракурса позволило выявить как когнитивные аксиологические конструкты, а именно ценностные доминанты, вступающие в оппозиционные отношения, так и специфичный вербальный уровень их реализации в конфликтных ситуациях. Лингвоаксиологическое противоречие — новое понятие исследуемой предметной области — выступает как комплексный феномен, имеющий полиаспектную когнитивно-коммуникативную природу. Лингвоаксиологическая интерпретация конфликтных диалогов впервые позволила не только картографировать спектр ценностных доминант, лежащих в основе коммуникативного взаимодействия, но и систематизировать их в формате двух пар, оппозиция внутри которых детерминирует возникновение конфликта и провоцирует его динамичное развитие с последующим коммуни-

кативным сбоем, что имеет непосредственную вербальную маркированность.

Языковое оформление диалогов, в пределах которых фиксируется лингвоаксиологическое противоречие, демонстрирует явную корреляцию между фактом принципиального несовпадения элементов индивидуально-личностных аксиосфер говорящих и высокой плотностью негативно-оценочных языковых средств, которая формируется при помощи поликомпозитной конденсации оценочных маркеров и разноуровневых оценочных интенсификаторов в пределах диалогического фрагмента. Кроме того, коммуникативный конфликт, основанный на лингвоаксиологическом противоречии, имеет явную гендерную и возрастную дискурсивную маркированность.

В целом коммуникативные конфликты, глубинным мотивом которых выступает лингвоаксиологическое противоречие, всегда обусловлены существенным расхождением уникальных индивидуально-личностных лингвоаксиосфер коммуникантов при симультанном маркировании элементов ценностной системы всего лингвокультурного сообщества, что находит непосредственное отражение в англоязычных драматургических диалогах. Представленное исследование, теоретическая значимость которого, на наш взгляд, определяется среди прочего вкладом в развитие методологической платформы дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии посредством расширения ее понятийно-терминологического аппарата и разработки валидного исследовательского алгоритма, может послужить основой для дальнейшего научного осмысления полиформатных конфликтных ситуаций, актуализированных во множественных дискурсивных практиках.

Список литературы / References

Байчик А. В. Ценностный конфликт: особенности динамики в массмедийном пространстве // Конфликтология. 2020. Т. 15. № 2. С. 174–193. [Bajchik, Anna V. (2020) Tsennostnyuj konflikt: osobennosti dinamiki v massmedijnom prostranstve (Value Conflict: Peculiarities of Dynamics in the Mass Media Space). *Konfliktologia*, 15, (2), 174 –193. (In Russian)].

Бакина А. Д., Иванова А. В., Федуленкова Т. Н. От палитры эмоций до бесконфликтного общения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. № 54. С. 165–170. [Bakina, Anna D., Ivanova, A. V., & Fedulenkova T. N. (2021) Ot palitry emotsij do beskonfliktnogo obscheniya. (From a Palette of Emotions to Conflict-Free Communication). *LUNN Bulletin*, 54, 165–170. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-165-170.

Васев Д. В. Межкультурная коммуникация в силовом поле диалога культур // Высшее образование сегодня. 2020. № 3. С.60–64. [Vasev, Dmitrij V. (2020) Mezhkul’turnaya kommunikatsiya v silovom pole dialoga (Intercultural

Communication in the Power Field of the Dialogue of Cultures). *Higher Education Today*, 3, 60–64. (In Russian)]. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.03.P.60.

Гриценко А. Речевая агрессия в ситуации конфликта в условиях виртуальной коммуникации (на примере комментариев в сети «Инстаграм») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (29). С. 59–62. [Gricenko, A. (2020) Rechevaya agressiya v situacii konflikta v usloviyakh virtual'noj kommunikacii (na primere kommentariev v seti «Instagram» (Speech Aggression in a Conflict Situation in Virtual Communication (on the Example of Comments in the Network "Instagram"). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 4 (29), 59–62. (In Russian)]. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-29-59-62.

Денисова А. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии в английском и русском языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. №1. С. 48–56. [Denisova, Anastasiya V. (2021) Leksiko-semanticheskije sposoby vyrazheniya rechevoj agresii v anglijskom i russkom yazykakh (Lexico-Sematic Ways of Expressing Verbal Aggression in the English and Russian Languages). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 48–56. (In Russian)]. DOI: 10.17308/lic.2021.1/3237.

Дубовицкая М. А. Конфликт как форма межкультурной коммуникации: социолингвистический аспект // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 3 (77). С. 199–202. [Dubovickaya, Maria A. (2019) Konflikt kak forma mezhkul'turnoj kommunikacii: sociolingvisticheskij aspect (Conflict as a Form of Intercultural Communication: a Sociolinguistic Aspect). *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University.* 3 (77), 199–202. (In Russian)].

Емельянова О. В. Конфликт ценностей в межкультурной коммуникации // Ценностная картина мира англоязычного социума / Е. Г. Хомякова (ред.). СПб: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 25–46. [Emel'yanova, Olga V. (2019) Konflikt tsennostej v mezhkul'turnoj kommunikatsii (Conflict of Values in Interpersonal and Intercultural Communication). In Khomyakova, Elizaveta G. (ed.) *Tsennostnaya kartina mira angloyazychnogo sotsiuma* (Value Picture of the World of the English Speaking Society). Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 25–46. (In Russian)].

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. [Zherebilo, Tatjyana V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Nazran: Piligrim. (In Russian)].

Калинина М. В. Коммуникативные неудачи: причины и следствия (на примере политических ток-шоу) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 4. С. 377–381. [Kalinina, Margarita V. (2021) Kommunikativnaye neudachi: prichiny i sledstviya (na primere politicheskikh tok-shou) (Communication Failures: Causes and Effects (On the Example of Political Talk Shows). *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism*, 21 (4), 377–381. (In Russian)]. DOI 10.18500/1817-7115-2021-21-4-377-381.

Кудрявцева З. Г. Структурирование нарратива конфликта в медийной коммуникации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2021. Т. 18. № 3. С. 68–75. [Kudryavceva, Zemfira G. (2021) Strukturirovanie

narrative konflikta v medijnoj kommunikacii (Structuring the Narrative of Conflict in Media Communication). *Bulletin of South Ural State University. Series Linguistics*, 18 (3), 68–75. (In Russian)]. DOI: 10.14529/ling210312.

Лукин В. А. Семиотика продуктивного конфликта в учебной и научной коммуникации // Организационная психолингвистика. 2019. № 4 (8). С. 21–42. [Lukin, Vladimir A. (2019) Semiotika produktivnogo konflikta v uchebnoj I nauchnoi kommunikatcii. (Semiotics of Productive Conflict in Educational and Scientific Communication). *Organizational Psycholinguistics*, 4 (8), 21–42. (In Russian)].

Наумова Е. В. Отражение изменений ценностных установок россиян в речевой практике // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова . 2019. № 7. С. 42–49. [Naumova, Elena V. (2019) Otrazhenie izmenenij tsennostnykh ustanovok rossiyan v rechevoj praktike (Reflection of Changes in the Value Attitudes of Russians in Speech Practice). *LUNN Bulletin*, 7, 42–49. (In Russian)].

Пильгун Е. В. Особенности отражения кризисных ситуаций в британской и российской качественной прессе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. № 38. С. 96–107. [Pil'gun, Elena V. (2017) Osobennosti otrazheniya krizisnykh situatsij v britanskoj i rossijskoj kachestvennoj presse (Depicting Crisis Situations in British and Russian Quality Press). *LUNN Bulletin*, 38, 96–107. (In Russian)].

Пугачева Е. Н. К вопросу об исследованиях коммуникативного конфликта (на примере конфликтного взаимодействия носителей китайского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 153–158. [Pugacheva, Elena N. (2013) K voprosu ob issledovaniyakh kommunikativnogo konflikta (na primere konfliktnogo vzaimodejstviya nositelej kitajskogo yazyka) (To Question of Communicative Conflict Researches (by the Example of Chinese Language Speakers Conflict Interaction). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 7 (25), 2, 153–158. (In Russian)].

Путина М. П. Коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и Филология. 2018. Т. 28. № 5. С. 824–831. [Putina, Maria P. (2018) Kommunikativnyj konflikt v zhanre internet-kommentariya (Communicative Conflict in the Internet Comment Genre). *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 28 (5), 824–831. (In Russian)].

Третьякова В. С. Конфликт в лингвистических категориях // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 154–165. [Tretyakova, Vera S. (2010) Konflikt v lingvisticheskikh kategoriyakh (Conflict in Linguistic Categories). *Legal Linguistics*, 2010, 10, 154–165. (In Russian)].

Туфанова Ю. В., Маклакова Т. Б., Чупановская М. Н. Функционально-прагматический потенциал молчания в ситуации извинения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. № 46. С. 98–108. [Tufanova, Yuliya V., Maklakova, Tatyana B., & Chupanovskaya, Mariya N. (2019) Funktcional'no-pragmaticheskij potentcial molchaniya v situatsii izvineniya. (The Functional and Pragmatic Potential of Silence in Expressing Apology). *LUNN Bulletin*, 46, 98–108. (In Russian)].

Чекулай И. В., Прохорова О. Н., Кучмистый В. А. Специфика метафорических моделей структурирования ценностных концептов // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 350–355. [Chekulaj, Igor' V., Prokhorova, Olga N., & Kuchmistyj,

Vladislav A. (2019) Spetsifika metaforicheskikh modelej strukturirovaniya tsennostnykh kontseptov (The Specific Character of Metaphoric and Metonymic Structuring the Value Concepts). *Cognitive Studies of Language*, 37, 350–355. (In Russian)].

Andreyeva, Yelena A. (2019) Values and Anti-values in Figurative Phraseological Units in the Russian and German Languages. *Humanities and Social Sciences Reviews*, 7 (4), 427–432. DOI: 10.18510/hssr.2019.7458.

Bartholomé, Guus, Lecheler, Sophie, & De Vreese, Claes. (2018) Towards a Typology of Conflict Frames: Substantiveness and Interventionism in Political Conflict News. *Journalism Studies*, Vol. 19, Issue 12, 1689 –1711. DOI: 10.1080/1461670X.2017.1299033.

Bojanowska, Agnieszka. (2020) Values and Well-being – How Are Individual Values Associated with Subjective and Eudaimonic Well-being? *Polish Psychological Bulletin*, 51 (2), 162 –169. DOI: 10.24425/ppb.2020.133773.

Halman, Loek, & Lomazzi, Vera. (2018) European Values Studies: a Unique Cross-national Comparative and Longitudinal Survey Research Project on Basic Human Values in Europe. *Journal of Belarusian State University. Sociology*, 3, 24–35.

Itskovich, Tatyana V., & Kupina, Nataliya A. (2018) Intra-Family Dialogues About Profession: Linguoaxiological Interpretation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, Vol. 17, Iss. 4, 153–162.

Orian, Harel T., Maoz, Ifat, & Halperin, Eran. (2020) A Conflict within a Conflict: Intragroup Ideological Polarization and Intergroup Intractable Conflict. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, Vol. 34, 52–57. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.11.013.

Sharma, Rajat. (2021) Reinventing the Universal Structure of Human Values: Development of a New Holistic Values Scale to Measure Indian Values. *Journal of Human Values*, Vol. 27, 2, 175–196. DOI: 10.1177/0971685821993945.

Tomalin, Barry. (2019) Writing Diplomatically: Managing Potential Conflict. *Training, Language and Culture*, 3 (2), 40–54.

Источники языкового материала / Language material resources

Blasiar, Jean. (2020) Buckingham's Palace. *Off The Wall Play Publishers*. Retrieved from https://offthewallplays.com/wp-content/uploads/2020/11/BUCKINGHAMS-PALACE-half-script.pdf.

Hanson, James. (2017) A House Of Dolls. *Off The Wall Play Publishers*. Retrieved from https://offthewallplays.com/wp-content/uploads/2017/12/1_pdfsam_A-house-of-dolls-with-title-page.pdf.

Hawkins, Joseph. (2019) All There Is. *Off The Wall Play Publishers*. Retrieved from https://offthewallplays.com/wp-content/uploads/2019/04/all-there-is-half-script.pdf.

Parker, Simon. (2015) A Daughter Like You. *Off The Wall Play Publishers*. Retrieved from https://offthewallplays.com/wp-content/uploads/2015/08/Daugther-Like-You-half-script1.pdf.

УДК 81’139
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-76-87

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИКИ ПРЕДИКАТОВ УКАЗАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ (на материале английского языка)

Е. Ю. Холдеева

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

В статье определяется роль действий указывания для формирования чисто человеческого способа развития. При этом указывание характеризуется как комплексный биокогнитивный феномен, посредством которого человек взаимодействует с окружающей его действительностью. Такие действия считаются исключительно человеческими социальными и когнитивными навыками и привлекают внимание антропологов, исследующих истоки и эволюцию культурного познания. В лексической системе современного английского языка выделяется группа предикатов, каждый из которых репрезентирует когнитивный феномен указывания и особым образом отражает различные аспекты этого феномена. В работе рассматриваются когнитивные особенности ситуаций, обозначаемых предикатами указательных действий, и описываются характеристики участвующего в них наблюдателя, который прогрессирует из субъекта зрительного восприятия в перцептивно-когнитивную фигуру. Кроме того, рассматриваются особенности наблюдаемого, от характера которого зависит функционирование наблюдателя. В статье выявляются признаки, по которым дифференцируются конструкции, организованные предикатами указательных действий. Автор детально описывает основные характеристики участников ситуаций, описываемых предикатами указательных действий. Доказывается, что использование аналитического инструментария когнитивных исследований важно для понимания природы сложного феномена указывания.

Ключевые слова: предикат; действие; указывание; агенс; наблюдатель; наблюдаемое; восприятие.

Цитирование: Холдеева Е. Ю. Когнитивный подход к исследованию семантики предикатов указательных действий (на материале английского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 76–87. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-76-87.

A Cognitive Approach to Studying Semantics of Pointing Action Predicates (Based on the English Language)

Ekaterina Yu. Kholdeyeva
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

The article defines the role of pointing actions for the formation of a purely human way of development. At the same time, pointing is characterized as a complex biocognitive phenom-

enon by means of which a person interacts with the surrounding reality. Actions such as "point to/at something" are performed by children at an early stage of their development. They are considered to be exclusively human social and cognitive skills. Such actions attract the attention of anthropologists who study the origins and evolution of cultural cognition. In the lexical system of modern English, a group of predicates is distinguished where each predicate represents the cognitive phenomenon of pointing and reflects various aspects of this phenomenon in a special way. The article examines the cognitive features of situations organized by pointing action predicates and describes the characteristics of the observer participating in them. In these situations, the observer progresses from the subject of visual perception to a perceptual-cognitive figure. In addition, the author considers the features of what is observed and finds that the nature of the object observed affects the functioning of the observer. The article identifies features that help differentiate constructions organized by pointing action predicates, describes the main characteristics of participants in situations organized by pointing action predicates, and proves that the use of analytical tools of cognitive research is important for understanding the nature of the complex phenomenon of pointing.
Key words: predicate; action; pointing; the agent; the observer; the observed; perception.
Citation: Kholdeyeva, Ekaterina Yu. (2022) A Cognitive Approach to Studying Semantics of Pointing Action Predicates (Based on the English Language). *LUNN Bulletin,* 2 (58), 76–87. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-76-87.

Антропоцентрически ориентированная когнитивная парадигма лингвистики открывает новые перспективы рассмотрения языковых явлений и позволяет обнаружить неисследованные аспекты образования языковых значений. Одно из центральных понятий современной когнитивной семантики — метакатегория Наблюдатель является универсальным аналитическим инструментом, с помощью которого объясняется широкий круг вопросов, связанных с морфологическим (см., напр.: [Березина 2021]), лексическим (см., напр.: [Верхотурова 2018]) и текстовым (см., напр.: [Падучева 2000; Падучева 2004]) уровнями языковых исследований.

Существует множество многозначных лексических единиц, семантика которых ориентирована на субъект перцепции. Нас интересует группа предикатов в английском языке, которые категоризуют указательные действия, представляющие собой уникально человеческие социальные и когнитивные навыки. По мнению американского психолога Майкла Томаселло, способность человека к указыванию оказалась важнейшим поворотным пунктом в становлении человеческой коммуникации (Томаселло 2011). Основная межличностная функция направления внимания с помощью жеста указывания существует во всех человеческих сообществах. Таким образом, жесты фиксировали развитие интерсубъективных навыков, которые необходимы для вербального обмена информацией (Iriskhanova, Cienki 2018).

Исследование невербальной коммуникации у детей выявило, что еще до освоения речи младенцы в возрасте 11–12 месяцев с легкостью приме-

няют такие социальные действия, как указывание на объекты (Tomasello, Carpenter 2006) (см. подробнее о развитии языковой личности ребенка [Давлетова, Артюшков 2021]). Дети постепенно начинают осознавать, что для того, чтобы получить что-то или обозначить свой интерес к чему-либо, часто более эффективным оказывается использование жеста указывания (Dewar 2018). Со временем они начинают использовать указательные жесты естественным образом в качестве индивидуального действия ориентирования (Tomasello 2019). Кроме того, считается, что способность предлагать предмет и указывать на него является признаком развития речи у ребенка (Bates, Dale, Thal 1995; Dewar 2017–2019).

В работах зарубежных исследователей указывание характеризуется как телодвижение по направлению к определенной «мишени» (“*target*”), используемое для того, чтобы ориентировать другого человека на восприятие указываемого (Cooperrider, Slotta, Núñez 2018; Fenlon, Cooperrider, Keane, Brentari, Goldin-Meadow 2019). Анализ приведенной дефиниции позволяет сконструировать следующую модель ситуации указывания: субъект действия (агенс), совершая указательный жест, каузирует субъекта восприятия (наблюдателя) обратить внимание на любой другой объект (наблюдаемое) (см. подробнее о глаголах, содержащих в своем значении сему каузативности [Гамина 2018]). При этом в качестве наблюдаемого (указываемого) может выступать безграничное число явлений и объектов, обладающих свойством наблюдаемости. Таким образом, результаты исследований в этой области подтверждают, что указательный жест как один из способов социального взаимодействия вида *homo sapiens* с окружающей его средой является комплексным биокогнитивным феноменом. Вместе с тем указательные действия непременно предполагают наличие наблюдателя и наблюдаемого. Попутно отметим, что указательный жест чаще всего совершается указательным пальцем, который характеризуется в работах зарубежных исследователей как инструмент, преимущественно используемый для указывания (*a preeminently pointy articulator*) (Cooperrider, Mesh 2020). Однако субъект действия может указывать на что-либо, используя другие части тела (к примеру, голову / подбородок или губы), а также с помощью какого-либо остроконечного предмета, находящегося у него в руках:

(1) *Carl pointed* ***with his chin*** *to a short, fat man in a tweed suit* (COCA).

(2) *She pointed* ***with her lips****, as only an Ojibway woman can* (COCA).

(3) *He pointed* ***with his long stick*** *to the right hand side of the map* (COCA).

В английском языке для обозначения ситуации, в рамках которой агенс, используя указательный жест, каузирует наблюдателя обратить

внимание на наблюдаемое, в большинстве случаев употребляются такие предикаты указательных действий, как *point*, *point out*, *indicate*, *gesture* и *show*. Однако для каждого представителя выделенной группы характерен определенный способ концептуализации ситуации указывания. Цель данной статьи — проанализировать ситуации, описываемые предикатами указательных действий в английском языке с применением когнитивного инструментария, и установить факторы, связывающие и дифференцирующие их семантику. Поскольку «одной из областей фундаментальных интересов современной когнитивной лингвистики является концептология развития языковых способностей в онтогенезе и филогенезе человека» (Великода, Карева 2017: 12), исследование когнитивных аспектов семантики предикатов, с помощью которых категоризуются действия типа «указать на что-то», сделает вклад в понимание природы онтологически первичных человеческих действий.

Проанализируем ситуации, в которых агенс при помощи указательного жеста привлекает внимание наблюдателя к различным объектам восприятия.

Анализ словарных дефиниций выявил, что при категоризации действий указывания, совершаемых указательным пальцем, в английском языке чаще всего используется предикат *point* — «direct someone's attention toward something **by extending one's finger** or something held in one's hand» (Lexico):

(4) *"And use the vinegar." She **pointed** to one of the stoppered clay jars* (COCA).

(5) *She **pointed** to one of the tables across the room* (COCA).

(6) *The teacher **pointed** at her and told her to come to the front of the class* (Activator).

В приведенных примерах субъект действия использует указательный жест в процессе взаимодействия с наблюдателем для того, чтобы выделить объект, расположенный среди множества похожих друг на друга объектов (примеры (4) и (5)), или человека, находящегося среди других людей (пример (6)). Попутно заметим, в ходе анализа данных корпусов английского языка было установлено, что предикаты указательных действий часто сопровождаются числительным *one* в сочетании с предлогом *of* (примеры (4), (5), (15)), которое подчеркивает однородность окружающих агенса и наблюдателя объектов и необходимость применения жеста указывания для обозначения нужного наблюдаемого. В ситуации (4) женщина обозначила для наблюдателя глиняный кувшин, который стоял среди других похожих друг на друга кухонных принадлежностей. Только хозяйка дома знала, в каком сосуде находится уксус.

В конструкциях с предикатом *point* наблюдаемое, на которое указывает агенс, обычно вводится предлогами *to* (примеры (4), (5)) или *at* (пример (6)). Жест указывания может сопровождаться высказыванием с императивной семантикой, с помощью которого субъект действия каузирует наблюдателя обратить внимание на выделяемый им объект (пример (4)). В любом случае предикат *point* не предусматривает синтаксической позиции для субъекта восприятия. Синтаксическую невыразимость наблюдателя можно объяснить тем фактом, что «некоторые концепты используются автоматически, поэтому не осознаются и “скрываются” в глубинных слоях высказываний» (Верхотурова 2010: 153).

Предикат *point out* также организует ситуации, в которых агенс, используя указательный жест, каузирует наблюдателя обратить внимание на что-либо или кого-либо (ср.: *point out* — «to direct someone’s attention to (someone or something) by pointing» (MW)):

(7) *He **pointed out** the best beaches on the map* (Macmillan).

(8) *She wanted to know which was my car, so I **pointed** it **out** to her* (Activator).

(9) *“There’s your wife,” M. said, “Look,” and he **pointed** her **out** to me* (COCA).

Однако предикат *point out* в отличие от *point* с предлогом *to* может вводить субъекта восприятия в синтаксическую поверхность высказывания (примеры (8), (9)). Это означает, что предлог *to*, следующий за *point out,* вводит наблюдателя в структуру конструкции, а предлог *to*, следующий за предикатом *point*, является знаком-указателем наблюдаемого. Так, в примере (8) агенс указательным жестом выделил для наблюдателя (*to her*) свою машину, которая наверняка находилась среди множества других похожих друг на друга автомобилей. Указывающий субъект в высказывании (9) обозначил для субъекта перцепции (*to me*) его жену, находящуюся среди других людей.

Предикат указательных действий *indicate* также описывает ситуации, в которых агенс привлекает внимание наблюдателя к чему-либо или кому-либо, находящемуся среди других потенциальных наблюдаемых. При этом в конструкциях с *indicate* нет места для наблюдателя:

(10) *With a nod of his head, Sean **indicated** the house behind him* (iWeb).

(11) *He **indicated** Cindy with a brief nod of the head* (Lexico).

(12) *With a jerk of her chin, she **indicated** the bruising of his face* (COCA).

Однако подчеркнем, что данный предикат в некоторых словарных статьях сопровождает помета *formal,* что ограничивает его употребление рамками научного стиля (ср.: *indicate* — «(formal) to make somebody notice

somebody / something, especially **by** pointing or **moving your head**» (OLD)). Здесь субъект действия обозначает наблюдаемое чаще не указательным пальцем, а движением головы, что является более вежливым способом указывания (ср.: *It is rude to point by an index finger* (iWeb) или *Please remember that also in Italy it is a little rude to point at things and especially at people* (iWeb)). Так, в примерах (10) и (11) уточняется, что агенс обозначил наблюдаемое (дом, находящийся среди множества других домов / человека среди других людей) кивком головы. В высказывании (12) субъект действия указал на наблюдаемое подбородком.

Другой представитель группы — предикат *gesture* — представляет свой способ концептуализации ситуации указывания, в которой агенс выделяет наблюдаемое из множества потенциальных наблюдаемых:

(13) *She **gestured** with a small, delicate hand to the chair beside her* (COCA).

(14) *She **gestured** at the street with one hand, saw it was shaking and pulled it down to her side* (COCA).

(15) *Then he **gestured** at one of the team members. "Rinse this off."* (COCA).

Жест указывания в таких случаях чаще совершается всей рукой, а не пальцами (ср.: *gesture* — «to point towards a person or thing **by holding out your arm** towards them instead of your finger» (Activator)). Интересно отметить, что на наблюдаемое в высказываниях с *gesture* указывают предлоги *to* (пример (13)) или *at* (примеры (14), (15)), что характерно и для высказываний с предикатом *point*. Кроме того, конструкции с *gesture* тоже не предусматривают синтаксической позиции для наблюдателя.

Предикат указательных действий *show* трактуется как «to point to something so that somebody can see where or what it is» (OLD) или «to let someone see where a place or thing is, especially by pointing to it» (LDOCE):

(16) *He **showed** me our location on the map* (OLD).

(17) *I walked him over and I **showed** her which tooth was bothering him* (COCA).

(18) *Marie **showed** him which machines to look at* (COCA).

В изученных нами словарных статьях не были обнаружены толкования, в которых бы уточнялось, каким образом агенс совершает указательный жест в подобных ситуациях. Контекст изученных высказываний позволяет сделать вывод, что указательный жест в конструкциях с *show* может совершаться указательным пальцем. Например, в ситуации (17) агенс указывает на больной зуб, наверняка используя указательный палец. При анализе данных корпусов английского языка было выявлено, что для данного предиката часто характерна особая маркированная конструкция «*show*

somebody which…», которая всегда включает конкретного наблюдателя в своей структуре (примеры (17), (18)).

Во всех рассмотренных выше примерах субъект действия применяет коммуникативно-знаковый жест указывания для управления зрительным вниманием наблюдателя в процессе взаимодействия. В данных случаях акцентируется зрительное восприятие наблюдателя, который внимательно следит глазами за действиями агенса. Однако предикаты указательных действий могут описывать ситуации, в которых агенс не просто каузирует субъекта восприятия обратить внимание на наблюдаемое, а требует от него ответных действий:

(19) *A street child **points** to her mouth to indicate she wants food* (iWeb).

(20) *… she **indicated** with a move of her head that she wanted me to follow her into the kitchen* (COCA).

(21) *Dana **gestured** at her phone to stop recording* (COCA).

(22) *Marty **gestured** with both hands for his employee to lower the volume* (COCA).

Заметим, что только лишь в одной словарной статье была обнаружена дефиниция, отражающая значение предикатов указательных действий в подобных конструкциях (ср.: *gesture* — «**to** point at something or **express something using your hand, arm, or head**» (CD)). В представленных ситуациях комбинация коммуникативно значимого молчания и других невербальных средств (указательный жест) выражает определенную коммуникативную интенцию (Туфанова, Маклакова, Чупановская 2019). Агенс использует выученные жесты привлечения внимания с целью оказать ориентирующее воздействие на наблюдателя. Это означает, что указывающий субъект имеет намерение не просто побудить наблюдателя увидеть наблюдаемое, но и каузировать его сделать что-то в соответствии с увиденным. Такая ориентация будет успешной, только если «адресат и адресант будут иметь общую область взаимодействия со средой» (Дзюба 2020: 127). В приведенных примерах от агенса и наблюдателя требуются навыки понимания индивидуальных намерений. Ориентирующее воздействие возможно только в том случае, если участники ситуации обладают общими знаниями и схожим опытом (Шевченко 2013). Так, в примере (19) указывающий ребенок дает понять субъекту восприятия, что он голоден и хочет, чтобы его накормили. В высказывании (20) агенс с помощью указательного жеста каузирует наблюдателя следовать за ним. В высказывании (21) агенс, указывая на телефон, ориентирует наблюдателя на то, чтобы он остановил запись на диктофоне. В подобных ситуациях наблюдатель не просто воспринимает жест указывания, но и подвергает анализу некоторую невербальную информацию. Таким образом, здесь он, проявляя более

сложные когнитивные процессы, прогрессирует из субъекта зрительной перцепции в перцептивно-когнитивную фигуру.

Итак, анализ материала английского языка и рассмотрение исследуемого феномена указывания позволяет утверждать, что указывание является одним из важнейших способов взаимодействия людей с окружающей их действительностью. Важность способности человека к указыванию предопределяет наличие в английском языке группы предикатов, служащих средствами его описания. Семантика таких предикатов рассчитана на наблюдателя, который не просто воспринимает указательный жест, но и осмысляет невербальную информацию. Рассмотрение феномена указывания с привлечением аналитического комплекса «Наблюдатель — Наблюдаемое» позволило выделить объединяющие и дифференцирующие параметры в семантике предикатов выделенной группы. Конструкции, организованные предикатами указательных действий, дифференцируются по выбранному агенсом способу указывания, а также по их возможности открывать место для наблюдателя в синтаксисе. Предикат *point* в большинстве случаев описывает ситуации, когда агенс обозначает что-то с помощью указательного пальца. Наблюдатель при этом становится синтаксически невыразимым элементом высказывания. Фразовый глагол *point out*, который тоже в большинстве случаев служит для описания жеста, совершаемого указательным пальцем, с помощью предлога *to* может вывести наблюдателя на синтаксическую поверхность высказывания. Предикат *indicate* используется в рамках ситуаций, когда агенс указывает на наблюдаемое кивком головы, что считается более вежливым способом указывания. Он не открывает место для воспринимающего субъекта в организуемых высказываниях. Предикат *gesture* чаще всего описывает ситуации, в которых действие указывания совершается при помощи руки. В конструкциях с этим предикатом место для наблюдателя не предусмотрено. Отличительной чертой маркированных конструкций с предикатом *show* является то, что субъект перцепции всегда получает возможность синтаксического выражения, занимая позицию косвенного дополнения. Вместе с тем все предикаты выделенной группы могут категоризовать ситуации, в которых агенс имеет намерение каузировать наблюдателя выполнить определенные действия. В таких случаях наблюдаемое усложняется, а наблюдатель прогрессирует из субъекта восприятия в субъекта когниции.

Результаты проведенного анализа представлены в обобщенном виде в следующей таблице:

Таблица. Основные характеристики участников ситуаций, описываемых предикатами указательных действий

Предикаты указательных действий	**Особенности наблюдаемого**	**Характеристики наблюдателя**	**Статус наблюдателя**	**Способ указывания агенса**
point	указывающий агенс + выделяемый им объект / человек или указывающий агенс, побуждающий к действию + выделяемый им объект / человек	субъект зрительного восприятия или перцептивно-когнитивный субъект	синтаксически невыразимый	часто указательным пальцем
point out			синтаксически выразимый	часто указательным пальцем
indicate			синтаксически невыразимый	часто головой
gesture			синтаксически невыразимый	часто рукой
show			синтаксически выразимый	часто не уточняется

Таким образом, применение аналитического инструментария когнитивных исследований при изучении семантики выделенных нами предикатов не только пополняет представление о роли наблюдателя и наблюдаемого в формировании категорий указательных действий, но и расширяет представление о таком сложном онтологически первичном коммуникативно-когнитивном феномене, как указывание.

Список литературы / References

Березина О. А. Отражение наблюдаемости в семантике безличных структур // Язык, категории, функции, речевое действие: Материалы XIV международной научной конференции, посвященной памяти В. С. Борисова. Москва; Коломна: МПГУ, 2021. С. 12–15. [Berezina, Ol’ga A. (2021) Otrazhenie nablyudaemosti v semantike bezlichnyh struktur (Reflection of Observability in the Semantics of Impersonal Structures). In *Yazyk, kategorii, funkcii, rechevoe dejstvi: Materialy XIV mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj pamiati V. S. Borisova, Moskva – Kolomna, 15–16 aprelya 2021 goda* (Language, Categories, Functions, Speech Action: Proceedings of XIV International Scientific Conference in Memoriam of V. S. Borisov, Mos-

cow – Kolomna, April 15–16, 2021). Moscow; Kolomna: MPGU, 12–15. (In Russian)].

Великода Т. Н., Карева Л. А. Языковое интуитивное знание как функция ориентации Homo sapiens в когнитивно-рефлексивной среде // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. Вып. 38. С. 11–29. [Velikoda, Tat'yana N., & Kareva, Lyudmila .A. (2017) Yazykovoe intuitivnoe znanie kak funkciya orientacii Homo sapiens v kognitivno-refleksivnoj srede (Intuitive Language Competence as the Orientation Function of Homo Sapiens in the Cognitive-Reflexive Domain). *LUNN Bulletin*, 38, 11–29 (In Russian)].

Верхотурова Т. Л. Фактор Наблюдателя в значении слова и предложения // Слово в предложении / под ред. Л. М. Ковалевой, С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 148–169. [Verkhoturova, Tat'yana L. (2010) Faktor Nablyudatelya v znachenii slova i predlozheniya (The Factor of the Observer in the Meaning of a Word or a Sentence). In Kovaleva, Liya M., Bogdanova, Svetlana Yu, & Semenova, Tatyana I. (eds.) *Slovo v predlozhenii* (Word in a Sentence). Irkutsk: ISLU, 148–169. (In Russian)].

Верхотурова Т. Л. Наблюдатель как аналитический инструмент в исследованиях по лексической семантике // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности: материалы X Всероссийской научной конференции (Иркутск, 21–22 июня 2018 г.). Иркутск: ИГЛУ, 2018. С. 24–30. [Verkhoturova, Tat'yana L. (2018) Nablyudatel' kak analiticheskii instrument v issledovaniyakh po leksicheskoi semantike (The Observer as Analytical Instrument in Researches on Lexical Semantics). In *Problemy kontseptual'noy sistematiki rechi i rechevoy deyatel'nosti: materialy X Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Irkutsk, 21–22 iyunya 2018 g.)* (Issues of Conceptual Systematics of Speech and Speech Activity: Proceedings of the X All-Russian Scientific Conference (Irkutsk, June 21–22, 2018)). Irkutsk: IGLU, 24–30. (In Russian)].

Гамина Е. П. Типы глагольных предикатов с дополнением-пациентивом (на материале английского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып.42. С. 20–30. [Gamina, Elena P. (2018) Tipy glagol'nykh predikatov s dopolneniem-pacientivom (na materiale anglijskogo yazyka) (Types of Verbal Predicates with the Patient as a Surface Object in English Sentences). *LUNN Bulletin*, 42, 20–30 (In Russian)].

Давлетова Т. А., Артюшков И. В. Структура языковой личности ребенка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 3 (55). С. 23–40. [Davletova, Tat'yana A., & Artyushkov, Igor' V. (2021) Struktura yazykovoj lichnosti rebenka (The Structure of a Child's Linguistic Identity). *LUNN Bulletin*, 3 (55), 23–40 (In Russian)].

Дзюба А. Б. Ориентирующее воздействие при совпадении консенсуальной области коммуникантов (на материале русского и английского языков) // Молодежный вестник ИрГТУ. 2020. Т. 10. № 2. С. 126–130. [Dzyuba, Anna B. (2020) Orientiruyushhee vozdejstvie pri sovpadenii konsensual'noj oblasti kommunikantov (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) (Orienting Effect When the Consensual Area of Communicators Coincides (in the Case of Russian and English Languages)). *Youth Bulletin of Irkutsk State Technical University*, Vol. 10, 2, 126–130. (In Russian)].

Падучева Е. В. Наблюдатель как Экспериент «за кадром» [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной международной конференции «Диалог». 2000. URL: http://www.dialog-21.ru/en/digest/2000/articles/ (дата обращения: 31.03.2020). [Paducheva, Elena V. (2000) (2020, March 31) Nablyudatel' kak Eksperient «za kadrom» (The Observer as an Experient «Behind the Scenes»). *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: materialy ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»* (Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue"). Retrieved from http://www.dialog-21.ru/en/digest/2000/articles/. (In Russian)].

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva, Elena V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* (Dynamic Models in Lexical Semantics). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)].

Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. [Tomassello, Michael. (2011) *Istoki chelovecheskogo obshcheniya* (Origins of Human Communication). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)].

Туфанова Ю. В., Маклакова Т. Б., Чупановская М. Н. Функционально-прагматический потенциал молчания в ситуации извинения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 46. С. 98–108. [Tufanova, Yuliya V., Maklakova, Tat'yana B., & Chupanovskaya, Mariya N. (2019) Funkcional'no-pragmaticheskij potencial molchaniya v situacii izvineniya (The Functional and Pragmatic Potential of Silence in Expressing Apology). *LUNN Bulletin*, 46, 98–108. (In Russian)].

Шевченко Е. В. Удачи vs ошибки в ориентирующем воздействии на адресата в телевизионном институциональном дискурсе // Вестник ИрГТУ. 2013. № 6 (77). С. 314–319. [Shevchenko, Elena V. (2013) Udachi vs oshibki v orientiruyushhem vozdejstvii na adresata v televizionnom institucional`nom diskurse (Successes vs Failures in Orientational Influence upon Addressee in Institutional TV Discourse). *Irkutsk State Technical University Bulletin*, 6 (77), 314–319 (In Russian)].

Bates, Elizabeth, Dale, Philip S., & Thal, Donna. (1995) Individual Differences and their Implications for Theories of Language Development. In Fletcher, Paul, & MacWhinney, Brian. (eds.) *Handbook of Child Language*. Oxford: Basil Blackwell, 97–158. DOI: 10.1111/b.9780631203124.1996.00005.

Cooperrider, Kensy, & Mesh, Kate. (2020) Pointing in Gesture and Sign. In Morgenstern, Aliyah, & Goldin-Meadow, Susan. (eds.) *The Blossoming of Gesture in Language*. DOI: 10.31234/osf.io/k3zpw.

Cooperrider, Kensy, Slotta, James, & Núñez, Rafael. (2018) The Preference for Pointing with the Hand Is Not Universal. *Cognitive Science*, 4, 1375–1390. DOI: 10.1111/cogs.12585.

Dewar, Gwen. (2017–2019) The Science of Gestures: We Learn Faster when We Talk with Our Hands. *Parenting Science*. Retrieved from https://www.parentingscience.com

Dewar, Gwen. (2018) Baby Sign Language: an Evidence Based Guide. *Parenting Science*. Retrieved from https://www.parentingscience.com

Fenlon, Jordan, Cooperrider, Kensy, Keane, Jon, Brentari, Diane, & Goldin-Meadow, Susan. (2019) Comparing Sign Language and Gesture: Insights from Pointing. *Glossa: a Journal of General Linguistics*, 4(1), 2. DOI: 10.5334/gjgl.499.

Iriskhanova, Olga K., & Cienki, Alan. (2018) The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contribution and Challenges. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 25–36. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-25-36.

Tomasello, Michael, & Carpenter, Malinda. (2006) Shared Intentionality. *Developmental Science*, 10 (1), 121–125. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2007.00573.x.

Tomasello, Michael. (2019) *Becoming Human: A Theory of Ontogeny*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. DOI: 10.4159/9780674988651.

Словари / Dictionaries

Activator — Longman Language Activator. (1993) London: Longman Dictionaries.

CD — Cambridge Dictionary. (2022) Retrieved from https://dictionary.cambridge.org/.

Lexico — Lexico. (2022) Retrieved from https://www.lexico.com/.

LDOCE — Longman Dictionary of Contemporary English Online. (2022) Retrieved from https://www.ldoceonline.com/.

MW — Merriam-Webster. (2022) Retrieved from https://www.macmillandictionary.com/.

OLD — Oxford Learner's Dictionaries. (2022) Retrieved from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/.

Источники языкового материала / Language material resources

Activator — Longman Language Activator. (1993) London: Longman Dictionaries.

COCA — Corpus of Contemporary American English. (2022) Retrieved from https://www.english-corpora.org/coca/.

iWeb — The iWeb Corpus. (2022) Retrieved from https://corpus.byu.edu/iweb/.

Lexico — Lexico. (2022) Retrieved from https://www.lexico.com/.

Macmillan — Macmillan Dictionary. (2022) Retrieved from https://www.macmillandictionary.com/.

OLD — Oxford Learner's Dictionaries. (2022) Retrieved from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-88-110

ЭКСПРЕССИОНИСТСКИЙ ДИСКУРС В ТЕКСТАХ КУРТА ПИНТУСА И КАЗИМИРА ЭДШМИДА. ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ

Е. А. Сакулина, С. М. Старков

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Исследование посвящено одному из самых ярких периодов немецкоязычной культуры — эпохе экспрессионизма. Само явление порождено не столько интуициями собственно искусства, сколько общественной и исторической необходимостью. Вся Европа отчётливо осознавала неизбежность кризиса. Экспрессионизм возник на пороге Первой мировой войны и на своем взлете выразил самые тяжелые переживания людей, предчувствующих вырождение гуманистического мира. Актуальность работы заключается в возможности нахождения скрытых типологических схождений в интерпретации событий современности и событий столетней давности. Материалом исследования послужили два программных текста-манифеста, до настоящего времени считающихся каноническими в определении феномена экспрессионизма: эссе немецкого журналиста Курта Пинтуса «Сумерки человечества» (нем. *Menschheitsdämmerung*) и манифест писателя и критика Казимира Эдшмида «Об экспрессионизме в литературе и новое творчество» (нем. *Expressionismus in der Literatur und die neue Dichtung*). Авторы сформулировали основные стилевые и мировоззренческие принципы экспрессионизма, сравнили его с другими литературными направлениями: натурализмом, символизмом, импрессионизм. Решая основную задачу — передать «разрушающуюся, бурлящую, хаотичную целостность» своего времени, авторы обратились к метафоричной и богатой на аллюзии форме эссе. Именно этому жанру посвящена значительная часть работы, что вместе с проблемой рецепции составляет теоретическое зерно исследования. Новизна исследования заключается в применении комплексного анализа явления (с т. з. литературоведения и переводоведения). Особое внимание уделяется особенностям перевода данных текстов на русский язык. Современному читателю, не знающему немецкого языка, знакомство с работами Пинтуса и Эдшмида может быть полезно как в научном, так и в общеобразовательном фокусе рассмотрения. Перевод при этом рассматривается как одна из сложных форм рецепции. Приводятся примеры переводческой работы со сложными тропами и концептами. Делается описание приемов, применяемых при решении переводческих задач. Сравнительный анализ оригинальных авторских текстов и их перевода демонстрирует, что на практике «воссоздание» и «пересоздание» взаимосвязаны друг с

другом, поскольку в процессе перевода оригинал оказывается преломленным в зеркале национальной литературной традиции. Неизбежному редактированию переводчик подвергает, морфологию, синтаксис, художественные приемы и жанр, но данная трансформация представляется необходимой для того, чтобы реципиент смог глубже проникнуть в особенности экспрессионистского дискурса.

Ключевые слова: экспрессионизм; рецепция; воссоздание; пересоздание; текст; жанр; эссе; манифест.

Цитирование: Сакулина Е. А., Старков С. М. Экспрессионистский дискурс в текстах Курта Пинтуса и Казимира Эдшмида. Проблема рецепции // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 88–110. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-88-110.

Expressionist Discourse in Texts by Kurt Pintus and Kazimir Edschmid: the Problem of Reception

Elena A. Sakulina, Savva M. Starkov
N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The study looks at one of the most remarkable periods of German-speaking culture, the era of Expressionism. The phenomenon is generated not so much by the intuitions of art itself, as by social and historical necessity. The whole of Europe was clearly aware of the inevitability of the crisis. Expressionism emerged on the threshold of the First World War and on its rise expressed the most difficult experiences of people who foresaw the degeneration of the humanist world. The relevance of the work lies in the possibility of finding hidden typological similarities in the interpretation of modern events and events of a century ago. The research material was two programmatic manifesto texts, which are still considered canonical in defining the phenomenon of expressionism: an essay by German journalist Kurt Pintus "Twilight of Humanity" (German: "Menschheitsdämmerung") and a manifesto by writer and critic Kazimir Edschmidt "On Expressionism in Literature and new Creativity" ("Expressionismus in der Literatur und die neue Dichtung." In their texts, the authors formulated the main stylistic and ideological principles of expressionism and compared it with other literary trends: naturalism, symbolism, and impressionism. Seeking to achieve their main goal, the hope to convey the "collapsing, seething, chaotic integrity" of their time, the authors turned to the metaphorical and allusive form of the essay, and a significant part of the present research project is dedicated to the discussion of this important genre: this, too, along with the problem of reception, forms the theoretical thrust of the study. The novelty of the study lies in providing a comprehensive analysis of expressionism from the perspective of literary and translation studies, with a focus on the peculiarities of translating these texts into Russian. For a modern reader who does not know German, acquaintance with the works of Pintus and Edschmidt can be helpful both in terms of scholarly interest and general education. At the same time, translation is considered to be one of the more complex forms of reception, and the authors provide examples of Pintus's and Edschmidt's translators dealing with complex tropes and concepts and describe the techniques used in solving translation problems. A comparative analysis of the original authors' texts and their translation demonstrates that in practice "re-constitution" and "re-creation" are interrelated, since in the process of translation the original is refracted in the mirror of the national literary tradition. The translator inevitably edits morphology, syntax, and artistic techniques and genre, but this

transformation seems necessary in order for the recipient to be able to penetrate deeper into the features of expressionist discourse.
Key words: expressionism; reception; recreation; re-creation; text; genre; essay; manifesto.
Citation: Sakulina, Elena A., Starkov, Savva M. (2022) Expressionist Discourse in Texts by Kurt Pintus and Kazimir Edschmid: the Problem of Reception. *LUNN Bulletin*, 2 (58), 88–110. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-88-110.

Солнце было бы красивым, даже если бы его купили акционеры. Это пламя, парящее над невидимыми фабричными трубами в ночной тьме, словно румяные, нереальные языки, красиво, как звезда над жалкими крышами этого бедного рабочего квартала, рассказывающая мне сказки о халдейских пастухах, о Вифлееме и шеях австрийских офицеров. Все, все красиво, красота вездесуща, как жизнь и моль…

1. Введение

Эти слова, написанные в 1900 году, принадлежат хорватскому диссиденту Антуну Густаву Матошу. Они резюмируют его впечатления от Всемирной выставки в Париже, которая, по его мнению, открыла нарождающийся XX век с его проектами и импульсами нового искусства. Одним из таких импульсов, «автопортретом сложной духовной жизни» новой эпохи стал экспрессионизм. Это художественное направление было объектом пристального внимания исследователей и критиков на протяжении всего последующего столетия. Экспрессионизм провозгласил изменение духовной ситуации в обществе, резкую смену мировоззренческих координат, предрекающую фатальную неотвратимость конца предшествующего временного цикла. И все же исследовательский интерес сосредоточивался, как правило, на крупных именах представителей экспрессионизма, воплотивших его идеи в художественной реальности. Этого нельзя сказать о трудах по теории экспрессионизма, в которых были сформулированы художественно-эстетические концепции этого направления. Они по-прежнему недостаточно известны широкой публике как в Германии, так и в России. Цель нашей работы — обратиться к наиболее значимым из них и рассмотреть их перевод на русский язык как главный аспект рецепции при вхождении в иную (в данном случае русскую) культуру. Актуальность работы заключается в возможности нахождения скрытых типологических схождений в интерпретации событий современности и событий столетней давности. Исследовать тексты необходимо в первую очередь с точки зрения тех элементов, в которых наиболее вероятен «культурный сбой» в процессе перевода. Эти элементы выделены и проанализированы на нескольких уровнях: лексики, грамматики, художественных приемов и жанра. Разделение на уровни обусловлено во многом тем, что сам процесс ре-

цепции представляет собой сложную систему, где все части взаимозависимы и взаимосвязаны (Балаганов 2020).

Монологический литературный жанр эссе, в котором написаны работы К. Пинтуса и К. Эдшмида, находится на пересечении функциональных стилей. Эссе рассматривается как жанр философской, литературно-критической, историко-биографической, публицистической прозы, сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь (Розенталь, Теленкова 1976: 501).

Важным признаком эссе является его свободная композиция. Зная, какие темы они собираются осветить, писатели не выбирают строгий жанр изложения своих мыслей, а выражают собственные мысли, подчиняясь лишь внутренней логике своих собственных рассуждений. Свободная композиция эссе позволяет им провести анализ какого-то определенного объекта мысли. В данном случае объектом анализа обоих авторов является направление литературного экспрессионизма. Эмоциональная информация выполняет экспрессивную функцию. Существует три основных признака эмоциональной информации: субъективность, конкретность и образность (Алексеева 2006: 252). Субъективность информации также передается с помощью лексических средств: лексикой высокого стиля, авторскими неологизмами (Жеребило 2016: 43). Конкретность эмоциональной информации выражается в привязке содержания текста к определенному времени (Глушак 1981: 103). К. Пинтус и К. Эдшмид перечисляют литературные направления, существовавшие до экспрессионизма: натурализм, импрессионизм, символизм, неоклассицизм. Пинтус часто отсылает к произведениям отдельных писателей-экспрессионистов (строчки из стихотворений Вальтера Кале и Франца Верфеля), Эдшмид приводит в пример множество писателей, художников и отдельных исторических личностей (Стефан Георге, Винсент Ван Гог, Эмиль Золя). Все это дает нам представление о конкретном времени, которое описывают авторы. Не менее важной чертой эмоциональной информации также является образность, которая служит для ее оформления (Алексеева 2006: 253). Широкая палитра художественных средств помогает обобщить информацию для читателя, сделать ее знакомой через сопоставление с другой, уже известной ему информацией. В текстах она представлена следующими языковыми средствами: метафоры, сравнения, цитаты. В эссе К. Пинтуса и К. Эдшмида также присутствуют признаки еще одного вида информации, который, согласно определению И. С. Алексеевой, специализируется на оформлении чувства прекрасного — информации эстетической (Алексеева 2006: 253). Исследуя подвид эстетической информации, можно заключить, что она имеет все

признаки эмоциональной информации и потому ничем от нее не отличается, но их основное различие состоит в том, что эстетическая информация передает чувства, возникающие от средств оформления ее самой, в то время как информация эмоциональная просто передает внутренние чувства автора (Белошицкая 2020). Текст рассматривается не только как средство передачи информации, но и как объект информации. В представленных текстах данный вид информации выражается с помощью метафор, эпитетов, парцелляции и анафор.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования в курсах по истории литературы XX века, теории литературы, а также на занятиях в вузах по художественному переводу и стилистическому анализу художественных текстов.

2. Характеристика материала и методов исследования

Теоретической базой и методологической основой нашего исследования послужили работы по вопросам экспрессионизма как литературного направления российских и зарубежных исследователей (Otto 1976; Klettenhamer 1990; Андреев, Карельский, Павлова 1996; Ришар 2003; Пестова 1999, 2004а, 2004б, 2009, 2016; Сакулина 2009); работы по теории перевода художественного текста (Брандес, Провоторов 2001; Алексеева 2006; Волгина 2018).

В состав комплексной методики вошли проблемно-тематический, интерпретационный, интертекстуальный и сравнительно-сопоставительный методы исследования художественного текста.

Фактическим материалом исследования послужили два программных текста-манифеста, до настоящего времени считающихся каноническими, в определении феномена экспрессионизм: эссе немецкого журналиста Курта Пинтуса «Сумерки человечества» (нем. *Menschheitsdämmerung*) и манифест писателя и критика Казимира Эдшмида «Об экспрессионизме в литературе и новое творчество» (нем. *Expressionismus in der Literatur und die neue Dichtung*).

3. Результаты исследования и их обсуждение

В 1919 году немецкий писатель и журналист Курт Пинтус издал самое главное собрание поэтических текстов экспрессионизма, так называемый «документ экспрессионизма» — «Сумерки человечества» (нем. *Menschheitsdämmerung*) — в издательстве Э. Ровольта в Берлине. Несмотря на то, что поэтов он выбирал произвольно, исходя из собственных убеждений, подбор авторов спустя годы стал классическим и общепризнанным. Составляя это собрание, Пинтус был убежден, что «расстановка стихотво-

рений не могла быть осуществлена поверхностно, основываясь на алфавитном порядке». По его мнению, не имело смысла расставлять произведения и следуя хронологии. Для того чтобы передать «разрушающуюся, бурлящую, хаотичную целостность» своего времени, Пинтус разделил всю антологию, основываясь на тематике стихотворений, на четыре блока: «Крушение и крик», «Пробуждение сердца», «Призыв и возмущение», «Возлюби человека». Всего в антологию входит больше 270 стихотворений 23 авторов (среди них Г. Тракль, Э. Ласкер-Шюлер, Г. Гейм, Г. Бенн, А. Деблин, Я. ван Ходдис и др. [Топоров, Славинская 1990: 10]). Антология много раз переиздавалась, и вместе с изданием 1996 года ее тираж достиг отметки в 158 000 экземпляров. Каждое из прижизненных изданий (1919, 1922, 1959) сопровождалось вступлением. В первом издании антология открывалась предисловием Пинтуса «Прежде всего» (нем. *Zuvor*). Позже к ним были добавлены его же предисловия «Отголосок» (нем. *Nachklang*, 1922) и «40 лет спустя» (нем. *Nach 40 Jahren*, 1959).

Писатель и критик Казимир Эдшмид в своих трудах также уделял огромное внимание феномену экспрессионизма. Его наиболее знаковой работой является манифест «Об экспрессионизме в литературе и новое творчество» (нем. *Expressionismus in der Literatur und die neue Dichtung*, 1919). Эдшмид сформулировал основные стилевые и мировоззренческие принципы экспрессионизма и сравнил его с другими литературными направлениями: натурализмом, символизмом, импрессионизмом (Klettenhammer 1990: 35).

Обе работы, выпущенные в середине «экспрессионистского десятилетия», внесли огромный вклад в развитие теории этого направления в литературе и искусстве. Эссе, как и всем жанрам художественного стиля, присуще смешение объективно-аналитического, эмоционально-экспрессивного и субъективно-личностного содержаний, носителем которого является личность автора (Брандес, Провоторов 2001: 82). В эссе обоих авторов объективно-аналитическое содержание представлено когнитивной информацией, содержащей объективные знания о мире. Существует три параметра когнитивной информации: объективность, абстрактность и компрессивность (Алексеева 2006: 250). Особую роль играет параметр объективности. В исследуемых работах объективность когнитивной информации представлена музыкальными, искусствоведческими, литературоведческими и лингвистическими терминами. Эмоционально-экспрессивное содержание передается соответствующим типом информации.

Для того чтобы понять, в каких именно точках вероятнее всего может происходить «культурный сбой», возникающий в процессе рецепции

инокультурных текстов, необходимо выделить те опорные узлы («острия смысла»), которые особенно концентрированно вобрали в себя отличительные признаки авторского идиостиля. Обратимся к конкретным примерам на разных уровнях организации текстов Эдшмида и Пинтуса.

В работах встречается большое количество антропонимов и терминов. Рассуждая об экспрессионизме, Пинтус часто упоминает имена и фамилии поэтов того времени. Для перевода антропонимов уместно использовать их устоявшиеся эквиваленты на русском языке:

Aber ***Else Lasker-Schüler*** *läßt als Erste den Menschen ganz Herz sein, — und dehnt dennoch dies Herz bis zu den Sternen und zu allen Buntheiten des Ostens.*	*Но* ***Эльза Ласкер-Шюлер*** *была первой, кто проникла всем сердцем к человеку, — и обратила это сердце к звездам и к самым ярким краскам Востока.*
Heym *hämmerte (noch nach* ***Baudelaires*** *strengem Vorbild) Visionen des Todes, des Grauens, der Verwesung in zermalmenden Strophen.*	***Гейм*** *(подобно* ***Бодлеру****) ковал предзнаменования смерти, ужаса и разложения и заключал их в сокрушительные строфы.*

В данных примерах звучат имена известных поэтов-экспрессионистов: Эльзы Ласкер-Шюлер и Георга Гейма. Э. Ласкер-Шюлер и Г. Гейм — видные представители немецкого литературного экспрессионизма и одни из основоположников этого движения (Ришар 2003). Стихотворения Георга Гейма автор сравнивает с творчеством Шарля Бодлера — французского поэта, основоположника декаданса и символизма. Описывая экспрессионизм как направление в искусстве, Эдшмид делает вывод, что чувство, которое выражают экспрессионисты, присутствовало в творчестве всех народов во все времена. Он приводит в пример не только видных деятелей искусства (художников, поэтов и писателей), но и исторические личности:

Er war in der dramatischsten Ekstase bei ***Grünewald****, lyrisch in den Jesuliedern der Nonne, bewegt bei* ***Shakespeare****, in der Starre bei* ***Strindberg****, unerbittlich in der Weichheit bei den Märchen der Chinesen.*	*Экспрессионизм был в драматическом экстазе* ***Грюневальда****, в лирике песен монахини о Христе, трогательной поэзии* ***Шекспира****, он был жестким в прозе* ***Стриндберга*** *и мягким в китайских народных сказках.*
Sie liegen nicht im einzelnen, nicht in der Gotik, nicht im Nationalen, nicht	*Их не найти и в чем-то отдельном — ни в готике, ни в националь-*

bei ***Goethe***, ***Grünewald*** *oder* ***Mechtild von Magdeburg***. *Nicht in romanischer Krypta, nicht bei* ***Notker***, *bei* ***Otto dem Dritten***, *nicht bei* ***Eckehard***, ***Chrestien von Troye*** *oder den Zaubersprüchen.*	*ном, ни у* ***Гёте***, ***Грюневальда*** *или у* ***Мехтильды Магдебургской***. *Ни в романских криптах, ни у* ***Ноткера Немецкого***, *ни у* ***Оттона III***, *ни у* ***Майстера Экхарта***, *ни у* ***Кретьена де Труа*** *и ни в магических заклинаниях.*
Bei ***Hamsun***, *bei* ***Baalschem***, *bei* ***Hölderlin***, ***Novalis***, ***Dante***, *bei den Utas, im Sanskrit, bei* ***De Coster***, *bei* ***Gogol***, *bei* ***Flaubert***, *bei der Mystik des Mittelalters, in den Briefen* ***van Goghs***, *in* ***Achim von Arnim***.	*Экспрессионизм был и у* ***Гамсуна***, *у* ***Баал Шема***, *у* ***Гёльдерлина***, *у* ***Новалиса***, *у* ***Данте***, *у юто-ацтеков, в санскрите, у* ***Де Костера***, *у* ***Гоголя***, *у* ***Флобера***, *в музыке Средневековья, в письмах* ***Ван Гога***, *у* ***Ахима фон Арнима***.
Bei dem Flamen ***Demolder***, *bei* ***Goethe***, *manchmal bei* ***Heinse***. *Im serbischen Volkslied, bei* ***Rabelais***, *bei* ***Georg Büchner***, *bei* ***Bocaccе***.	*У фламандца* ***Демольдера***, *у* ***Гёте***, *зачастую и у* ***Гейнзе***. *В сербских народных песнях, у* ***Рабле***, *у* ***Георга Бюхнера***, *у* ***Бокаччо***.

В предисловии к сборнику Пинтус часто употребляет искусствоведческие и литературные термины. К литературным терминам, которые обозначали определенные эпохи в искусстве Германии, подбирались их устоявшиеся эквиваленты на русском языке:

Empfindsamkeit	*сентиментализм*
Sturm und Drang	*«буря и натиск»*
junges Deutschland	*«Молодая Германия»*

В предисловии Пинтуса встречается термин, к которому довольно сложно найти один устоявшийся вариант перевода: *Butzenscheibenpoesie* (Pinthus 1996: 27). Были найдены такие варианты, как «поэзия “серо-зеленых окон”», или «поэзия “бутценшайбен”», или «слащавая эпигонская лирика в Германии 19 в». *Die Butzenscheibendichtung*, или *die Butzenscheibenlyrik*, или *Butzenscheibenpoesie* — уничижительное обозначение сентиментальной поэзии в немецкой литературе второй половины XIX века. В стихотворениях и балладах авторов этого литературного направления прослеживались темы эпохи миннезанга, псевдосредневековые мотивы и национальные героические черты рыцарской культуры. *Die Butzenscheibe* в переводе с немецкого на русский язык означает разновидность оконного стекла — лунное стекло. Эта разновидность оконного

стекла получила широкое распространение в странах Западной Европы с XIV по XIX век. Окна из этого стекла стали характерной чертой средневековых и ренессансных интерьеров дворцов и рыцарских замков. В целях сохранения образности этого литературного термина наиболее правильным представляется вариант перевода «поэзия “серо-зеленых окон”».

Оба автора также упоминают определенные искусствоведческие реалии и концепции:

das L'art pour l'art-Prinzip	*концепция «искусство ради искусства»*
der Totentanz	*пляска смерти*
das Kunst-à-tout-prix	*искусство любой ценой*

Сравнивая поэтов-экспрессионистов с музыкантами оркестра, а поэзию экспрессионизма с симфонией, Пинтус использует большое количество терминов, обозначающих темп в музыке:

Fortissimo	*фортиссимо*
Dolce	*дольче*
Andante	*анданте*
Moderato	*модерато*
Maestoso	*маэстозо*

Наибольший интерес для методики «пристального чтения» (Минералов 1999: 132) представляют авторские неологизмы. Одними из таких неологизмов в предисловии Пинтуса являются слова *varietéhaft* и *menschendurchtobt*, в эссе Эдшмида — *Decadancerummel*, *Zikadenkampf*.

При переводе слова *varietéhaft* важно провести его морфологический анализ и выделить корень — французское слово *varieté* — и суффикс *-haft*. Слово *varieté* обозначает эстрадный театр легкого жанра. А при помощи суффикса *-haft* образуются прилагательные со значением обладания, к примеру прилагательные *vorteilhaft* (рус. «выгодный, преимущественный», дословно — «имеющий преимущства») и *krankhaft* (рус. «болезненный», дословно — «имеющий болезнь») (Нелюбин 2003). В абзаце, в котором было употреблено это слово, рассказывается о творчестве поэтов-экспрессионистов. Само же слово употребляется для обозначения творчества поэта Якоба ван Ходдиса.

Und versuchte zunächst, mit ironischer Überlegenheit sich der Umwelt	*Кто-то, вооружившись чувством иронического превосходства, пы-*

zu erwehren, ihre Erscheinungen grotesk durcheinander zu würfeln, leicht durch das schwerflüssige Labyrinth hindurchzuschweben (Lichtenstein, Blaß) — oder mit ***varietehaften Zynismus*** *ins Visionäre zu steigern (van Hoddis).*	*тался с его помощью защититься от внешнего мира, в причудливой форме изображая его проявления и играя ими словно игральными кубиками, тем самым легко находя себе путь через самые труднопроходимые лабиринты (Лихтенштейн, Бласс) — а кто-то с* ***цинизмом стихов стиля «варьете»*** *метил в пророки (ван Ходдис).*

Прилагательное *varietéhaft* служит определением к слову *Zynismus*, дополняет его значение. Можно предположить, что автор с помощью слова описывает стихи Якоба ван Ходдиса и отмечает их «варьетешный» характер. При переводе также нельзя было упустить тот факт, что у Я. ван Ходдиса есть стихотворение с названием «Варьете» (нем. *Varieté*), думается, что автор сознательно допустил эту аналогию, и поэтому вполне уместно сохранить ее в тексте перевода.

Для установления значения неологизма *menschendurchtobt* следует обратиться к одноязычному словарю. Используя словарное значение глагола *durchtoben* — «потрясти до глубины души, взбудоражить», — можно найти подходящий эквивалент к этому авторскому неологизму.

Aber als ich inmitten der ***menschendurchtobten*** *Stadt noch einmal die Hunderte von Gedichtbänden durchsah, konnte ich schließlich fast mit automatischer Sicherheit die für diese Generation wesentlichen Dichter vereinigen <…>.*	*Но понаблюдав за жизнью этого* ***взбаламученного людьми*** *города и еще раз просмотрев сотни самых различных сборников стихов, я, наконец, смог с почти доведенной до автоматизма уверенностью собрать значимых авторов этого поколения в одну книгу <…>.*

Авторскими неологизмами Эдшмида являются композиты *Decadancerummel* и *Zikadenkampf*. При переводе слова *Décadencerummel* важен его морфологический анализ и выделение двух корней: *Décadence* — французское слово, обозначающее направление в искусстве — декаданс, и немецкое слово *Rummel*, относящееся к разговорному стилю и обозначающее шумную активную деятельность. Данная композита является детерминативной, так как её последний компонент является основным, а предыдущий компонент уточняет его (Олейник 2020: 94).

Учитывая структуру предложения, представляется возможным перевести композиту с помощью словосочетания «прилагательное + существительное» — «декадентская шумиха». При переводе композиты *Zikadenkampf* большую роль сыграл контекст:

Der Naturalismus war eine Schlacht, die wenig Sinn für sich hat, aber er gab Besinnung. <…> *Er warf auch menschliche Fragen auf und brachte das Eigentliche damit näher. Er mischte sich mit Sozialem eng: schrie ... Hunger, Huren, Seuche, Arbeiter. Doch ohne Ahnung seiner Grenzen focht er nicht nur gegen die Form der Zeitlichkeit, er hatte schöpferische Ambition. Er glaubte ohne Geist sein zu können, begann* ***den Zikadenkampf gegen Gott****.*	*Натурализм вел бессмысленную борьбу, но давал пищу для размышлений.* *Натурализм начал задавать простые человеческие вопросы, тем самым приближаясь к истине. Он обращал внимание на социальную среду человека, крича во весь голос: голод, проституция, болезни, рабочие. Не имея представления о границах возможного, он не только боролся со своей недолговечностью, а еще и стремился творить. Он верил, что может существовать без духа. Он затеял* ***борьбу букашки с Богом****.*

Рассказывая читателю о натурализме, Эдшмид подчеркивает, что главной заслугой этого направления в искусстве является то, что он смог запечатлеть социальную среду человека в творчестве. По его мнению, писатели-натуралисты смогли перенести на бумагу то, что их окружает, смогли рассказать о простых человеческих судьбах и проблемах. Тем не менее Эдшмид считает, что этого было недостаточно, чтобы приблизиться к истине и передать суть всех этих явлений. Писатель сравнивает творческую деятельность натурализма как направления в искусстве с борьбой цикады (*Zikade*) с Богом. При переводе композиты следует сохранить сравнение автора, но обобщить значение слова *Zikade*, используя в переводе слово «букашка». Таким образом, можно предположить, что словообразование в текстах экспрессионистов, подобно ритму и синтаксису, разрушает традиционные связи (Ришар 2003: 25), заставляя их работать на выделение слова, обнажение его первоначального смысла, или открывает новый, прежде скрытый, выполняя при этом предельную семантическую нагрузку.

В предисловии Пинтуса «Прежде всего» также встретилось словосочетание, которое хотелось бы рассмотреть более детально. При переводе

словосочетания *ahnende Augen* (значение — «вещие глаза») невольно возникает ассоциация с похожим по значению словосочетанием из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» — «вещие зеницы». В абзаце предисловия речь идет о том, что глаза поэтов-визионеров издалека видели приближающуюся катастрофу начала XX века (Пестова 2004а: 54). В стихотворении А. С. Пушкина этим словосочетанием описывались глаза поэта, которого Серафим наделил способностью видеть то, что скрыто от простых глаз. Слово «зеницы» также придает словосочетанию более возвышенную коннотацию.

Далее, говоря о рецепции текстов на уровне грамматики, следует отметить, что значение грамматических структур для понимания художественных текстов сделали очевидным исследования Р. Якобсона. Идею синтаксической выразительности выдвинул и проиллюстрировал на примерах стихов А. С. Пушкина В. В. Виноградов. Ю. И. Минералов отмечает способность синтаксиса «<…> стягивать своеобразной петлей, превращая в окказиональную смысловую целостность, обширные текстовые фрагменты <…>» (Минералов 1999: 108). На синтаксическом уровне организации текстов Пинтуса и Эдшмида важно отметить нюансы при переводе сложноподчиненных предложений и предложений с однородными членами. Для того чтобы перевести сложное предложение, очень важно четко понимать его структуру. При переводе некоторых сложноподчиненных предложений использовался способ членения и деления на несколько предикативных структур:

Die Kunst *einer Zeit ist nicht Verursacher des Geschehens <…>, sondern* ***sie*** *ist voranzeigendes Symptom, geistige Blüte aus demselben Humus wie das spätere reale Geschehen, —* ***sie*** *ist bereits selbst Zeit-Ereignis.*	***Искусство*** *определенного времени не является первопричиной происходящих в нем событий <…>, а совсем наоборот — симптомом их предвещающим.* ***Искусство*** *— это цветок, растущий на той же земле.* ***Оно*** *само по себе является событием того времени.*
So *ist allerdings diese Dichtung, wie manche ihrer Programmatiker forderten <…>: politische Dichtung, denn ihr Thema ist der Zustand der gleichzeitig lebenden Menschheit, den sie beklagt, verflucht, verhöhnt, vernichtet,* ***während*** *sie zugleich in furchtbarem Ausbruch die Möglichkeiten zu-*	***Именно*** *такой и была поэзия того времени, такой ее хотели видеть многие идеологи этого литературного направления <…>: политической, ведь главной темой ее произведений было состояние живших в то время людей; людей, которых эта поэзия высмеивала, обвиняла,*

künftiger Änderung sucht.	*проклинала и уничтожала.* ***Но*** *в то же время в страстном порыве она искала возможности для их будущего изменения.*
Versuchte *man Kosmisches, ward es nicht erreicht, blieb im Lallen,* ***gab*** *man Natur, ward es Ausschnitt,* ***gab*** *man Leben, war es Sekunde,* ***gab*** *man Tod, war es nur das Erlöschen, nicht das ungeheure nie endende Geschehen des tragischen Hingangs.*	***Когда*** *они пытались познать космическое, они не могли его постигнуть, оно оставалось для них непонятным.* ***Когда*** *они обращались к природе — они ухватывали лишь отрывки.* ***К жизни*** *— лишь секунды.* ***К смерти*** *— лишь моменты затухания, они не могли передать чудовищное, не имеющее конца, трагическое погружение в тьму.*

В тексте предисловия Пинтуса также встречается большое количество предложений, осложненных однородными членами, будь то однородные подлежащие, сказуемые или дополнения. При переводе некоторых из них не требовались никакие дополнительные переводческие трансформации. Во многих других случаях перестраивалась синтаксическая структура предложений с сохранением темо-рематической структуры предложения:

Ausgeschieden werden mußten auch alle die, deren Dichtung ***Kunstgewerbe des Worts, Ornament der Anschauung, gereimte Historie*** *ist, <…>.*	*Пришлось также убрать из списка всех авторов, чьи стихи* ***служили*** *в качестве словесного прикладного искусства,* ***были украшением*** *их собственных убеждений или* ***представляли собой*** *рифмованную хронику исторических событий <…>.*
Keine *mechanische, historische* ***Folge ward angestrebt,*** *sondern dynamisches, motivisches Zusammenklingen: Symphonie!*	***Были приложены*** *все усилия для того,* ***чтобы уйти от*** *механической хронологической* ***последовательности и добиться*** *живой мелодичной гармонии звуков — симфонии!*

В эссе Эдшмида также присутствует большое количество предложений с однородными членами. Во многих случаях, как продемонстрировано в примерах, приходилось менять структуру предложения, чтобы добиться адекватного коммуникативно-равноценного перевода (Барышев, Сдобни-

ков 2020). В первом примере представляется возможным поменять тип предложения на сложносочиненное, во втором — изменить часть речи, в третьем — изменить построение предложения.

Nackte Zähne der Zeit ***klafften*** *und* ***zeigten*** *Hunger.*	***Время оскалило*** *свою зияющую пасть, и в его глазах* ***читался голод****.*
Vor allem gab es gegen ***das Atomische, Verstückte*** *der Impressionisten nun ein großes, umspannendes Weltgefühl.*	*В противовес* ***раздробленной и фрагментарной картине мира*** *импрессионистов теперь возникло огромное, всеобъемлющее чувство мироздания.*
In ihm stand ***die Erde, das Dasein*** *als eine große Vision. Es gab* ***Gefühle*** *darin und* ***Menschen****.*	***Земля****, все* ***бытие*** *представало в этом чувстве как величественное видение. Видение, охватывавшее* ***людей*** *и их* ***чувства****.*

Следует отметить, что специфичность языка экспрессионистских авторов в целом является характерной для мирового литературного процесса начала XX века (Андреев, Карельский, Павлова 1996). Так, в частности, в монографии «Очерки истории языка русской поэзии» звучит мысль о том, что особенности художественного познания мира, получившие распространение в литературе XX века, «привели к росту неопределенности художественного образа, затруднившему, в частности, синтаксический строй текста» (Гаспаров, Дозорец 1993: 11). Затрудненность эта рождается из-за появления нестандартных форм, трансформации синтаксических структур, снижения синтаксической связности. В эссе Эдшмида часто встречаются неполные предложения. В процессе перевода в большинстве случаев удавалось сохранить строй немецкого предложения:

Nur so verschwindet das gorgonische Haupt der Bewegung, das die Zeit umspielt, und wir greifen ihr ins Herz. ***Mit einem einzigen Griff****.*	*Только так мы скрываемся от взгляда горгоны — глаз движения, заигрывающего со временем, — и поражаем ее в самое сердце.* ***Одним единственным взмахом****.*
Bei uns ist vieles noch Zuckung sich gestaltender völkischer Mentalität. ***Vieles noch stürzendes Chaos, noch nicht starke tragfähige Ebene****.*	*В нашей стране прослеживаются лишь судорожные попытки развить национальный менталитет.* ***Вокруг — лишь беспорядочный хаос, а не крепкая плодородная почва****.*

Aus Kulisse und Joch überlieferten verfälschten Gefühls tritt nichts als der Mensch. ***Keine blonde Bestie, kein ruchloser Primitiver, sondern der einfache, schlichte Mensch****.*	*За кулисами и под ярмом унаследованной поддельной традиции чувства находится не кто иной, как человек.* ***Не белокурая бестия или примитивный грубиян, а всего лишь простой и безыскусный человек.***

Однако во многих других случаях было принято решение дополнить предложения, чтобы облегчить читателю восприятие текста:

Aus Schminke, Fassade und Feigenblatt brach schamlos die Tatsache. ***Nichts vom Wesen eines Dings****.*	*Сквозь грим, фасад и фиговые листья пробилась нагая истина.* ***Ничего не было сказано о сути вещей.***
Aber mit grandioser Wucht*. Lauter Dinge, belanglos für das Kunstwerk in seiner letzten Form, aber Anstöße, Kampf.*	*Копировались простые предметы действительности, не имеющие никакого отношения к произведениям искусства.* ***Но с невероятной силой наносились*** *эти первые удары, началась война за истину.*
Aber nur die Unproduktiven eilen mit Theorie der Sache voraus. Eintreten für sein Ding ist eine Kühnheit und eine Sache voll Anstand. ***Sich für das Einzige erklären, Frage des borniertен Hirns****.*	*Но только самые недальновидные авторы торопятся первыми описать теорию возникающего направления. Выступать в защиту чего-то — это признак смелости и порядочности,* ***объявлять себя сторонником чего-то — это признак ограниченности и упрямства****.*

Рассуждая о феномене экспрессионизма, Пинтус не только упоминает поэтов того времени и рассказывает о характере их творчества, но и приводит нам в качестве примера фрагменты их текстов. При составлении текста перевода некоторые строки были взяты из переводов В. Л. Топорова (Топоров, Славинская 1990):

„Fremde sind wir auf der Erde alle“ ***Franz Werfel***	*«Мы чужие все на этом свете»* ***Франц Верфель***
„Keiner dir fremd, / Ein jeder dir nah und Bruder“ ***Johannes Robert Becher***	*«Нет тебе дальних и чуждых — // Всяк ближний, все братья»* ***Иоганнес Роберт Бехер***

Строки из произведений, которые не были переведены В. Л. Топоровым, были переведены самостоятельно. При переводе этих строк были сделаны акценты на их значении в контексте определенного абзаца (Топоров, Славинская 1990):

„Und keine Brücke ist von Mensch zu Mensch“ ***Walter Calé***	*«И нет моста от человека к человеку»* ***Вальтер Кале***
„Wir kommen uns so nahe, wie sich nur Engel kommen können“ ***Wilhelm Klemm***	*«Мы подходим друг к другу так близко, как могут только ангелы»* ***Вильгельм Клемм***
„Ich fühle, / endelos, / daß ich nicht einsam bin ... so nahe bist Du, / Bruder Mensch“ *„Doch das Lächeln schlägt Bogen von mir zu Dir / . . . wir schenken einander das Ich und das Du — / ewig eint uns das Wort: / MENSCH“* ***Kurt Heynicke***	*«Я чувствую // всечасно, // что я не одинок, // так близок ты мне, // брат мой, человек»* *«Но улыбкой протянут мост от меня к тебе, // мы дарим друг другу друг друга. // Навсегда едины мы словом: // ЧЕЛОВЕК»* ***Курт Гейнике***

Жанр эссе, в котором написаны оба текста, находится на пересечении функциональных стилей, что позволяет заключить, что в них могут присутствовать особенности других стилей. Анафора, парцелляция, эпитет — художественные приемы, применяемые в обоих текстах, обогащают их выразительные возможности и помогают лучше воздействовать на читателя (Волгина 2018). В этой связи хотелось бы отметить подчеркнутую выразительность, повышенную аффективную функцию слов, которую в известном смысле можно возвести в поэтический прием. Для того чтобы предложить коммуникативно-равноценный вариант перевода, важно сохранить анафоры в языке перевода. В предисловии Пинтуса ярче всего проявляет себя синтаксическая анафора, при которой повторяются одинаковые или однотипные синтаксические конструкции.

Benn höhnte *die faulende Abgebrauchtheit des Kadavermenschen* ***und pries*** *die ungebrochenen Ur-Instinkte;* ***Stramm löste*** *seine Leidenschaft vom Trugbild der Erscheinungen und Assoziationen* ***los und ballte*** *reines Gefühl zu donnernden Ein-*	***Бенн глумился*** *над изношенным обликом догнивающего человечества* ***и восхвалял*** *стойкость первобытных инстинктов;* ***Штрамм отделил*** *свою страсть от миражей явлений и ассоциаций* ***и уместил*** *всю сущность чувств в резкие и лако-*

Worten, gewitternden Einschlägen.	*ничные высказывания, поражавшие сознание, словно удары молнии.*
***Man horche** in die Dichtung unserer Zeit… , **man horche** quer **durch**, **man blicke** rund **herum**, … nicht vertikal, nicht nacheinander, sondern horizontal; **man scheide nicht** das Aufeinanderfolgende **auseinander**, sondern man höre zusammen, zugleich, simultan. **Man höre** den Zusammenklang dichtender Stimmen: **man höre** symphonisch.*	***Следует вслушаться** в поэзию нашего времени …, **следует прослушать** ее **полностью** и **посмотреть** на нее со всех сторон …, **посмотреть** не «вертикально», не читая стихи один за другим, а «горизонтально»; **не нужно** разбивать последовательность на составные части, **нужно рассмотреть** ее в совокупности, одновременно, синхронно. **Следует прочувствовать** созвучие поэтических голосов, **услышать** их симфонию.*

Эдшмид также использует в своем эссе прием анафоры — как синтаксической, так и лексической. Лексическая анафора предполагает повторение одинаковых слов в начале строки:

Синтаксическая анафора	***Der Kranke ist nicht** nur der Krüppel, <…>.* ***Ein Haus ist nicht** mehr Gegenstand <…>.* ***Eine Hure ist nicht** mehr ein Gegenstand, <…>*	***Больной — это не просто** страдающий калека <…>.* ***Дом — это не только** предмет <…>.* ***Проститутка — это теперь не** просто существо <…>.*
	***Versuchte man** Kosmisches, **ward es** nicht erreicht, **blieb** im Lallen, **gab man** Natur, **ward es** Ausschnitt, <…>.*	***Когда они пытались** познать космическое, **они не могли** его постигнуть, оно оставалось для них непонятным. **Когда они обращались** к природе — **они ухватывали** лишь отрывки <…>.*
Лексическая анафора	***Sie gaben nicht mehr** die leichte Erregung. **Sie gaben nicht mehr** die*	***Они больше не** предлагали легкого возбуждения чувств. **Они боль-***

	nackte Tatsache.	***ше не*** *излагали голые факты.*
	Weil sie *intuitiv ist.* ***Weil sie*** *elementar nur findend, willig, aber stolz sich den großen Wundern des Daseins hingebend, frische Kraft hat zum Handeln und zum Leiden*	***Позитивно, потому что*** *интуитивно.* ***Позитивно, потому что*** *оно, с простотой и готовностью, гордо отдавая себя великим чудесам существования, находит в себе свежие силы к действию и к страданию.*

Авторы также часто прибегают к приёму парцелляции. Парцелляция как художественное средство предполагает членение предложения, при котором высказывание воплощается не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах или фразах, идущих одна за другой (Брандес, Провоторов 2001: 131).

Voranzeigend kündete sie kommendes Geschehen …, // die Schwingungen der Gemeinschaftsgefühle … // das Auf, Ab und Empor des Denkens und Sehnens.	*Ей раньше всех удавалось заявить о грядущих событиях …, // о малейших колебаниях общественной солидарности … // о взлетах, падениях и подъёмах мышления и надежды.*
Diese Dichter fühlten zeitig, wie der Mensch in die Dämmerung versank... //, sank in die Nacht des Untergangs …, // um wieder aufzutauchen in die sich klärende Dämmerung neuen Tags.	*Поэты того поколения вовремя почувствовали, как человечество утонуло в вечерней тьме …, // погрузилось в ночь, несущую погибель …, // чтобы снова вынырнуть в предрассветных сумерках нового дня.*
Sie ist kein Programm des Stils. // Sie ist eine Frage der Seele. // Ein Ding der Menschheit.	*Он не программа стиля. // Он вопрос души. // Вопрос всего человечества.*
Aber sie leiten über. // Da stehen die Heutigen. // Da steht eine ganze Generation. // Die Generation Europas.	*Но они привели нас вперед. // Туда, где стоим сейчас мы сегодняшние. // Целое поколение. Поколение Европы.*
Das Wichtige gibt die Idee: // nicht	*Важна сама идея: // не мыслитель,*

mehr ein Denkender, // nein //: das Denken. // Nicht zwei Umschlungene: // nein, // die Umarmung selbst.	*// нет, // мышление. // Не два обнявшихся человека, // нет, // само объятие.*

Следует сказать об использовании в текстах эпитетов, которые дают дополнительную, художественную характеристику какому-либо понятию. Наделяя слова необычными свойствами, эпитеты помогают авторам создать более яркий и выразительный художественный мир экспрессионизма, активно вовлекая читателя в сотворение смысла:

die aufschwebende Sehnsucht der Violinen	*душевное томление парящих скрипок*
das ironische Staccato der Klarinetten	*насмешливое стаккато кларнетов*
verdammte Jugend	*проклятая юность*
verhasste Gesellschaft	*ненавистное общество*
stürzendes Chaos	*беспорядочный хаос*
zerrissenere Kunstwerke	*более рваные произведения искусства*
das strenge Gesetz	*строгий завет*
unsterbliche Schönheit	*бессмертная красота*

Таким образом, перечисленные приемы, особенно в совокупности, порождают необычайную смысловую наполненность и энергию при известной сжатости и контекстуальной многозначности, которые делают язык экспрессионистов особенно сложным для интерпретации и тем более для перевода на другой язык. Перевод, являясь важным аспектом рецепции, обычно предполагает механизм «воссоздания» (Зинченко, Зусман, Кирнозе 1998: 78). Сравнительный анализ оригинальных авторских текстов и их перевода демонстрирует, что на практике «воссоздание» и «пересоздание» взаимосвязаны друг с другом, поскольку в процессе перевода оригинал оказывается преломленным в зеркале национальной литературной традиции. Неизбежному редактированию переводчик подвергает и морфологию, и синтаксис, и художественные приемы, и жанр.

4. Выводы

В проведённом исследовании предпринимается попытка проведения комплексного междисциплинарного анализа программных текстов-манифестов К. Пинтуса и К. Эдшмида по теории экспрессионизма и создания коммуникативно-равноценных текстов на принимающем (русском) языке. Для того чтобы добиться этого результата, необходимо сохранить

функциональную, содержательную и структурную составляющие представленных текстов. Основная задача переводчика художественного текста состоит в том, чтобы проникнуть в суть «ключевых слов» национальной культуры оригинала и суметь донести смысл, сохранив, с одной стороны, художественный колорит, а с другой стороны, сделав восприятие перевода доступным для носителей иной национальной культуры. Для того чтобы понять, в каких именно точках вероятнее всего может происходить «культурный сбой», возникающий в процессе рецепции инокультурных текстов, необходимо выделить те опорные узлы («острия смысла»), которые особенно концентрированно вобрали в себя отличительные признаки авторского идиостиля.

Список литературы / References

Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2006. [Alekseeva, Irina S. (2006) *Vvedenie v perevodovedenie* (Introduction to Translation studies) Moscow: Izd. tsentr “Akademiya”. (In Russian)].

Балаганов Д. В. Принципы построения когнитивно-динамической модели синхронного перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 1 (49). С. 37–51. [Balaganov, Dmitrij V. (2020) Printsipy postroeniya kognitivno-dinamicheskoi modeli sinkhronnogo perevoda (Principles of Constructing a Cognitive-dynamic Model of Simultaneous Translation). *LUNN Bulletin*, 1 (49), 37–51. (In Russian)].

Барышев Н. В., Сдобников В. В. Культурный код в аспекте переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 18–31. [Baryshev, Nikolaj V., Sdobnikov, Vadim V. (2020) Kul’turnyi kod v aspekte perevodcheskoi deyatel’nosti (Cultural Code in the Aspect of Translation Activity). *LUNN Bulletin*, Special Issue, 18–31. (In Russian)].

Белошицкая Е. А. Зависимость способа передачи современных и исторических реалий от времени осуществления перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 4 (52). С. 9–19. [Beloshitskaya, Elena A. (2020) Zavisimost’ sposoba peredachi sovremennykh i istoricheskikh realii ot vremeni osushchestvleniya perevoda (Correlation between the Time of Translation and Translation Strategies for Modern and Historical Realia). *LUNN Bulletin*, 4 (52), 9–19. (In Russian)].

Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. [Brandes, Margarita P., Provotorov, Valerij I. (2001) *Predperevodcheskii analiz teksta (dlya institutov i fakul’tetov inostrannykh yazykov): Ucheb. posopie. 3-e izd. stereotip.* (Pretranslation Text Analysis (for Institutes and Faculties of Foreign Languages): a Coursebook. 3rd ed., stereotype). Moscow: NVI-TEZAURUS. (In Russian)].

Волгина А. С. Локализация художественного текста в ситуации внутриязыкового перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического универси-

тета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 41. С. 11–20. [Volgina, Arina S. (2018) Lokalizatsiya khudozhestvennogo teksta v situatsii vnutriyazykovogo perevoda (Localization of Literary Text in the Situation of Intralingual Translation). *LUNN Bulletin*, 41, 11–20. (In Russian)].

Гаспаров М. Л., Дозорец Ж. А. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. М.: Наука, 1993. [Gasparov, Mikhail L., Dozorets, Zhanna A. (1993) *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* (Outline of History of Russian Poetry Language of XX Century. Grammar Categories. Syntax of a Text). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Глушак Т. С. Функциональная стилистика немецкого языка. Учеб. пособие для факультетов и институтов иностранных языков. Минск: Выш. школа, 1981. [Glushak, Tatjana S. (1981) *Funktsional'naya stilistika nemetskogo yazyka. Ucheb. posobie dlya fakul'tetov i institutov inostrannykh yazykov* (Functional Stylistics of the German Language. Textbook for Faculties and Institutes of Foreign Languages). Minsk: Vysh. shkola. (In Russian)].

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. [Zherebilo, Tatjana V. (2016) *Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatii. Izd. 6-e, ispr. i dop.* (Dictionary of Linguistic Terms and Concepts. 6th ed., revised and expanded). Nazran': Piligrim. (In Russian)].

Зарубежная литература XX века: Учебник: Для вузов по направлению и специальности «Филология» / Л. Г. Андреев, А. В. Карельский, Н. С. Павлова и др.; Под ред. Л. Г. Андреева. М.: Высшая школа, 1996. [Andreev, Leonid G. (ed.) (1996*) Zarubezhnaya literatura XX veka: Uchebnik: Dlya vuzov po napravleniyu i spetsial'nosti "Filologiya"* (Foreign Literature of the XX Century: Textbook: For Universities of the Training Programme and Specialty "Philology") / Andreev, Leonid G., Karel'skii, Albert V., Pavlova, Nina S. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)]

Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Система «литература» и методы ее изучения. Н. Новгород: НГЛУ, 1998. [Zinchenko, Viktor G., Zusman, Valerij G., Kirnoze, Zoja I. (1998) *Sistema «literatura» i metody ee izucheniya* (System "Literature" and Methods of Its Study). Nizhny Novgorod: NGLU. (In Russian)].

Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). М.: ВЛАДОС, 1999. [Mineralov, Yurij I. (1999) *Teoriya khudozhestvennoi slovesnosti (poetika i individual'nost')* (Theory of Artistic Literature (Poetics and Individuality)). Moscow: VLADOS. (In Russian)].

Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. [Nelyubin, Lev L. (2003) *Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'. 3-e izd., pererab.* (Explanatory Dictionary of Translation Studies. 3rd ed., revised.). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].

Олейник О. В. Слова-композиты в немецкой прессе // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 7 (97). С. 92–95. [Oleinik, Olga V. (2020) Slova-kompozity v nemetskoi presse (Composite Words in the German Press). *International Scientific Research Journal*, 7 (97), 92–95. (In Russian)].

Пестова Н. В. Лирика немецкого экспрессионизма: Профили чужести. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1999. [Pestova, Natalia V. (1999) *Lirika nemetskogo ekspressionizma: Profili chuzhesti* (The Lyrics of German Expressionism: Profiles of Foreignness). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russian)].

Пестова Н. В. Немецкий литературный экспрессионизм: Учебное пособие по зарубежной литературе: первая четверть XX века. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2004а. [Pestova, Natalia V. (2004a) *Nemetskii literaturnyi ekspressionizm: Uchebnoe posobie po zarubezhnoi literature: pervaya chetvert' XX veka* (German Literary Expressionism: a Textbook on Foreign Literature: the First Quarter of XX Century). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russian)].

Пестова Н. В. Немецкоязычный экспрессионизм в освещении российской германистики // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2004б. Т. 1. С. 163–175. [Pestova, Natalia V. (2004b) Nemetskoyazychnyi ekspressionizm v osveshchenii rossiiskoi germanistiki (German-speaking Expressionism in the Coverage of Russian Germanistics). *Germanic Philology in Russia. Yearbook of the Russian Union of Germanists*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, Vol. 1, 163–175. (In Russian)].

Пестова Н. В. Случайный гость из готики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. [Pestova, Natalia V. (2009) *Sluchainyi gost' iz gotiki: russkii, avstriiskii i nemetskii ekspressionizm* (A Random Guest from the Gothic: Russian, Austrian and German Expressionism). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russian)].

Пестова Н. В. Экспрессионизм // История литературы Германии XX века. Т. I: 1880–1945. Кн. 1: Литература Германии между 1880 и 1918 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 538–555. [Pestova, Natalia V. (2016) Ekspressionizm (Expressionism). *Istoriya literatury Germanii XX veka.* T. I: 1880–1945. *Book. 1: Literatura Germanii mezhdu 1880 i 1918 gg.* (History of Literature of Germany of XX Century. Vol. I. 1880–1945. Book 1: Literature of Germany from 1880 to 1918). Moscow: IMLI RAN, 538–555. (In Russian)].

Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма. М.: Республика, 2003. [Rishar, Lionel. (2003) *Entsiklopediya ekspressionizma* (Encyclopedia of Expressionism). M.: Respublika. (In Russian)].

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. [Rozental' Ditmar E., Telenkova, Margarita A. (1976) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlya uchitelei. 2-e izd., ispr. i dop.* (Dictionary-Handbook of Linguistic Terms: a Manual for Teachers. 2nd ed., revised and expanded). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].

Сакулина Е. А. Художественный мир Г. Тракля. Принцип музыкальности: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. [Sakulina, Elena A. (2009) *Khudozhestvennyi mir G. Traklya. Printsip muzykal'nosti* (The Artistic World of G. Trakl. The Principle of Musicality:): Extended Abstract of PhD Thesis (in Philology). Nizhny Novgorod. (In Russian)].

Сумерки человечества: Лирика немецкого экспрессионизма: пер. с нем. / Георг Гейм, Г. Тракль, Эльза Ласкер-Шюлер, А. Штрамм, Готфрид Бенн, А. Эренштейн, Людвиг Рубинер, В. Клемм, Франц Верфель, Я. В. Годдис, Г. Арп, И. Голль, В. Газенклевер, Иоганнес Р. Бехер, Бертольд Брехт; сост. В. Л. Топоров, А. К. Славинская; вступ. ст. В. Л. Топоров. М.: Московский рабочий, 1990. [*Sumerki chelovechestva: Lirika nemetskogo ekspressionizma: per. s nem. / Georg Geim, G. Trakl', El'za Lasker-Shyuler, A. Shtramm, Gotfrid Benn, A. Erenshtein, Lyudvig Rubiner, V. Klemm, Frants Verfel', Ya.V. Goddis, G. Arp, I. Goll', V. Ga-*

zenklever, Iogannes R. Bekher, Bertol'd Brekht; sost. V. L. Toporov, A. K. Slavinskaya; vstup. st. V. L. Toporov (Toporov, Viktor L., Slavinskaya, Antonina K. (eds.) (1990) Twilight of Humanity: the Lyrics of German Expressionism: trans. from German / Georg Heym, Georg Trakl, Else Lasker-Schüler, August Stramm, Gottfried Benn, Albert Ehrenstein, Ludwig Rubiner, William Klemm, Franz Werfel, Jakob van Hoddis, Hans Arp, Yvan Goll, Walter Hasenclever, Johannes R. Becher, Bertolt Brecht; introduction by Toporov, Viktor L.). M.: Moskovskii rabochii. (In Russian)].

Klettenhammer, Sieglinde. (1990) G*eorg Trakl in Zeitungen und Zeitschriften seiner Zeit. Kontext und Rezeption*. Innsbruck: Institut für Germanistik. (In German)

Otto, F. Best. (1976) Theorie des Expressionismus. Stuttgart: Reclam, 1976. (In German)

Pinthus, Kurt. (1996) Zuvor // *Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus*. Mit Biographien und Bibliographien neu hrsg. von K. Pinthus. Hamburg: Rowohlt, 1996. S. 22–31. (In German)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.4:811
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-111-126

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ГЛАГОЛ» КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ-МАГИСТРАНТАМ

З. И. Годизова[1], Д. В. Габисова[2]

[1]Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
[2]Владикавказский институт управления, Владикавказ, Россия

Целью проведенного исследования является сравнение эффективности разных форм организации учебного процесса в практике преподавания русского языка как иностранного (на примере анализа конкретной темы из курса «Русский глагол», преподаваемого китайским студентам-магистрантам 2-го года обучения). В ходе исследования применялись методы наблюдения, описания, трансформации, анкетирования, сопоставительного анализа. В качестве материала были использованы выдержки из неадаптированных произведений русских писателей, выбранные из Национального корпуса русского языка. В результате исследования было выявлено, что процесс обучения иностранным языкам претерпевает существенные изменения, это находит отражение в изменении форм обучения, способах подачи и структурирования материала, формах контроля и взаимодействия преподавателя и студента. Были выявлены преимущества дистанционной формы обучения и проиллюстрированы на примере преподавания одной конкретной темы «Частные видовые значения. Конкуренция видов». Особое внимание было уделено разграничению понятий «дистанционное обучение» и «электронное обучение», первое является формой обучения, второе — средством обучения. Все перечисленные средства обучения могут использоваться и при проведении контактных занятий со студентами, имеющих значительные преимущества перед онлайн-обучением, что было подтверждено и результатами проведенного анкетирования студентов. Обучение русскому языку как иностранному целесообразнее проводить в смешанном формате, то есть в непосредственном контакте со студентами и с использованием всех современных информационно-цифровых ресурсов и технологий (презентаций, электронных версий учебников, виртуальной образовательной среды, всех предоставляемых интернетом возможностей). Результаты проведенного исследования имеют теоретическое значение,

так как обобщают положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения, позволяют более четко дифференцировать формы и средства обучения. Вместе с тем исследование имеет и практическое значение, так как показывает на примере преподавания конкретной грамматической темы, как используются преимущества современных информационно-образовательных технологий, электронных ресурсов в практике РКИ.
Ключевые слова: дистанционное обучение; электронное обучение; информационно-цифровые технологии; виртуальная образовательная среда; методика преподавания РКИ; грамматическая категория вида.
Цитирование: Годизова З. И., Габисова Д. В. Эффективность использования разных форм организации учебного процесса в практике преподавания дисциплины «Русский глагол» китайским студентам-магистрантам // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 111–126. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-111-126.

Effectiveness of Various Forms of Organizing the Educational Process in Teaching the Discipline “The Russian Verb” to Chinese Students in Master’s Degree Programs

Zara I. Godizova[1], Dzerassa V. Gabisova[2]
[1]North Ossetian State University after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia
[2]Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz, Russia

The purpose of the study is to compare the effectiveness of various forms of organizing the educational process in teaching Russian as a foreign language with the focus on one specific topic from the course “The Russian Verb,” intended for Chinese students in the second year of their master’s degree program. The authors employ the methods of observation, description, transformation, survey and comparative analysis and analyze excerpts from non-adapted works of Russian writers selected from the National Corpus of the Russian Language. They postulate that foreign language teaching is undergoing fundamental changes connected with integration of new informational technologies, new forms of teaching, new methods of presentation and structuring the material, and new forms of control and student-teacher interaction, and cite an example of teaching a specific topic (“Particular Aspect Meanings. Competition of Aspects”) to illustrate the advantages of distance learning. They carefully distinguish between “distance learning” and “e-learning,” where the first is a form of learning while the second is a teaching tool. Every teaching tool mentioned in the study can also be used in face-to-face teaching, which is felt to have significant advantages compared to online teaching, as students’ questionnaire has shown. It seems more reasonable to teach Russian as a foreign language in a hybrid mode of face-to-face teaching with the use of all modern digital resources and information technologies (presentations, electronic versions of textbooks, virtual educational environment, all the possibilities provided by the Internet, etc.). The results of the research are of theoretical significance as they summarize both positive and negative aspects of distance learning and clearly differentiate between forms of learning and teaching tools. The study has practical significance as well as it highlights the advantages of modern information and educational technologies and electronic resources used in teaching Russian as foreign language.

Key words: distance learning; e-learning; information and educational technologies; virtual educational environment; techniques to teach Russian as a foreign language; grammar category of aspect.
Citation: Godizova, Zara I., Gabisova, Dzerassa V. (2022) Effectiveness of Various Forms of Organizing the Educational Process in Teaching the Discipline "The Russian Verb" to Chinese Students in Master's Degree Programs. *LUNN Bulletin*, 2 (58), 111–126. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-111-126.

1. Введение

Реалии современной жизни, необходимость перехода на дистанционную форму обучения внесли значительные коррективы в организацию учебного процесса, в том числе и в практику преподавания русского языка как иностранного. В настоящее время адаптация к этим новым условиям учебного процесса в значительной степени произошла, опыт последних двух лет позволяет сделать выводы о преимуществах и недостатках дистанционного формата обучения. На эту тему написано уже довольно много научных работ, в которых обобщается накопленный практический опыт, пересматриваются принципы, методы обучения, оцениваются плюсы и минусы дистанционной формы обучения, предлагаются дальнейшие пути оптимизации учебного процесса в условиях онлайн-образования (Теория и практика дистанционного обучения 2004; Ускова, Ипполитова 2017; Акатьев, Курицына 2017, 2019; Церюльник 2020; Жильцов 2020; Стрельчук 2021 и др.). В настоящее время изучение и усовершенствование методов дистанционного обучения продолжает оставаться актуальной темой обсуждения современными методистами и исследователями.

Очевидно, что необходимость использования дистанционного обучения обусловлена не только ситуацией пандемии, но и стремительным развитием компьютерных и информационных технологий, цифрового образовательного пространства. Поэтому можно долго спорить о преимуществах и недостатках дистанционного формата обучения, но важнее осознать другое — дистанционное обучение стало современной реалией, без которой образование в XXI веке немыслимо, поэтому необходимо использовать все возможности, которые оно предоставляет.

2. Материал и методы исследования

Целью нашего исследования является сравнение разных форм организации учебного процесса, их положительных и отрицательных сторон на основе анализа собственной практической деятельности — преподавания дисциплины «Русский глагол» китайским студентам-магистрантам в совместном российско-китайском университете МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне.

В ходе исследования были использованы методы наблюдения, описания, трансформации, анкетирования, сопоставительного анализа.

Языковым материалом, предлагаемым студентам для анализа, послужили не только материалы учебников (Караванов 1997; Кривоносов, Редькина 2000; Ласкарева 2008; Книга о грамматике 2018), но и выдержки из произведений русских писателей, выбранные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

3. Результаты исследования и их обсуждение

Опыт преподавания дисциплины «Русский глагол» китайским студентам-магистрантам в совместном университете МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне в дистанционном и очном формате позволил провести некоторые наблюдения относительно эффективности той и другой формы обучения. При этом мы различаем понятия «дистанционное обучение» и «электронное обучение». Под дистанционным обучением следует понимать форму обучения, а под электронным — средства обучения, которые лежат в основе использования цифровой техники и телекоммуникационных систем и позволяют получать знания с помощью виртуальной среды (Дунаева 2006; Богомолов 2008б).

Дистанционные занятия проводились в системе *Zoom*, позволяющей организовать видеоконференции с презентацией специально подготовленных материалов и электронных версий учебников. По сути, это были полноценные занятия со всей группой студентов — магистрантами второго года обучения, отличающихся достаточно высоким уровнем владения языком. Однако возможности программы *Zoom* позволяют отработать все виды речевой деятельности (аудирование, говорение, лексика и грамматика, чтение и письмо) и на более ранних этапах обучения.

Современные студенты имеют огромный опыт активного использования цифровых технологий через такие ресурсы, как *Facebook, Instagram, WhatsApp, WeChat* и др.

Следует отметить те преимущества, которые были выявлены в процессе проведения занятий в дистанционном режиме:

– визуализация — создание и использование презентаций в системе Power Point, программ тестирования, использование электронных учебников и учебно-методических пособий;

– интерактивность, которая расширяет возможности самостоятельной учебной работы, самостоятельного поиска информации в интернете, умения выступать и общаться в режиме онлайн;

– индивидуализация, то есть личностно ориентированный подход, учет различного уровня знаний обучающихся, учет их предварительных

компетенций. В этой связи А. Н. Богомолов справедливо отмечает, что «<…> именно индивидуализация обучения сделала дистанционную форму такой привлекательной для многих методистов, с одной стороны, и востребованной у учащихся — с другой» (Богомолов 2008а: 45);

– применение виртуальной образовательной среды (возможностей и инструментов платформы *Moodle* и других платформ);

– неограниченный доступ к учебным материалам, использование интернета в качестве инструмента обучения, что не только позволяет сделать процесс обучения более интересным, особенно для изучающих иностранный язык, но и вовлекает студента в активный образовательный процесс, активную познавательную деятельность;

– использование информационно-компьютерных технологий в обучении усиливает его коммуникативную направленность, обеспечивает межкультурное общение, развивает информационно-коммуникативную компетентность, повышает эффективность самостоятельной работы студентов;

– снятие коммуникативного барьера между студентом и преподавателем, а также между студентами;

– снижения уровня иноязыковой тревожности (Андрюшкина 2020), обеспечение большей психологической безопасности в процессе изучения иностранного языка (Дмитриева, Гненик 2019);

– образовательный процесс становится более гибким, универсальным, личностно ориентированным.

Однако проведение занятий с иностранными студентами в дистанционном формате имеет и свои очевидные недостатки, основными из которых являются:

– отсутствие живого общения («лицом к лицу»), что не может не сказаться на формировании коммуникативной компетенции;

– снижение мотивации к учебе у студентов;

– трудности восприятия нового языкового материала на начальном этапе обучения;

– слишком большой объем самостоятельной работы;

– трудности в организации качественного контроля самостоятельности выполнения заданий;

– трудности в формировании навыков и умений письменной речи (Ускова, Ипполитова 2017; Акишина, Тряпельников 2018; Занкова 2019; Стрельчук 2021 и др.).

Отметим, что занятия проводились нами сначала в дистанционном формате, затем в непосредственном контакте со студентами в аудитории.

Поэтому у нас есть возможность сравнить преимущества той и другой формы обучения.

Проиллюстрируем особенности дистанционного обучения на примере изучения конкретной темы в рамках дисциплины «Русский глагол» — «Частные видовые значения. Конкуренция видов».

Как известно, глагол является самой сложной и интересной частью речи, а самой сложной грамматической категорией глагола является категория вида, которая вызывает наибольшие трудности у иностранных студентов, — это отмечают многие исследователи и авторы учебников русского языка как иностранного (например, Рожкова, Рассудова, Лариохина 1967; Иванчев 1971; Ясаи 1993; Караванов 1997; Ласкарева 2008 и др.).

Студентам была предложена презентация, в которой сначала кратко, четко и доступно был изложен довольно сложный теоретический материал, затем были предложены практические задания разной степени сложности.

Использование презентаций придает занятию большую наглядность и способствует усилению заинтересованности студентов. Подготовка презентаций самими студентами разнообразит занятия и развивает у них способности самостоятельного поиска информации в интернете, умения выступать и общаться в режиме онлайн.

В презентации были рассмотрены такие понятия, как аспектология, аспектуальность, общее (инвариантное) видовое значение, частные видовые значения, конкуренция видов. Были представлены разные точки зрения ученых на общее видовое значение, достоинства и недостатки каждого мнения, диапазон частных видовых значений совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов. Подробно был рассмотрен довольно сложный вопрос об эквиполентном характере видовой оппозиции, обусловливающем неодинаковую семантическую определенность СВ и НСВ (СВ — маркированный, более определенный член оппозиции, всегда характеризующийся признаками целостности и достижения предела действия, а НСВ — немаркированный, неопределенный, семантически размытый член оппозиции, чаще всего обозначающий действия нецелостные, не достигшие своего предела, но допускающий и выражение действий целостных, достигших своего предела). Вследствие такой семантической неоднородности СВ и НСВ и возникает взаимозаменяемость видов в определенных контекстах (Бондарко 1971, 2017; Маслов 2004; Морфология 2013; Теория функциональной грамматики 2017).

Изложение материала шло по принципу нарастающей сложности. Сначала были рассмотрены такие случаи функционирования видовых

форм, в которых СВ и НСВ четко противопоставлены, их разграничение не представляет трудностей для студентов, например:

конкретно-фактическое значение СВ, когда обозначается конкретный, единичный факт, локализованный во времени: *Он* ***пришел.*** *Мальчик* ***выглянул*** *в окно. Мама* ***рассказала*** *сказку ребенку. Студент* ***подготовился*** *к занятиям.* Это главное значение для СВ, так как оно в наименьшей степени зависит от контекста и является самым распространенным;

конкретно-процессное значение НСВ, при котором обозначается действие конкретное в процессе его протекания: *Рабочие* ***строят (строили, будут строить)*** *дом. Всю ночь* ***выла (воет, будет выть)*** *собака. Он* ***все смотрел и смотрел*** *в окно. Он* ***ремонтирует (ремонтировал, будет ремонтировать)*** *машину.*

При этом было акцентировано внимание на глаголы ограничительного и длительно-ограничительного способов действия с приставками *по-* и *про-: Я* ***поспал*** *2 часа. Я* ***прожил*** *в этом доме всю жизнь.* Эти глаголы СВ обозначают длительные действия, обозначающие достижение не внутреннего, а внешнего (временного) предела. С НСВ их сближает семантика длительности, нехарактерная для СВ.

Затем студенты практически познакомились с понятием «частное видовое значение»**,** им были предложены контексты, в которых СВ и НСВ функционируют в различных частных видовых значениях. Особое внимание студентов обращалось на то, что частные видовые значения создаются в результате взаимодействия грамматической формы и контекста (Бондарко 1971).

Наконец, было введено понятие «конкуренция видов» — взаимозаменяемость видов, означающая, что в определенных контекстах семантика СВ и НСВ четко не разграничивается, происходит нейтрализация видового противопоставления, то есть возможна замена одного вида другим.

Следует отметить, что для иностранных студентов сложно разграничить конкретные типы функционирования видовых форм, образующие конкуренцию видов, т. е. конкуренцию частных видовых значений.

На этом этапе был применен индивидуально-личностный подход: всем студентам были предложены более прозрачные, адаптированные случаи конкуренции видов, например:

– конкуренция конкретно-фактического значения СВ и обобщенно-фактического значения НСВ: *Я* ***смотрел (= посмотрел)*** *этот фильм. Я* ***читал (= прочитал)*** *эту книгу. Разве вы* ***не получали (= не получили)*** *моего письма?*

– конкуренция суммарного значения СВ и ограниченно-кратного значения НСВ: *Я несколько раз (два раза)* ***подогревала (= подогрела)*** *тебе обед.*

А для более сильных студентов были предложены неадаптированные контексты (выдержки из произведений Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя и других русских писателей), в которых нужно было определить частные видовые значения, а также случаи конкуренции видов.

Например, частные видовые значения:

– конкретно-процессное значение НСВ:

Они ***шли*** *молчаливо, всю дорогу почти не сказали ни слова* (Достоевский);

– неограниченно-кратное значение НСВ:

Она…ну да, она умна, хоть и безумная, и вы правду говорите, что она гораздо умнее меня… она пишет мне, что в меня влюблена, что ***каждый день ищет*** *случая видеть меня хоть издали* (Достоевский); *Какая-нибудь история непременно* ***происходила: или*** *выведут его под руки из зала жандармы,* ***или*** *принуждены бывают вытолкать свои же приятели* (Гоголь);

– обобщенно-фактическое значение НСВ:

— Да постой, ты ***обедал*** *аль нет? —* ***Обедал,*** *— сказал Алеша, съевший, по правде, всего только ломоть хлеба и выпивший стакан квасу на игуменской кухне* (Достоевский); *Оказалось, что генерал* ***слышал*** *о покойном Павлищеве и даже знавал лично* (Достоевский); *А что, кстати,* ***не просила*** *еще она у тебя портрета?* (Достоевский). *— А так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку* ***целовали****, а я у вас нет* (Достоевский);

– постоянно-непрерывное значение НСВ:

Но, несмотря на всевозможные точки зрения, всякий согласится, что есть такие преступления, которые ***всегда и везде****, по всевозможным законам, с начала мира* ***считаются*** *бесспорными преступлениями и* ***будут считаться такими до тех пор, покамест человек останется человеком*** (Достоевский);

– потенциально-качественное значение НСВ:

Так как Яков очень хорошо ***играл*** *на скрипке, особенно русские песни, то Шакхес иногда приглашал его в оркестр с платою по пятьдесят копеек в день, не считая подарков от гостей* (Чехов); *Есть лица, которые* ***существуют*** *на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете* (Гоголь);

– наглядно-примерное значение СВ:

Рассказывали, что он вас ***встретит, обласкает, прельстит, обворожит*** *своим простодушием. Особенно если вы ему почему-нибудь нужны и, уж разумеется, если вы предварительно были ему рекомендованы* (Достоевский); *Дни уже почти осенние, но ясные, иногда так свежо,* ***затаишься*** *в глуши,* ***забредешь*** *в лес, пахнет листьями <…>* (Достоевский);

– потенциальное значение СВ:

Но, собственно, об этом после. Этого так ***не расскажешь*** *(= не сможешь рассказать). Этим человеком и без того будет наполнена вся тетрадь моя* (Достоевский).

Когда студенты научились определять частные видовые значения глаголов СВ и НСВ достаточно легко, им были предложения контексты, в которых происходит нейтрализация видового противопоставления, т. е. конкуренция видов, например:

– конкуренция потенциального значения СВ и потенциально-качественного значения НСВ:

Вера Гавриловна смотрела Жене вслед и думала, что если искать душу, то вернее души, чем у Жени, не найдешь, а мало ли что ***случается (= случится)*** *с человеком?* (Лидин);

– конкуренция наглядно-примерного значения СВ и неограниченно-кратного значения НСВ:

Председатель судебной палаты тоже совсем растерялся. Он ***то застегнет (= застегивает), то расстегнет (= расстегивает)*** *свой вицмундир, то* ***берется (= возьмется)*** *за шляпу, точно идти куда-то собирается,* ***то бросает (= бросит)*** *шляпу на стол и* ***садится (= сядет)*** (Салтыков-Щедрин);

– конкуренция суммарного значения СВ и ограниченно-кратного значения НСВ:

Соседский теленок лез в сенцы. Она несколько раз ***выгнала (= выгоняла)*** *его, потом выскочила на порог* (Бунин);

– конкуренция конкретно-фактического значения СВ и обобщенно-фактического значения НСВ:

Господину Перхотину вы, кажется, ***заявляли (= заявили)*** *о трех тысячах, будто бы полученных вами от госпожи Хохлаковой? — Может быть, и* ***заявил (= заявлял)*** (Достоевский).

В качестве домашнего задания всем студентам были даны упражнения из учебников (Кривоносов, Редькина 2000; Ласкарева 2008). В качестве дополнительного задания студентам, желающим получить более высокий балл за текущую работу, было предложено самим найти в Национальном корпусе русского языка случаи функционирования видов в частных значениях, а также случаи конкуренции видов. Это задание было рас-

считано на более сильных студентов. Так студенты не только учатся определять различные типы функционирования видовых форм, распознавать порой очень тонкие оттенки между СВ и НСВ в случае конкуренции видов, но и одновременно приучаются работать с таким важным и интересным электронным ресурсом, как НКРЯ, который им понадобится и для сбора языкового материала в процессе написания магистерской диссертации. Индивидуальный подход стимулирует творческую активность, инициативность и самостоятельность каждого студента.

Использование виртуальной образовательной среды позволяет выстроить индивидуальную образовательную траекторию для каждого студента с учетом его уровня, потребностей, стимулировать студентов к самообразованию, тем самым повышается эффективность обучения (Дунаев 2006; Богомолов 2008б; Галустян 2012; Лингводидактический аспект 2013).

В системе *Moodle* нами размещена вся необходимая информация по дисциплине «Русский глагол» (представлено описание дисциплины, цели и задачи ее изучения, распределение часов, презентации по всем темам). Данная платформа позволяет не только создавать образовательные ресурсы, но и осуществлять коммуникацию между участниками образовательного процесса, давать объективную оценку их деятельности.

Презентации и домашние задания передавались студентам и через *Wechat* — социальную сеть, которая очень удобна и активно используется китайскими студентами. Она позволяет оперативно передавать студентам необходимую информацию, получать от них обратную связь. Все возникающие вопросы студент может написать в чат и получить быстрый ответ.

При переходе от дистанционных занятий к контактным все возможности современных цифровых технологий продолжали нами использоваться, в том числе электронные версии учебников, благодаря оборудованию всех аудиторий компьютерами и интерактивными досками. Электронные учебники не только удобнее для преподавателей и студентов, но и позволяют более наглядно представлять изучаемый материал (Азимов 2020; Чичерина, Чичерина 2021).

С целью выяснения мнения студентов об их предпочтениях дистанционного или очного формата обучения нами было проведено небольшое анкетирование студентов, где им предлагалось ответить на вопрос, какая форма обучения представляется им более эффективной и привлекательной. Опрашиваемые (17 человек) были единодушны в том, что очное обучение, позволяющее общаться «лицом к лицу» с преподавателем и студентам между собой, является предпочтительным. Непосредственный контакт с аудиторией создает живую, творческую атмосферу, открывает широкие

возможности для обмена мнениями. Онлайн-обучение не может заменить живого общения, создать атмосферу академической среды, заменить коллективное и дружеское общение между студентами, но оно может дополнить и расширить возможности классического университетского образования. И объективно дистанционное обучение ускорило, актуализировало активное использование новых информационно-цифровых технологий, способствующих усилению коммуникативной направленности обучения, развитию информационно-коммуникативной компетентности преподавателей и студентов, повышению эффективности самостоятельной работы студентов.

4. Заключение

Таким образом, процесс обучения иностранным языкам претерпевает существенные изменения, в настоящее время он неотъемлемо связан с новыми информационными технологиями, что находит отражение в изменении организационных форм обучения, способах подачи и структурирования материала, формах контроля и взаимодействия преподавателя и студента.

Дистанционная форма обучения позволяет использовать все преимущества современного информационно-образовательного пространства, а это — визуализация, индивидуализация, интерактивность, применение виртуальной образовательной среды, использование электронных ресурсов и других возможностей интернета. Преподавание иностранных языков с помощью современных интернет-технологий повышает мотивированность и познавательную активность студентов, интерес к предмету, позволяет индивидуализировать обучение, устраняет психологический барьер при использовании иностранного языка как средства общения. Гибкость, индивидуализация, интерактивность, мультимедийность процесса обучения, широкий доступ к образовательным услугам обеспечиваются современными интернет-технологиями. Такие преимущества информационных технологий, как доступность, несложность в техническом использовании, обновление и пополнение контента (возможность быстрой замены устаревшей информации на новую), применение любых мобильных устройств делают электронные средства обучения незаменимыми для дистанционного образования. Опыт дистанционного обучения языку подтверждает эффективность применения мультимедийной технологии, которая позволяет объединить в едином комплексе аудио-, видео, текстовый и графический материал и повысить таким образом степень воздействия на учащегося и уровень усвоения материала.

Однако следует особо подчеркнуть, что многие из перечисленных возможностей используются и при контактном проведении занятий со студентами, в связи с чем еще раз подчеркнем разницу между формой обучения и средствами обучения. Независимо от формы обучения в процесс преподавания иностранного языка обязательно должны включаться современные информационные технологии.

Совершенно очевидно, что обучение русскому языку как иностранному целесообразнее проводить в смешанном формате, то есть находясь в аудитории со студентами, использовать все современные информационно-цифровые технологии (презентации, электронные версии учебников и другие возможности интернета).

Список литературы / References

Азимов Э. Г. Электронные учебники по русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы развития // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 39–53. [Azimov, Elkhan G. (2020) Elektronnyye uchebniki po russkomu yazyku kak inostrannomu: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya (Electronic Textbooks on Russian as a Foreign Language: Current State and Future Development). *Rusistika*, 18, 1, 39–75. (In Russian)]. DOI: 10.22363/2618-8163-2020-18-1-39-53.

Акатьев Д. Ю., Курицына Г. В. Специфика реализации электронного и дистанционного обучения в НГЛУ на платформе MOODLE // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. № 38. С. 166–175. [Akat'ev, Dmitriy Yu., Kuricyna, Galina V. (2017) Specifika realizacii elektronnogo i distancionnogo obucheniya v NGLU na platforme MOODLE (The Specifics of the Implementation of E-learning and Distance Learning NSLU on the Platform Moodle). *LUNN Bulletin*, 38, 166–175. (In Russian)].

Акатьев Д. Ю., Курицына Г. В. Дистанционные технологии в организации контроля качества образования в вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. № 46. С. 138–146. [Akat'ev, Dmitriy Yu., Kuricyna, Galina V. (2019) Distancionnye tekhnologii v organizacii kontrolya kachestva obrazovaniya v vuze (Distance Technologies in the Organization of Quality Control of Education at the University). *LUNN Bulletin*, 46, 138–146. (In Russian)].

Акишина А. А., Тряпельников А. В. Инновационные педагогические технологии в РКИ: новые учебные тексты // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: сб. материалов III Международной научно-методической онлайн-конференции. Курск: Курский гос. медицинский университет, 2018. С. 166–176. [Akishina, Alla A. & Tryapelnikov, Anatoliy V. (2018) Innovatsionnyye pedagogicheskiye tekhnologii v RKI: novyye uchebnyye teksty (Innovative Pedagogical Technologies in Russian as a Foreign Language: New Educational Texts). *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov i RKI: traditsii i innovatsii: sb. materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy onlayn-konferentsii* (Methods of Teaching Foreign Languages and Russian as a Foreign Language: Traditions and Innovations:

Proceedings of the 3rd International Scientific and Methodological Online Conference). Kursk: Kursk State Medical University. (In Russian)].

Андрюшкина Ю. С. Экспериментальное исследование влияния личностной и иноязыковой тревожности в условиях учебного билингвизма // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. № 49. С. 9–23. [Andryushkina, Yuliya S. (2020) Eksperimental'noe issledovanie vliyaniya lichnostnoj i inoyazykovoj trevozhnosti v usloviyah uchebnogo bilingvizma (Experimental Study of the Influence of Personal and Foreign Language Anxiety in the Context of Educational Bilingualism). *LUNN Bulletin*, 49, 9–23. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-49-1-9-23.

Богомолов А. Н. Виртуальная среда обучения русскому языку как иностранному: лингвокультурологический аспект. М.: МАКС Пресс, 2008а. [Bogomolov, Andrey N. (2008a) *Virtualnaya sreda obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: lingvokulturologicheskiy aspect* (Virtual Environment for Teaching Russian as a Foreign Language: Linguistic and Cultural Aspect). Moscow: MAKS Press. (In Russian)].

Богомолов А. Н. Модели виртуальной среды обучения иностранному языку // Высшее образование в России. 2008б. № 7. С. 57–61. [Bogomolov, Andrey N. (2008b) Modeli virtualnoy sredy obucheniya inostrannomu yazyku (Models of a Virtual Environment for Teaching a Foreign Language). *Higher Education in Russia*, 7, 57–61. (In Russian)].

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. [Bondarko, Alexander V. (1971) *Vid i vremya russkogo glagola* (Aspect and Tense of a Russian Verb). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].

Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2017. 343 с. [Bondarko, Alexander V. (2017) *Glagol'nye kategorii v sisteme funkcional'noj grammatiki* [Verbal Categories in the system of Functional Grammar]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury. (In Russian)].

Галустян О. В. Теоретические основы применения виртуальной образовательной среды в обучении // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. С. 48–54. [Galustyan, Olga V. (2012) Teoreticheskiye osnovy primeneniya virtualnoy obrazovatelnoy sredy v obuchenii (Theoretical Foundations of a Virtual Learning Environment in Education). *Izvestiya SFEDU. Engineering Sciences*, 48–54. (In Russian)].

Дмитриева Е. Н., Гненик М. Е. Обеспечение психологической безопасности в процессе обучения иностранному языку в вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А.Добролюбова. 2019. № 48. С. 193–200. [Dmitrieva, Elena N., Gnenik, Marina E. (2019) Obespechenie psihologicheskoj bezopasnosti v processe obucheniya inostrannomu yazyku v vuze (Ensuring Psychological Safety in the Process of Teaching a Foreign Language at the University). *LUNN Bulletin*, 48, 193–200. (In Russian)].

Дунаева Л. А. Средства информационных и коммуникационных технологий в обучении иностранных учащихся гуманитарных специальностей научному общению. М.: МАКС Пресс, 2006. [Dunayeva, Larisa A. (2006) *Sredstva informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologiy v obuchenii inostrannykh uchashchikhsya gumanitarnykh spetsialnostey nauchnomu obshcheniyu* (Means of Information and Communicative Technologies in Teaching Scientific Communication to the Foreign Humanities Students). Moscow: MAKS Press. (In Russian)].

Жильцов В. А. Электронные образовательные ресурсы на основе технологий виртуальной реальности при дистанционном коммуникативно ориентированном обучении РКИ // Современные технологии в преподавании русского языка. Сборник материалов международной научно-практической конференции к 60-летию кафедры методики преподавания русского языка Московского педагогического государственного университета. М.: МПГУ, 2020. С. 386–393. [Zhiltsov, Vladimir A. (2020) Elektronnyye obrazovatelnye resursy na osnove tekhnologiy virtualnoy realnosti pri distantsionnom kommunikativno oriyentirovannom obuchenii RKI (Electronic Educational Resources Based on Virtual Reality Technologies in Distance Communication-oriented Learning Russian as a Foreign Language). *Sovremennyye tekhnologii v prepodavanii russkogo yazyka. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii k 60-letiyu kafedry metodiki prepodavaniya russkogo yazyka Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta* (Modern Technologies in Teaching Russian. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Department of Methods of Teaching Russian of Moscow Pedagogical State University). Moscow: MPGU, 386–393. (In Russian)].

Занкова А. А. Изучение русского языка как иностранного в онлайн-среде: возможности и специфика // Мир науки, культуры и образования. 2019. № 2 (75). С. 28–29. [Zankova, Anna A. (2019) Izucheniye russkogo yazyka kak inostrannogo v onlaynsrede: vozmozhnosti i spetsifika (Learning Russian as a Foreign Language in Online Environment: Opportunities and Peculiarity). *The World of Science, Culture and Education*, 2 (75), 28–29. (In Russian)].

Караванов А. А. Описание категории вида русского глагола как иностранного // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 6. С. 27–37. [Karavanov, Aleksey A. (1997) Opisaniye kategorii vida russkogo glagola kak inostrannogo (Description of the Russian Verb Category of Aspect as a Foreign One). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 6, 27–37. (In Russian)].

Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного / Величко А. В., Красильникова Л. В., Кузьминова Е. А.; под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. [Velichko, Alla V., & Krasilnikova, Lidiya V., & Kuzminova, Elena A. (eds.) (2018) *Kniga o grammatike. Dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo* (A Book about Grammar. For Teachers of Russian as a Foreign Language). Saint-Petersburg: Zlatoust. (In Russian)].

Кривоносов А. Д., Редькина Т. Ю. Знаю и люблю русские глаголы. СПб.: Златоуст, 2000. [Krivonosov, Aleksey D. & Redkina, Tamara Yu. (2000) *Znayu i lyublyu russkiye glagoly* (I Know and Love Russian Verbs). Saint-Petersburg: Zlatoust. (In Russian)].

Ласкарева Е. Р. Чистая грамматика. СПб.: Златоуст, 2008. [Laskareva, Elena R. (2008) *Chistaya grammatika* (Pure Grammar). Saint-Petersburg: Zlatoust. (in Russian)].

Лингводидактический аспект обучения иностранным языкам с применением современных интернет-технологий: коллективная монография. М.: МЭСИ, 2013. [Gerasimenko, Tatiana L. (2013) *Lingvodidakticheskiy aspekt obucheniya inostrannym yazykam s primeneniyem sovremennykh internet-tekhnologiy: kollektivnaya monografiya* (Linguodidactic Aspect of Teaching Foreign Languages Using Modern Internet Technologies: a Collective Monograph). Moscow: MESI. (In Russian)].

Морфология современного русского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. [Bogdanov, Sergey I. & Evtyukhin, Vyacheslav B. & Knyazev, Yuriy P. (eds.) (2013) *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* (Morphology of the Modern Russian Language). Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU. (In Russian)].

Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Maslov, Yuriy S. (2004) *Izbrannyye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaniye* (Selected works. Aspectology. General Linguistics). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russian)].

Рожкова Г. И., Рассудова О. П., Лариохина Н. М. Методика преподавания русского языка иностранцам М.: Изд-во МГУ, 1967. [Rozhkova, Galina I. & Rassudova, Olga P. & Lariohina, Natalia M. (1967) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka inostrantsam* (Methods of Teaching Russian to Foreigners). Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian)].

Стрельчук Е. Н. Перспективы онлайн-обучения русскому языку как иностранному в вузах РФ // Russian Language Studies. 2021. Vol. 19. № 1. P. 102–115. [Strelchuk, Elena N. (2021) Perspektivy onlayn-obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v vuzakh RF (Prospects of Russian as a Foreign Language Online Learning in Russian Universities). *Russian Language Studies*, 19, 1, 102–115. (In Russian)]. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-1-102-115.

Теория и практика дистанционного обучения / Под ред. Е. С. Полат. М.: Academia, 2004. [Polat, Evgeniya S. (ed.) (2004) *Teoriya i praktika distantsionnogo obucheniya* (Theory and Practice of Distance Learning). Moscow: Academia. (In Russian)].

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. М.: Editorial URSS, Ленанд, 2017. [*Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* / Otv. red. A. V. Bondarko (Bondarko, Alexander V. (ed.) (2017) Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspects. Temporary localization. Taxis). Moscow: Editorial URSS, Lenand. (In Russian)].

Ускова О. А., Ипполитова Л. В. Дистанционная форма обучения русскому языку как иностранному: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 5 (782). С. 42–51. [Uskova, Olga A. & Ippolitova, Lyubov V. (2017) Distantsionnaya forma obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: problemy i perspektivy (Computer-Assisted Language Learning of Russian as a Foreign Language: Challenges and Prospects). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, 5 (782), 42–51. (In Russian)].

Церюльник А. Ю. Изучение русского языка как иностранного с использованием дистанционных технологий (из практики работы с китайскими студентами) [Электронный ресурс] // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: Методика преподавания языка и литературы. 2020. № 1 (04). URL: https://scipress.ru/fam/articles/izuchenie-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-s-ispolzovaniem-distantsionnykh-tekhnologij-iz-praktiki-raboty-s-kitajskimi-studentami.html (дата обращения: 05.12.2021). [Tseryulnik, Anna Yu. (2020) (2021, December 05) Izucheniye russkogo yazyka kak inostrannogo s ispolzovaniyem distantsionnykh tekhnologiy (iz praktiki raboty s kitayskimi studentami) (Learning Rus-

sian as a Foreign Language Using Distance Technologies (from the Practice of Working with Chinese Students). *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal. Ser.: Metodika prepodavaniya yazyka i literatury* (Philological Aspect: International Scientific-Practical Journal. Series: Methods of Teaching Languages and Literatures), 1 (04). Retrieved from https://scipress.ru/fam/articles/izuchenie-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-s-ispolzovaniem-distantsionnykh-tekhnologij-iz-praktiki-raboty-s-kitajskimi-studentami.html. (In Russian)].

Чичерина М. М., Чичерина Ю. В. Современный цифровой учебник по иностранному языку: структура и содержание // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 131–142. [Chicherina, Milana M., Chicherina, Yuliya V. (2021) Sovremennyj cifrovoj uchebnik po inostrannomu yazyku: struktura i soderzhanie (Modern Digital Foreign Language Textbooks: Structure and Content). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 131–142. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-56-4-131-142.

Ясаи Л. Лекции по глагольному виду. Специальный курс для студентов русистов. Budapest: Nemzeti Tankonyvkiadó, 1993. [Yasai, Laslo (1993) *Lektsii po glagolnomu vidu. Spetsialnyy kurs dlya studentov rusistov* (Lectures on the Verb Form. A Special Course for Students of Russian Studies). Budapest: Nemzeti Tankonyvkiadó. (In Russian)].

Ivanchev, Svyatoslav. (1971) Problemi na aspektualnostta v slavyanskite ezitsi. Sofiya: Izdatelstvo na Blgarskata Akademiya na naukite, 1971. [Ivanchev, Svyatoslav. (1971) *Problemi na aspektualnostta v slavyanskite ezitsi* (Problems of Aspectuality in Slavic Languages). Sofiya: Izdatelstvo na Blgarskata Akademiya na naukite. (In Bulgarian)].

Источники фактического материала / Factual information sources

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www. ruscorpora.ru (дата обращения: 10.11.2021, 15.11.2021, 20.11.2021, 22.11.2021, 30.11.2021, 01.12.2021, 02.12.2021, 03.11.2021). **[**Natsionalnyy korpus russkogo yazyka (Russian National Corpus)]. Retrieved from: http://www. ruscorpora.ru (access at: 10.11.2021, 15.11.2021, 20.11.2021, 22.11.2021, 30.11.2021, 01.12.2021, 02.12.2021, 03.11.2021). (In Russian)].

УДК 378
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-127-140

ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ РКИ НА БАЗЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

М. Ю. Ковалева, Ю. Ю. Панченко

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В настоящее время вопрос эффективной организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному приобретает всё большую значимость в связи с ограничением передвижений в период пандемии. Многие иностранные студенты, не имея возможности заниматься в аудиториях, вынуждены прибегать к дистанционному формату обучения русскому языку. В связи с этим проблема выбора платформы для организации дистанционного обучения стоит особенно остро. Предлагается рассматривать в качестве возможной платформы для дистанционного обучения РКИ социальную сеть «ВКонтакте» в силу её широкого распространения не только в России, но и в странах СНГ. «ВКонтакте» обладает богатым функционалом, который может быть интегрирован в образовательный процесс по русскому языку как иностранному. Кроме того, широкая интеграция этой социальной сети в повседневную жизнь обучающихся способна повысить их уровень мотивации. Недостаточная разработанность технологий интеграции социальных сетей в целом и «ВКонтакте» в частности в дистанционное обучение РКИ определяет актуальность данной работы. Целью данной статьи является исследование возможностей организации дистанционного обучения РКИ на базе социальной сети «ВКонтакте». Теоретическая значимость работы заключается в осмыслении дидактического потенциала социальной сети «ВКонтакте», пока ещё недостаточно изученной педагогами и методистами. Практическая значимость исследования заключается в разработке способов интеграции социальной сети «ВКонтакте» в процесс дистанционного обучения РКИ. Методологию исследования составили анализ отечественных и зарубежных работ по методике преподавания РКИ, теории коммуникации, а также анкетирование иностранных студентов. В качестве результатов исследования методически рассмотрены основные функциональные возможности социальной сети «ВКонтакте» и проанализированы способы их использования для обучения русскому языку. Кроме того, описан ряд преимуществ «ВКонтакте» по сравнению со специализированными электронными средами организации дистанционного обучения, а также выявлены возможные сложности при его организации в данной социальной сети.

Ключевые слова: РКИ; дистанционное обучение; социальные сети; ВКонтакте; русский язык как иностранный.

Цитирование: Ковалева М. Ю., Панченко Ю. Ю. Особенности дистанционного обучения РКИ на базе социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 127–140. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-127-140.

Distance Learning of Russian as a Foreign Language Based on the Russian Social Network "VKontakte"

Marina Yu. Kovaleva, Yury Yu. Panchenko
N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The issue of effective organization of distance learning of Russian as a foreign language is becoming increasingly important due to the conditions of limited movement during the pandemic. Many foreign students, unable to study in classrooms, are forced to resort to the distance learning format. Thus, the problem of choosing a platform for organizing distance learning has become particularly acute. We propose the Russian social network "VKontakte" ("VK") as a possible platform for distance learning of RFL due to its wide distribution not only in Russia, but also in the world. "VK" has a number of diverse functional options that can be integrated into learning Russian as a foreign language. In addition, the high integration of this social network into the daily life of students may increase learners' motivation. Insufficient development of technologies for integrating social networks in general and "VK" in particular into distance learning of the RFL has determined the relevance of this study, and its primary object is to look at the possibilities of organizing distance learning RFL based on the social network "VK". The theoretical basis of the project is the didactic potential of the social network "VK" which has not yet received sufficient attention from either educators or methodology experts. The practical part of the research is directed towards developing ways of integrating the social network "VK" into the process of distance learning of RFL. The authors review and analyze existing literature on the methodology of teaching RFL as well as theory of communication and use the survey method to gain insight into the experience of foreign students. They go on to consider the main functional capabilities of the social network "VK' from the perspective of methodology and outline various ways of using them to teach the Russian language. In addition, they describe a number of advantages that "VK" has in comparison with specialized LMS platforms for distance learning and identify possible difficulties in organizing the process of learning Russian through this social network.
Key words: RFL; distance learning; social networks; VK; Russian as a foreign language.
Citation: Kovaleva, Marina Yu., Panchenko, Yury Yu. (2022) Distance Learning of Russian as a Foreign Language Based on the Russian Social Network "VKontakte". *LUNN Bulletin*, 2 (58), 127–140. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-127-140.

1. Введение

На сегодняшний день одним из наиболее востребованных разделов лингводидактики считается преподавание русского языка как иностранного (далее — РКИ) в связи с повышением статуса русского языка как социокультурного и геополитического фактора, имеющего «существенное значение в развитии культурного диалога, а также преодолении межнациональных, межэтнических и межрасовых конфликтов» (Дмитриева, Курицына 2021: 110). Одной из главных характеристик данного направления подготовки является наличие непрерывного поликультурного диалога, который непосредственно влияет на формирование и становление конечной

цели образовательного процесса (Коняхина, Яковлева 2021). Обучение иностранных студентов русскому языку должно вестись с учетом особенностей современного цифрового общества и, соответственно, изменившихся потребностей обучающихся (Tuniga, Seinen 1995: 280). Игнорирование цифровых технологий, а также привычных студентам средств коммуникации в преподавании иностранных языков в целом и русского языка как иностранного в частности может привести к потере студентами мотивации к обучению, что оказывает негативное влияние на успешность формирования языковых навыков и развития речевых умений (Макшанцева, Банков 2017: 186). В итоге это может привести к разочарованию в выборе профессии и потере интереса к изучению русского языка и русской культуры.

Поэтому современные педагогические методы и технологии обучения должны базироваться на тех видах и формах подачи информации, которые будут заинтересовывать и мотивировать иностранных обучающихся к изучению русского языка как иностранного (Дзюба, Массалова 2019: 47).

Если в настоящее время студенты проводят большую часть времени в интернете, то одним из самых действенных способов повышения их мотивации к освоению образовательной программы является использование современных педагогических технологий обучения (Азитова, Азитова 2019: 107), основанных на изучении русского языка как родного и иностранного с помощью социальных сетей.

Учитывая тот факт, что «ВКонтакте» является одной из самых широко используемых социальных сетей, целевую аудиторию которой составляют молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет (Головяшкина 2020: 108), представляется перспективной её интеграция в обучение русскому языку иностранных студентов данной возрастной группы. Поскольку само по себе использование социальной сети как средства обучения способно повысить мотивацию к изучению языка (Фещенко 2011; Mariappan, Abu, Omar 2017; Pilař 2019), выбор «ВКонтакте» в качестве такой социальной сети может привести к ещё большему повышению мотивации студентов. Примечательно, что суточная аудитория «ВКонтакте» в настоящее время составляет 50 миллионов человек (Пресс-служба «ВКонтакте» 2022).

Интеграция социальных сетей в процесс обучения РКИ представляется особенно актуальной в настоящее время, когда в связи с эпидемиологической обстановкой, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19, остро встал вопрос о выборе платформы для организации обучения в дистанционном формате (Ивкина, Хамраева 2020: 28). Мы понимаем под дистанционным обучением образовательный процесс по освоению русского языка как иностранного с применением технологий, обеспечивающих связь преподавателя и студентов на расстоянии с помощью ин-

формационно-коммуникационной сети интернет. Имеющийся опыт организации обучения с применением дистанционных технологий показал, что использование с этой целью специально разработанных электронных сред было в ряде случаев неудобно как для преподавателей, так и для студентов (Биккулова, Ивкина 2021: 92). Поэтому создание единой платформы, учитывающей наиболее распространённые цифровые коммуникативные практики, для размещения обучающей информации, а также контроля над ее освоением стало бы одним из решений возникшей проблемы.

Выбор социальной сети «ВКонтакте» в качестве такой платформы согласуется и с реализуемым приоритетным проектом в области образования «Современная цифровая образовательная среда в РФ», основной идеей которого служит внедрение онлайн-обучения, а также массовых онлайн-курсов с интерактивным участием и открытым доступом для всех образовательных учреждений с помощью интернета.

Также особое внимание стоит уделить национальному проекту «Образование», одним из основных положений которого является увеличение общего количества иностранных обучающихся в российских вузах. В связи с мировым переходом на дистанционное обучение в 2020 году, а также благодаря современным цифровым платформам (таким как социальные сети «ВКонтакте», *TikTok*, популярные инструменты видеосвязи *Skype*, *Zoom*, *Google meet*) организации дистанционного образования в сфере РКИ с применением информационно-коммуникационных сетевых технологий стало уделяться повышенное внимание.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных педагогов и методистов, посвящённые вопросам интеграции социальных сетей в обучение иностранным языкам (Tiropanis, Davis, Millard, Will 2009; Фещенко 2011; Смирнова, Шимичев 2018; Fazliakhmetov, Danilov, Muhitdinova, Tursunova 2020) и РКИ (Ивкина 2019; Ивкина, Хамраева 2020; Сехпеян 2020; Биккулова, Ивкина 2021), создания виртуальной образовательной среды для обучения иностранным языкам и РКИ (Нефедов 2019; Борщик, Борщик, Чиркова 2020; Novika 2021). Хотя рядом исследователей (Панченко 2018; Ивкина 2019) были предприняты попытки интеграции социальных сетей в обучение иностранным языкам и РКИ, потенциал «ВКонтакте» для целостной организации дистанционного обучения РКИ пока ещё не получил должного методического осмысления.

2. Характеристика методов исследования

Для исследования дидактического потенциала социальной сети «ВКонтакте» нами были использованы следующие качественные и количественные методы: анализ научных работ отечественных и зарубежных

исследователей по методике преподавания иностранных языков и РКИ, теории коммуникации, а также организации дистанционного обучения; анкетирование иностранных студентов, обучающихся в НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; наблюдение за формами общения иностранных студентов в социальной сети «ВКонтакте».

3. Результаты исследования и их обсуждение

Для определения педагогической целесообразности организации дистанционного обучения РКИ с помощью функционала социальной сети «ВКонтакте» мы провели опрос среди иностранных студентов, направленный на выяснение степени их готовности к учебной деятельности с использованием социальных сетей. В опросе приняло участие 70 иностранных студентов разных национальностей, изучающих русский язык в НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

Опросник содержал следующие вопросы, предполагающие выбор от одного до трех вариантов ответа из предложенных:

1. Сколько времени Вы проводите в социальных сетях?

–1–2 часа в сутки.

– От 3 до 5 часов.

– Все свое свободное время.

2. Какой социальной сети Вы отдаете предпочтение?

– «ВКонтакте».

– *TikTok.*

– *Telegram.*

– *WhatsApp*.

– Социальная сеть, популярная в Вашей стране и распространяющая свои информационные продукты только в конкретной стране.

3. В какой социальной сети Вы проводите больше времени во время обучения в России?

– «ВКонтакте».

– *TikTok.*

– *Telegram.*

– *WhatsApp.*

– Социальная сеть, популярная в Вашей стране и распространяющая свои информационные продукты только в конкретной стране.

4. Что привлекает Вас в выбранной социальной сети?

– Удобный интерфейс.

– Функциональность.

– Возможность стать популярным.

– Возможность обучаться на базе социальной сети.

– Мнение большинства (многие друзья предпочитают пользоваться этой социальной сетью, поэтому я также провожу свое время здесь).

5. Обучались ли Вы когда-нибудь в социальной сети?

– Да.

– Нет.

– Нет, но планирую в будущем.

6. Если да, то какие курсы Вы проходили?

7. Стали бы Вы обучаться русскому языку на базе социальной сети?

– Да, мне было бы это удобно.

– Нет, это неудобно.

– Возможно, если программа будет ясной и информативной.

Результаты опроса показали, что 93 % иностранных студентов среди всего многообразия социальных сетей отдают предпочтение социальной сети «ВКонтакте», благодаря удобству и богатому функционалу данного сервиса.

Стоит отметить, что 7 из 10 опрошенных иностранных студентов упомянули, что хотя бы раз проходили платное или бесплатное обучение в социальной сети «ВКонтакте» в различных отраслях знаний.

Примечательным является и тот факт, что два иностранных студента из Китая рассказали, что проходили онлайн-обучение русскому языку как первому иностранному именно в социальной сети «ВКонтакте».

Таким образом, можно сделать вывод, что обучающиеся имеют значительный опыт использования социальной сети «ВКонтакте» с образовательными целями.

Помимо высокой степени интеграции в повседневную жизнь обучающихся, социальная сеть «ВКонтакте» обладает рядом функций, способствующих развитию иноязычной коммуникативной компетенции как русских студентов, изучающих иностранный язык, так и иностранных студентов, изучающих РКИ. Несомненным преимуществом «ВКонтакте» является тот факт, что социальная сеть позволяет осуществлять автоматический контроль над выполненными упражнениями, предоставляя моментальную обратную связь, а также способна сохранять любые данные и / или результаты неограниченное количество времени. Поэтому социальная сеть «ВКонтакте» может служить подходящей площадкой для обучения иностранцев современному русскому языку (Ивкина 2019: 205).

Рассмотрим, каким образом новейший функционал «ВКонтакте» может быть использован для организации дистанционного обучения РКИ. Во-первых, отметим, что для организации обучения создаётся специальная учебная группа в сети «ВКонтакте».

Основной единицей контента «ВКонтакте» является публикация в профиле, содержащая картинку (визуальный компонент) и подпись (текстовый компонент). Двухкомпонентная природа публикации предоставляет широкие возможности переноса упражнений и заданий, традиционно выполняемых в аудитории, в цифровую среду «ВКонтакте».

Визуальное поле предоставляет возможность эффективной семантизации новых лексических единиц. Преподаватель может разместить заранее созданную карточку, состоящую из иллюстрации лексической единицы и подписи к ней. Для этой цели подходят также публикации в формате «карусели» — цепочки связанных фотографий. В таком случае на первой фотографии может быть представлена иллюстрация лексической единицы, а на второй — её текстовая запись.

Текстовое поле может быть также использовано для формирования лексических навыков. Интересным представляется задание с заменой текстовой записи того или иного слова в предложении (Макшанцева, Королева 2019: 136) в текстовом поле на его визуальный эквивалент — эмодзи, с последующим предложением написать заменённые слова в комментариях к публикации.

Наличие текстового поля позволяет организовывать задания и упражнения по чтению текста, а также письму, которое в данном случае будет происходить в печатной форме. Для этой цели преподаватель размещает текстовый материал в виде публикации, дополняя его при необходимости различными визуальными элементами. Дополнительные визуальные элементы (фотография из публикации, а также эмодзи) сделают работу с текстовыми заданиями проще и удобнее как для преподавателя, так и для студента. Как показывает практика, подобный комбинированный текстовизуальный формат работы в несколько раз повышает мотивацию и усиливает интерес к обучению среди представителей студенческой молодежи (Четвертнова 2018: 48). Например, размещение эмодзи внутри текста способно сообщить дополнительные прагматические коннотации тексту.

Помимо организации текстовых заданий в формате публикаций, «ВКонтакте» предоставляет интересные возможности для размещения аудиоматериалов. Это обеспечивается функцией «Истории» (*Stories*), а также блоком «Подкасты». В «Историях» преподаватель может записать аудио-видеофрагмент продолжительностью в 1 минуту, к которому получат доступ все подписчики профиля. Можно предложить следующий способ организации истории: размещение фонового аудиофрагмента с дополнительным текстовым вопросом или опросом.

Кроме того, «Истории» позволяют получить доступ к обширному собранию аутентичного песенного материала на русском языке и, соответ-

ственно, разработать интерактивные задания на его основе. Как отмечают (Гриднёва, Владимирова 2020), использование песенного материала эффективно при обучении РКИ. Поэтому наличие в социальной сети «ВКонтакте» возможности его интеграции представляется нам крайне перспективным. Например, песенный материал может использоваться в «Историях» для отработки или проверки освоения языкового материала либо для решения какой-либо речевой задачи по содержанию песни (например, поделиться впечатлением в комментарии).

Блок «Подкасты» (процесс создания и распространения аудиофайлов в социальной сети) позволяет размещать видеоролики произвольной длины с последующей загрузкой в основную ленту профиля (Литвиненко, Старченко 2019: 159). Это даёт возможность организовывать интерактивные задания в аудио- / видеоформате (Yuzhakova 2020: 145), которые затем будут автоматически сохранены в профиле группы. Истории также могут быть сохранены в профиле для последующего доступа.

При этом сохраненные задания можно разделить на тематические блоки (формат «Сюжеты»), которые автоматически будут закреплены вверху профиля учебной группы. Благодаря закреплению историй в блоке «Сюжеты» каждый подписчик сможет просмотреть и / или выполнить задание по аудированию в любое удобное ему время на любом этапе обучения. С помощью данных форматов иностранные обучающиеся смогут активнее и продуктивнее работать над заданиями по аудированию, а значит, развивать соответствующие умения также в автономном режиме.

Обучающимся может быть предложено самим записывать истории или подкасты в соответствии с какой-либо коммуникативной задачей, что будет способствовать развитию умений говорения. Поскольку организация эффективной работы по развитию умений говорения обычно затруднена при дистанционном обучении, предложенный формат представляет собой, на наш взгляд, один из способов преодоления объективных сложностей. Так как подкасты, записанные студентами, будут сохранены в профиле, может быть организована быстрая и эффективная обратная связь как со стороны преподавателя, так и со стороны одногруппников.

В качестве сложностей организации дистанционного обучения с помощью социальной сети «ВКонтакте» можно отметить сложность организации контроля результатов обучения. Для успешного освоения материала, размещённого в социальной сети, в отсутствие непосредственного контроля со стороны преподавателя студенту необходимо регулярно заходить в профиль и выполнять предложенные задания. Возможность перечитывать публикации и пересматривать истории и видеоролики, на наш взгляд, способствует развитию учебной автономии обучающихся. Отметим, что

высокий уровень учебной автономии иностранного обучающегося является одним из важнейших аспектов определения уровня сформированности его языковой личности (Белорукова, Золотова, Карпова 2019: 139).

Кроме того, для увеличения эффективности обучения преподавателю имеет смысл регулярно размещать в профиле контрольные задания: в формате опросов в «Историях» или в формате публикаций, предполагающих написание комментария на русском языке. Возможность просмотра результатов опроса в *Stories* и идентификации авторов комментариев позволяет отследить успехи обучающихся в освоении учебного материала.

Следует обратить внимание также на этический аспект использования «ВКонтакте» в группе обучающихся различных национальностей (Субботина, Климова, Кравченко 2020: 168). Поскольку «ВКонтакте» — социальная сеть открытого типа, в которой накоплен контент самого разного характера, в случае вероятности того, что та или иная публикация или история приведёт к конфликтной ситуации, необходимо заранее обговорить с обучающимися содержание размещаемого материала. Так как в цифровом мире информация, размещённая в социальной сети, может быть растиражирована и помещена в открытый доступ, в случае межнациональной группы имеет смысл, на наш взгляд, сделать аккаунт закрытым.

Несмотря на перечисленные сложности, организация дистанционного обучения в формате работы в профиле «ВКонтакте» обладает следующими преимуществами по сравнению с использованием традиционных электронных сред дистанционного обучения:

– *Доступность*: урок русского языка как иностранного можно провести в любое время (вне зависимости от часовых поясов), а присоединиться к нему может любой желающий (вне зависимости от места жительства / места пребывания). Обучающийся может выполнять задания, размещённые в профиле, а также просматривать видеоматериал, находясь в любой точке пространства.

– *Гибкость*: появляется возможность гибко управлять организацией занятия, соотнося контент, подлежащий размещению, с целями очередного занятия и планируя его наиболее эффективным способом.

– *Интегрируемость*: поскольку в настоящее время существует возможность непрерывного подключения к сети Интернет, преподаватель может совместить очное занятие и дистанционную работу в профиле в рамках одного занятия. Кроме того, запустив «Прямой эфир», преподаватель получает возможность трансляции очного занятия всем подписчикам профиля.

Отметим также, что в случае открытого профиля к размещённому материалу получает доступ любой пользователь сети «ВКонтакте». Это

может быть использовано для планирования контента таким образом, чтобы он способствовал укреплению позиций русского языка в мире и продвижению позитивного имиджа России в цифровом межкультурном пространстве.

4. Заключение

В статье предпринята попытка рассмотрения функционала социальной сети «ВКонтакте» для организации дистанционного обучения РКИ. На основании анализа архитектуры этой социальной сети мы разработали разнообразные задания, отвечающие различным целям обучения и предполагающие использование различных инструментов «ВКонтакте». Можно сделать вывод о высоком потенциале «ВКонтакте» в организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному, поскольку данная социальная сеть позволяет организовать работу над развитием умений в каждом виде речевой деятельности. Многие упражнения, традиционно проводимые аудиторно, могут быть интерактивно отражены в цифровой форме в профиле в данной социальной сети.

Кроме того, обучение с помощью «ВКонтакте» способно повысить мотивацию иностранных студентов, помещая их в открытый русскоязычный сегмент социальной сети и предоставляя реальный контекст для организации речевой деятельности.

В качестве перспективы дальнейшего исследования мы видим экспериментальную проверку эффективности разработанных способов организации обучения РКИ с помощью социальной сети «ВКонтакте», а также создание новых образовательных технологий с применением функционала «ВКонтакте».

Список литературы / References

Азитова Г. Ш., Азитова Г. Ш. О проблемах обучения иностранных учащихся с разным уровнем владения РКИ // Эпоха науки. 2019. № 19. С. 105–110. [Azitova, Gulsina Sh., & Azitova Gulsum Sh. (2019) O problemah obucheniya inostrannyh uchashchihsya s raznim urovnem vladeniya RKI (About the Problems of Teaching Foreign Students with Different Levels of Proficiency in RFL). *Epokha nauki* (The Age of Science), 19, 105–110. (In Russian)].

Белорукова М. В. Золотова М. В. Карпова Ю. Н. Повышение эффективности самостоятельной работы над лексикой в неязыковом вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 45. С. 137–147. [Belorukova, Mariya V., Zolotova, Marina V., Karpova, Yuliya N. (2019) Povysheniye effektivnosti samostoyatel’noy raboty nad leksikoy v neyazykovom vuze (Improving the Effectiveness of Independent Work on Vocabulary in a Non-linguistic University). *LUNN Bulletin*, 45, 137–147. (In Russian)].

Биккулова О. С. Ивкина М. И. Чат-бот в методике преподавания РКИ // Мир русского слова. 2021. № 1. С. 91–96. [Bikkulova, Olga S., & Ivkina, Marina I. (2021) Chat-bot v metodike prepodavaniya RKI (Chatbot in the Methodology of Teaching RFL). *The World of Russian Word Journal*, 1, 91–96. (In Russian)].

Борщик Д. В. Борщик Л. Н. Чиркова Л. Н. Особенности организации дистанционного обучения иностранному языку в высшей школе в условиях пандемии // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Дистанционные образовательные технологии ДОТ-2020». Ялта: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 33–35. [Borstchik, Darina V., & Borstchik, Ludmila N., & Chirkova, Lidia N. (2020) Osobennosti organizatsii distantsionnogo obucheniya inostrannomu yazyku v vysshey shkole v usloviyakh pandemii (Features of the Organization of Distance Learning of a Foreign Language in Higher Education in a Pandemic). *Sbornik materialov V Mezhdunarodno nauchno-prakticheskoy konferentsii "Distantsionnye obrazovatel'nye tekhnologii DOT-2020"* (Proceedings of V International Scientific-Practical Conference "Distance Learning Technologies DOT-2020"). Yalta: KFU im. V. I. Vernadskogo, 33–35. (In Russian)].

Головяшкина Е. С. Особенности межкультурной коммуникации при создании молодежного медиапроекта // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2020. Т. 13. № 6. С. 105–110. [Golovyashkina, Elena S. (2020) Osobennosti mezhkul'turnoy kommunikatsii pri sozdanii molodezhnogo mediaproyekta (Features of Intercultural Communication in the Creation of a Youth Media Project). *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti* (Theoretical and Applied Aspects of the Study of Speech Activity), Vol. 13, 6, 105–110. (In Russian)].

Гриднева Н. А., Владимирова С. М. Использование аутентичного песенного материала на начальном этапе обучения РКИ // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2020. № 2 (46). С. 62–74. [Grindeva, Natalya A., & Vladimirova, Svetlana M. (2020) Ispol'zovaniye autentichnogo pesennogo materiala na nachal'nom etape obucheniya RKI (The Use of Authentic Songs in Teaching Russian as a Foreign Language on A1-A2 Level). *Vestnik of Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences*, 2 (46), 62–74. (In Russian)].

Дзюба Е. В., Массалова А. Э. Игровые интерактивные технологии на уроках РКИ в системе профессионально ориентированного обучения // Педагогическое образование в России. 2019. № 2. С. 46–55. [Dzuba, Elena V., & Massalova, Alexandra E. (2019) Igrovyye interaktivnyye tekhnologii na urokakh RKI v sisteme professional'no oriyentirovannogo obucheniya (Interactive Gaming Technologies at RFL Lessons in the System of Professionally Oriented Training). *Pedagogical Education in Russia*, 2, 46–55. (In Russian)].

Дмитриева Е. Н., Курицына Г. В. Модернизация профессиональной педагогической подготовки учителя иностранного языка в современных условиях // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 108–122. [Dmitriyeva, Elena N., Kuritsyna Galina V. (2021) Modernizatsiya professional'noy pedagogicheskoy podgotovki uchitelya inostrannogo yazyka v sovremennykh usloviyakh (Modernization of

Professional Pedagogical Training of a Foreign Language Teacher in Modern Conditions). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 108–122. (In Russian)].

Дневная аудитория ВКонтакте выросла на 4 млн — до рекордных 50 млн пользователей [Электронный ресурс] // Пресс-служба ВКонтакте. URL: https://vk.com/press/users-monthly-activity. (дата обращения: 15.03.22) [Dnevnaya auditoria VKontakte virosla na 4 mln — do rekordnih 50 mln pol'zovateley (The Daily Audience of VKontakte Has Grown by 4 Million to a Record 50 Million Users) (2022, March 15). *Press-sluzhba VK* (VKontakte Press Service). Retrieved from https://vk.com/press/users-monthly-activity. (In Russian)].

Ивкина М. И. Варианты использования социальный сетей при обучении русскому языку как иностранному (на примере Instagram) // Преподаватель XXI век. 2019. № 2-1. С. 204–210. [Ivkina, Marina I. (2019) Varianty ispol'zovaniya sotsial'nyy setey pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere Instagram) (Case of Using Social Networks When Teaching Russian as a Foreign Language (on the Example of Instagram)). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2-1, 204–210. (In Russian)].

Ивкина М. И., Хамраева Е. А. История развития дистанционного обучения и современная практика обучения РКИ // Русский язык за рубежом. 2020. № 5. С. 27–33. [Ivkina, Marina I., & Hamraeva, Elena A. (2020) Istoriya razvitiya distantsionnogo obucheniya i sovremennaya praktika obucheniya RKI (The History of the Progress of Distance Learning and Modern Methods of Teaching Russian as a Foreign Language). *Russian Language Abroad*, 5, 27–33. (In Russian)].

Коняхина Л. М., Яковлева Л. В. К вопросу формирования языковой личности в контексте профессионально-ориентированной иноязычной вузовской подготовки // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 123–136. [Konyakhina, Liudmila M., Yakovleva, Lora V. (2021) K voprosu formirovaniya yazykovoy lichnosti v kontekste professional'no-oriyentirovannoy inoyazychnoy vuzovskoy podgotovki (The Development of the Linguistic Persona in the Context of Professionally Oriented University-Level Foreign Language Education). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 123–136. (In Russian)].

Литвиненко Т. Е. Старченко Т. Е. Видеоурок в поликультурном коммуникативном пространстве (на материале видеокурсов РКИ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 1. С. 158–165. [Litvienko, Tatiana E., & Starchenko, Tatiana E. (2019) Videourok v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve (na materiale videokursov RKI) (Video Lessons in Multicultural Communication Space (Based on the RFL Video Courses)). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 1, 158–165. (In Russian)].

Макшанцева Н. В., Банков А. С. Опыт создания массовых открытых онлайн-курсов (МООК): от идеи к результату // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. Вып. 38. С. 186–195. [Makshantseva, Natalia V., & Bankov, Andrey S. (2017) Opyt sozdaniya massovykh otkrytykh onlayn-kursov (MOOK): ot idei k rezul'tatu (Developing Massive Open Online Courses (MOOCS): Moving from the Idea to Its Practical Implementation). *LUNN Bulletin*, 38, 186–195. (In Russian)].

Макшанцева Н. В. Королева С. Б. Преподавание РКИ сквозь призму теории концепта: культура, ментальность, аспекты языка // Язык и культура. 2019. № 47. С. 231–244. [Makshantseva, Natalia V., & Koroleva, Svetlana B. (2019) Prepodavaniye RKI skvoz' prizmu teorii kontsepta: kul'tura, mental'nost', aspekty yazyka (Teaching Russian through the Prism of Concept Theory: Culture, Mentality, and Aspects of Language). *Language and Culture*, 47, 231–244. (In Russian)].

Нефедов И. В. Виртуальная образовательная среда в обучении РКИ: реальность и перспективы // Мир русского слова. 2019. № 4. С. 61–71. [Nefedov, Igor' V. (2019) Virtual'naya obrazovatel'naya sreda v obuchenii RKI: real'nost' i perspektivy (Virtual Educational Environment in RFL Teaching: Reality and Prospects). *The World of the Russian Word Journal*, 4, 61–71. (In Russian)].

Панченко Ю. Ю. Электронная коммуникативная проектная деятельность как одно из средств развития у обучающихся готовности к позитивному межличностному и межнациональному общению // Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы второго международного научно-образовательного форума, Нижний Новгород, 25–26 сентября 2018. Н. Новгород: НГЛУ, 2018. С. 149–154. [Panchenko, Yuriy Yu. (2018) Elektronnaya kommunikativnaya proyektnaya deyatel'nost' kak odno iz sredstv razvitiya u obuchayushchikhsya gotovnosti k pozitivnomu mezhlichnostnomu i mezhnatsional'nomu obshcheniyu (Electronic Communicative Project Activity as One of the Means of Developing Students' Readiness for Positive Interpersonal and Interethnic Communication). *Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost': Materialy vtorogo mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma, Nizhny Novgorod, 25–26.09.2018* (Language Policy and Linguistic Security: Proceedings of the Second International Scientific and Educational Forum, Nizhny Novgorod, September 25–26, 2018). Nizhny Novgorod: NGLU, 149–154. (In Russian)].

Сехпеян А. Б. Социальные сети на уроках РКИ как средство формирования межкультурной компетенции // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 11 (80). С. 28–31. [Sehpyan, Anait B. (2020) Sotsial'nyye seti na urokakh RKI kak sredstvo formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentsii (Social Networks in RFL Lessons as a Means of Forming Intercultural Competence). *Eurasian Union of Scientists Journal*, 11 (80), 28–31. (In Russian)].

Смирнова А. А., Шимичев А. С. Использование социальных сетей на занятиях по иностранному языку в средней школе // Педагогические и социологические аспекты образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 апреля 2018 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 225–227. [Smirnova, Anna A., Shimichev, Alexey S. (2018) Ispol'zovaniye sotsial'nykh setey na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku v sredney shkole (The Use of Social Networks in Foreign Language Classes in High School). *Pedagogicheskie i sotsiologicheskie aspekty obrazovaniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 25 aprelya 2018 g.)* (Pedagogical and Sociological Aspects of Education: Proceedings of International Scientific-Practical Conference (Cheboksary, April 25, 2018)). Cheboksary: ID "Sreda", 225–227. (In Russian)].

Субботина И. М., Климова Ю.А., Кравченко О. Н. Создание психологического комфорта на уроках РКИ // Казанский педагогический журнал. 2020. № 2. С. 167–171. [Subbotina, Irina M., Klimova, Yuliya A., & Kravchenko, Olga N. (2020) Sozdaniye

psikhologicheskogo komforta na urokakh RKI (Creating Psychological Comfort in RFL Lessons). *Kazan Pedagogical Journal*, 2, 167–171. (In Russian)].

Фещенко А. В. Социальные сети в образовании: анализ опыта и перспективы развития // Гуманитарная информатика. 2012. Вып. 6. С. 124–134. [Feshchenko, Artem V. (2012) Sotsial'nyye seti v obrazovanii: analiz opyta i perspektivy razvitiya (Social Networks in Education: Analysis of Experience and Development Prospects). *Humanities Informatics*, 6, 124–134. (In Russian)].

Четвертнова В. В. Проблемы мотивации студентов в Высшей школе // Universum: Психология и образование. 2018. № 5. С. 47–49. [Chetvertnova, Vera V. (2018) Problemy motivatsii studentov v Vysshey shkole (Problems of Motivation of Students in Higher School). *Universum: Psychology and Education Journal*, 5, 47–49. (In Russian)].

Fazliakhmetov, Timur R., Danilov, Andrew V., Muhutdinova, Gul'nur I., Tursunova, Nigina. B. (2020) Using Social Media in the Educational Process. *Информатика и образование* (Informatics and Education), 9 (318), 38–42.

Mariappan, Logenthini, Abu, Abdul, & Omar, Ainon. (2017) Facebooking for a More Lively Interaction in Literature Classroom. *Creative Education*, 8, 749–763. DOI: 10.4236/ce.2017.85056.

Novika, Marina. Урок РКИ на современном этапе [Электронный ресурс]. URL: https://profizgl.lu.lv/pluginfile.php/34976/mod_resource/content/0/urok_RKI.pdf. (дата обращения: 25.04.2021) [Novika, Marina (2021, April 25) Urok RKI na sovremennom etape (A Lesson in Russian as a Foreign Language at the Current Stage). Retrieved from https://profizgl.lu.lv/pluginfile.php/34976/mod_resource/content/0/urok_RKI.pdf. (In Russian)].

Pilař, Ladislav, Balcarová, Tereza, & Rojík, Stanislav. (2016) Farmers' Markets: Positive Feelings of Instagram Posts. *Acta Universitatis Agriculturae Et Silviculturae Mendelianae Brunensis*, Vol. 64, 6, 2095–2100.

Tiropanis, Thanassis, Davis, Hugh, Millard, Dave, & Will, Mark. (2009) *Semantic Technologies for Learning and Teaching in the Web 2.0 Era: a Survey of UK Higher Education*. Web Science Conference (Athens, March 2009).

Tuninga R. S. J., Seinen, I. B. J. (1995) *The Supply and Demand of Distance Education in Russia*. The World Bank, Bureau Cross.

Yuzhakova, Yuliya A. (2020) Linguistic Features of Texts (based on Russian, English and German texts on Instagram) // Актуальные проблемы современного общества. Язык, культура и технологии в изменяющемся мире: сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции молодых учёных (Новосибирск, 26–27 ноября 2020 года). Новосибирск: НГТУ, 2020. С. 143–148. [Yuzhakova, Yuliya A (2020) Linguistic Features of Texts (based on Russian, English and German Texts on Instagram). *Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva. Yazyk, kul'tura i tekhnologii v izmenyayushchemsya mire: sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh (Novosibirsk, 26–27 noyabrya 2020 goda)* (Topical Issues of Modern Society. Language, Culture and Techonologies in the Changing World: Proceedings of XVII International Scientific-Practical Conference of Young Scientists (Novosibirsk, November 26–27, 2020). Novosibirsk: NGTU, 143–148.]

УДК 378.4:811
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-141-157

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАТФОРМЫ *FLIPGRID* ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА (из опыта работы кафедры английского языка и профессиональной коммуникации НГЛУ им. Н. А. Добролюбова)

О. Б. Лукманова, Н. Ю. Валяева

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена опыту использования цифровой платформы *Flipgrid* для формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов бакалавриата НГЛУ им. Н. А.Добролюбова в период работы в формате распределенного университета, а также после перехода в очный формат. Подчеркиваются преимущества и недостатки работы с платформой. Приводятся комментарии студентов по результатам работы с платформой, полученные с помощью эмпирических методов исследования, таких как наблюдение, опрос, тестирование, анализ полученных данных. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью для преподавателя адаптироваться к постоянным изменениям в системе высшего образования и работать в ситуации неопределенности. В ходе исследования выделены потенциальные возможности для дальнейшего использования платформы *Flipgrid* в учебном процессе, поскольку цифровая трансформация высшего образования побуждает преподавателей искать новые методы, формы и ресурсы для работы со студентами и развития у них ключевых компетенций XXI века.

Ключевые слова: цифровая платформа; иностранный язык; студенты бакалавриата; *Flipgrid*; коммуникативная компетенция.

Цитирование: Лукманова О. Б., Валяева Н. Ю. Потенциал использования платформы *Flipgrid* для формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов бакалавриата (из опыта работы кафедры английского языка и профессиональной коммуникации НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 141–157. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-141-157.

The Potential of Using Flipgrid for the Development of Undergraduate Students' Foreign Language Communicative Competence

Olga B. Lukmanova, Nadezhda Yu. Valiaeva
N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the experience of using the Flipgrid digital platform to form and develop foreign language communicative competence of LUNN undergraduate students both during the pandemic as well as after the return to face-to-face instruction. The authors describe advantages and disadvantages of working with the platform and analyze their insights into students' experience with *Flipgrid*, obtained through empirical research methods, such as observation, survey, testing, and data analysis. The relevance of this study is dictated by the pressing need for modern educators to adapt to constant changes in the system of higher education and by their desire to work with maximum effectiveness even in situations with high levels of uncertainty. The study discusses potential possibilities for further use of the Flipgrid platform in the educational process, as the digital transformation of higher education pushes educators to look for new methods, forms, and resources in order to help students develop key professional competencies of the 21st century.

Key words: digital platform; foreign language; undergraduate students; Flipgrid; communicative competence.

Citation: Lukmanova, Olga B., Valiaeva, Nadezhda Yu. (2022) The Potential of Using Flipgrid for the Development of Undergraduate Students' Foreign Language Communicative Competence. *LUNN Bulletin*, 2 (58), 141–157. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-141-157.

1. Введение

Современное образование, как среднее, так и высшее, невозможно представить без использования цифровых инструментов — именно они предоставляют и преподавателям, и студентам новые возможности для общения, взаимодействия, обмена идеями, совместной работы над проектами. Активно внедряются новые формы и методы обучения, основанные на широком использовании информационно-коммуникационных технологий (Акатьев, Курицына 2019), а также широко применяются такие цифровые инструменты, как подкасты, мобильное обучение, социальные сети, блоги. В то же время процесс обучения практически невозможно представить без участия преподавателя, который направляет познавательную активность обучающихся. Грамотное сочетание аудиторной работы с преподавателем и внеаудиторной работы с привлечением цифровых ресурсов позволяет достичь наибольшей эффективности образовательного процесса.

Большинство студентов знакомы с применением видеотехнологий — они используют *Instagram Stories*, *Snapchat*, *TikTok*. Платформа *Flipgrid* представляет собой среду, в которой студенты могут чаще взаимодейство-

вать друг с другом, будучи одновременно активно включенными в образовательный процесс. Поскольку образовательная среда современного университета постоянно изменяется, предполагается, что преподаватели будут активно применять различные цифровые платформы и приложения в своей деятельности. Современные студенты являются представителями поколения «цифровых аборигенов» (*digital natives*), «общества тачскринов» (*screen-based society*) (Bencsik, Horváth-Csikós, Juhász 2016), поскольку их характеризует постоянное активное использование интернета и социальных сетей и, соответственно, различных устройств, обеспечивающих доступ к данным ресурсам; мобильное обучение рассматривается как перспективный подход, позволяющий дополнять академическое обучение студентов доступом к информационной сети, обучающим материалам и различным видам заданий (Обухова 2019). Следовательно, преподавателям необходимо учитывать возможность взаимодействия с данными студентами в наиболее комфортной для них среде. В связи с этим видится целесообразным использование возможностей цифровых ресурсов для организации как индивидуальной, так и групповой работы студентов. В рамках процесса внедрения электронных технологий в образовательную среду вуза интересным представляется исследование возможностей переноса традиционных заданий и форм работы в виртуальное пространство (Панченко, Кузнецова, Дубовская 2019). Кроме того, применение цифровых ресурсов способствует развитию одной из базовых компетенций XXI века — цифровой компетенции.

2. Материал и методы исследования

В качестве методов данного исследования были использованы наблюдение, анализ, опрос, анкетирование, тестирование студентов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В связи с началом пандемии в марте 2020 г. было объявлено о переходе университетов на распределенный режим работы, и занятия по практике языка в НГЛУ им. Н. А. Добролюбова стали проводиться преимущественно в форме конференций на платформе *Zoom* и заданий для самостоятельной работы в системе *Moodle*. В первые недели онлайн-обучения стало понятно, что, если работу по развитию навыков аудирования, чтения и письма относительно легко перенести в дистанционный формат, то ситуация с говорением вызовет значительные трудности. При очном формате обучения, даже при оптимальном раскладе (30 % говорения учителя на 70 % говорения студента) и максимальном использовании таких приемов увеличения времени говорения студента (*STT, student talking time*), как эф-

фективная подача нового материала, работа в парах и группах, организация обратной связи в парах, активное использование мимики и жестов и др. (Воронцова, Гришина, Кольцова 2019) среднее значение *STT* продолжает колебаться на уровне 55–60 %. Помимо чисто технических вопросов (наличие материально-технической базы, доступ к высокоскоростному интернету, адекватные физические условия для участия студента в занятиях, качество звука, видео и т. п.) при проведении занятий по практике иностранного языка в онлайн-формате объем и качество контактной работы с преподавателем и другими студентами неизбежно снижается, непосредственное участие в учебной беседе или наблюдение за ней заметно усложняется. Даже при работе в парах и группах (например, с помощью сессионных залов) преподаватель не может быстро и качественно реагировать на возникающие у студентов трудности (Лосева, Гозалова, Макарова 2019).

Соответственно, возникла острая необходимость в поиске и апробировании дополнительных инструментов для развития продуктивной устной речи, и после консультаций с российскими и зарубежными коллегами было решено в экспериментальном порядке использовать бесплатную онлайн-платформу *Flipgrid* (Motteram 2013; Stoszkowski 2018; Syafii 2019; Flipgrid 2020). Данная платформа позволяет обучающимся записывать небольшие видеоролики длиной от 1 до 10 минут на обозначенную тему, причем с возможностью для преподавателя устанавливать нужные временные параметры для каждого отдельного задания. Надо отметить, что студентам, курируемым кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации НГЛУ, и в обычном режиме работы регулярно предлагается записывать аудио- и видеоролики самых разных типов и жанров. Впоследствии ролики либо высылаются преподавателю, либо размещаются в личном блоге студента или канале *YouTube*, с тем чтобы другие преподаватели и студенты могли их посмотреть и прокомментировать. Тем не менее платформа *Flipgrid* в этом отношении имеет ряд преимуществ, так как:

– имеет качественные настройки конфиденциальности и несколько уровней безопасности, так что доступ к видеозаписям по каждому заданию предоставляется строго ограниченному кругу людей;

– повышает уровень развития рефлексии и саморефлексии, поскольку дает студентам и преподавателю возможность просматривать ролики (в том числе увеличивая или уменьшая скорость просмотра) и оставлять к ним комментарии в видеоформате, в письменном виде или в виде эмодзи;

– дает преподавателю возможность легко дублировать темы и задания (например, для того, чтобы дать одно и то же задание разным груп-

пам), а также скачивать видео, перемещать их, удалять, делать невидимыми, добавлять к ним субтитры и др.;

– повышает уровень компьютерной грамотности студентов, что является одним из ключевых факторов на современном этапе развития цифровизации высшего образования, помогает развивать умение создавать цифровой контент и участвовать в цифровом взаимодействии.

Первое задание на платформе (после перехода в режим распределенного университета 17 марта 2020 г.) студенты получили 1 апреля. Как показало наше исследование, к моменту окончания семестра в июне, например, в трех учебных группах 1, 2 и 4 курса специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» статистика работы с платформой была следующая: студенты 1 курса в рамках дисциплины «Практический курс английского языка (американский вариант)» записали 183 видео (1522 просмотра, 58 комментариев, 144,4 часа взаимодействия); студенты 2 курса в рамках дисциплины «Коммуникативная фонетика» записали 33 видео (452 просмотра, 49,7 часов взаимодействия); и студенты 4 курса в рамках курса «Практикум по культуре речевого развития (американский вариант английского языка)» записали 81 видео (451 просмотр, 48,1 часов взаимодействия). Студентам предлагалось записывать выученные наизусть отрывки или читать вслух печатные тексты для отработки произносительных и интонационных навыков, выполнять теневой повтор, делать пересказ текстов разного типа, а также записывать устные ответы на вопросы после прочтения текста или просмотра фильма, устные сообщения на заданную тему, устные сообщения по самостоятельно проработанным материалам и устные отзывы на задания, предложенные другими студентами или выполненные другими студентами. Опрос, проведенный среди студентов с целью выяснить их мнение о результативности использования *Flipgrid* в марте — июне 2020 г., показал, что в общем и целом они восприняли работу с платформой как попытку преподавателей дать им дополнительные возможности практики устной речи и оценили это решение как достаточно продуктивное, особенно ввиду того, что «в рамках дистанционного формата других возможностей не было», и это было, по словам студентов, полезным способом «разнообразить процесс обучения».

После возвращения к очным занятиям работа с платформой *Flipgrid* не закончилась, а напротив, расширилась и, по всей вероятности, будет развиваться дальше, особенно ввиду того, что функционал платформы постоянно растет и модернизируется, а задача максимально увеличить объем говорения студентов на иностранном языке неизменно остается одной из самых актуальных. Наиболее активно платформа использовалась со студентами очной формы обучения, обучающимися по специальности «Тео-

рия и методика преподавания иностранных языков и культур» (направление «Лингвистика»): с сентября по май 2020–2021 учебного года студенты одной группы 1 курса (15 человек) в рамках дисциплины «Практический курс английского языка (американский вариант)» записали 349 видео (16107 просмотров, 225 комментариев, 593,2 часа взаимодействия); общее время говорения в 30 предложенных студентам заданиях составило 593 ч. 12 мин., что само по себе увеличивает объем *STT* и, несомненно, положительно сказывается на общем уровне навыков устной речи. Для сравнения: студенты 4 курса (9 человек) в рамках курсов «Практикум по культуре речевого развития (американский вариант английского языка)» и «Устный перевод» (направление «Лингвистика») записали 49 видео (500 просмотров, 11 комментариев, 52,5 часа взаимодействия); студенты 4 курса специальности «Международные отношения» (35 человек) в рамках курсов «Практикум по культуре речевого развития» и «Перевод в сфере профессиональной деятельности» записали 87 видео (281 просмотр, 2 комментария, 48,3 часов взаимодействия).

Помимо уже перечисленных видов работы, на платформе *Flipgrid* студентам старших курсов в рамках соответствующих программ предлагалось выполнить устный последовательный перевод видеоролика, прослушать отзывы одногруппников на просмотренный фильм и прокомментировать наиболее яркий или противоречивый из них, представить отчет по книгам для индивидуального чтения, прокомментировать цитату, выполнить устный литературный анализ короткого рассказа, а также сделать критический обзор общественно-политической статьи с последующим аналитическим комментарием. Надо отметить, что последние три задания входят в программу курсовых экзаменов, и многократное выполнение их на платформе *Flipgrid* стало для студентов выпускного курса дополнительной подготовкой к государственной итоговой аттестации, хорошим способом отработать требуемый формат ответа и тем самым снять лишнее напряжение на экзамене.

Что касается студентов начального этапа обучения, то в рамках вводного фонетического курса им предлагались задания на отработку произносительно-интонационных навыков. В рамках нашего исследования даже чисто имитационные типы заданий всегда включали в себя работу с новой лексикой (например, монолог из фильма *V for Vendetta*, использовавшийся для отработки трудного для студентов звука [v]), освоение аутентичных коммуникативных моделей (например, при работе с материалами разговорного курса Кэролин Грэм *Small Talk*) или знакомство с прецедентными явлениями и текстами американской и британской культуры (например, при работе с песней о 50 штатах США, стихами Доктора Сюсса

(*Dr. Seuss*), со сказкой Марджори Уильямс *Velveteen Rabbit* и т. п.). Однако наряду с простыми имитационными заданиями (прослушать исходную аудио- или видеозапись, самостоятельно отработать нормативное произношение и интонацию, выучить аудиотекст наизусть и записать воспроизведение выученного на видео) студенты также получали комплексные задания с изначальной направленностью на коммуникативную составляющую устной речи. Например, им предлагалось самостоятельно выбрать прозаический или поэтический текст, обработать его с фонетической точки зрения (выделить проблемные гласные и согласные, известные студентам случаи ассимиляции, элизии и фонетического связывания, обозначить паузы, ударные слова, нужный интонационный контур и т. п.), а затем выразительно прочитать выбранный отрывок и записать свое чтение на видео. В дальнейшем студентам предлагалось прослушать запись одного из одногруппников (по выбору преподавателя), оставить устный комментарий к записи относительно понятности и выразительности услышанного, а затем записать услышанное в качестве диктанта, чтобы в дальнейшем, на очном занятии, сравнить записанное с оригиналом и обсудить получившийся результат с партнером и преподавателем.

В результате студенты не только отрабатывали практические слухопроизносительные навыки в коммуникативном контексте, но и тренировались в чтении, аудировании и письме, пополняли свой словарный запас, приобретали умение давать конструктивную и конкретную оценку чужой работы на английском языке и навыки продуктивной работы в парах и группах. В дальнейшем студентам предлагалось выполнять подобные комплексные задания с чтением или воспроизведением наизусть собственных текстов, составленных на заданную тему или по заданному формату (например, с использованием активного словаря, пунктуационных (а значит, и интонационных) правил), так что обратная связь, помимо вышеописанных аспектов, предполагала также целенаправленную работу с обозначенными языковыми и речевыми явлениями.

В качестве дополнительного упражнения студентам в рамках эксперимента предлагались также задания на многократное выполнение упражнения «теневой повтор» (*shadow repetition* или *shadowing*), которое обычно ассоциируется с преподаванием устного перевода (Fahey, Moura, Saarinen 2019). Однако, будучи универсальным упражнением, позволяющим повысить уровень языка в целом (Бубнова 2018), даже на младшем этапе обучения данное задание показало себя весьма эффективным для развития продуктивной устной речи, в том числе — через снятие коммуникативного барьера за счет достаточно быстрого улучшения произносительных навыков, уверенности в лексической и грамматической правильности произно-

симого текста, удовольствия от овладения аутентичным и релевантным языковым материалом (Pheeraphan 2013; Bialik, Fadel 2015). Помимо всего прочего, платформа *Flipgrid* позволила провести «марафон теневого повтора», когда на протяжении месяца студентам предлагалось выполнять это упражнение в течение 5–10 минут и следить за их прогрессом и результатами, что стало для студентов дополнительным дисциплинирующим и мотивационным фактором. По результатам тестирования, а также опроса студентов, у победителей марафона заметно улучшилось произносительное и интонационное оформление устной речи, ее беглость и грамотность, расширился словарный запас и появилась большая уверенность как при выступлении с подготовленной устной речью, так и при говорении без подготовки.

Еще одним дополнением к вариантам работы с платформой *Flipgrid* стали задания, направленные на отработку грамматических явлений и структур в продуктивной устной речи. Формирование грамматических навыков является одним из самых важных и трудных аспектов обучения иностранному языку (Рязанова 2012) и нередко, даже несмотря на базовое знание правил и сравнительно успешное выполнение письменных грамматических заданий разных типов, в продуктивной устной и письменной речи студенты нередко продолжают демонстрировать недостаточный уровень сформированности грамматических навыков (Holbeck, Hartman 2018). Поэтому одной из приоритетных задач является автоматизация изучаемых грамматических структур и грамматических моделей на меняющемся лексическом и тематическом материале, многократное устное повторение, включая задания на целевую отработку этих моделей в продуктивных видах речевой деятельности, когда студент осознает важность верного грамматического оформления его высказывания для решения конкретной коммуникативной задачи (Fatimah, Santiana, Saputra 2019).

С этой целью платформа *Flipgrid* неоднократно использовалась нами как своеобразное расширение аудиторных занятий, когда вместо того, чтобы выполнять простые упражнения на уроке (к примеру, направленные на автоматизацию конкретного навыка), студентам предлагалось сделать их самостоятельно, в устной форме или записывая выполнение упражнения на видео в реальном времени, без подготовки или предварительно выполнив его письменно (для более слабых студентов). Например, студентам предлагалось устно выполнить задания на преобразование прямой речи в косвенную, утвердительных предложений в вопросительные, преобразование предложений в активном залоге в предложения в пассивном залоге, а также имитативные упражнения и упражнения на перевод. По мере развития и совершенствования грамматических и речевых навыков опция пред-

варительного письменного выполнения грамматических упражнений уже не предоставлялась, и студентам предлагалось выполнять все упражнения устно, без предварительной подготовки, с максимально доступной для них скоростью.

В качестве примера коммуникативного упражнения, направленного на отработку конкретного грамматического навыка, можно привести интеллектуальную игру в «Данетки» (*Yes / No Situation Game*; см.: *https://yesnogame.net*), в процессе которой студенты автоматизируют умение задавать общие вопросы в коммуникативной ситуации, разворачивающейся в реальном времени, одновременно развивая общие аналитические способности, интуицию и латеральное мышление (Орлова 2017), умение прибегать к помощи воображения, перебирать варианты развития событий, выстраивать логические цепочки, задавать точные и релевантные вопросы (Basko, McCabe 2018). Предварительно студенты познакомились с правилами и процессом игры на очном занятии, задавая вопросы преподавателю, а потом и друг другу и получая немедленную обратную связь (в том числе и относительно правильности задаваемых общих вопросов), а затем парами и группами играли в эту игру на *Flipgrid*, оставляя друг другу необходимое число устных вопросов и ответов в удобное им время. Впоследствии некоторые студенты скомпилировали свои вопросы и ответы в единое видео (*Flipgrid* позволяет очень легко это делать), чтобы преподаватель и другие студенты могли увидеть весь процесс их продвижения к разгадке ситуации, и это, безусловно, значительно облегчило процесс обратной связи. Подобной игрой для тренировки всех типов вопросов, а также использования разных временных форм английских глаголов может стать, например, игра *Blip* (Mabuan 2017, 2018). В этом формате *Flipgrid* фактически дает студентам дополнительное время и возможность для отработки грамматических навыков в устной продуктивной речи в паре или в группе, в стимулирующих условиях интеллектуальной игры.

Опрос об эффективности платформы *Flipgrid*, проведенный среди студентов 1, 2 и 4 курсов в марте 2021 года, показал, что из 43 опрошенных только трое считают работу с платформой «бесполезной» или «нерезультативной», причем только один из этих трех ответов содержал пояснение, почему это так. Только один студент на вопрос: «Как Вам кажется, с какой целью ваши преподаватели ввели в процесс обучения работу с этой платформой?» ответил: «Не знаю». Остальные студенты отметили достаточно высокую эффективность платформы в качестве дополнения к очным занятиям, причем в числе основных ее преимуществ указали прежде всего значительно увеличившееся время личной практики устной речи, четко обозначили и сформулировали поставленные цели ее использования, в

числе которых студенты называли «развитие навыков говорения», «развитие умения подготовленной речи», «дать больше возможностей студентам говорить на английском языке», «практика аудирования и говорения», «мотивирование больше говорить на иностранном языке» и т. п.

Интересно, что те студенты, которые выше других оценили преимущества платформы и отметили, что в результате «качество выполнения заданий увеличилось», продемонстрировали более осознанное взаимодействие с помощью *Flipgrid* и в контексте общего процесса овладения иностранным языком (в том числе и в профессиональных целях — как известно, иностранный язык признается сегодня обязательным компонентом профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля). Широко и эффективно мыслящая, всесторонне развитая личность выступает как цель и результат образовательного процесса по иностранным языкам (Ариян 2021). Также студенты отмечали необходимость и важность самостоятельной работы и саморефлексии даже при отсутствии стопроцентной обратной связи от преподавателя: «весь учебный материал приходится более тщательно перерабатывать»; «можно со стороны смотреть, как мы говорим и где допускаем ошибки, чтобы понимать, где надо дорабатывать»; «это помогает лучше осваивать материал, так как ты не только сначала его сам прорабатываешь и записываешь ответ, но и можешь посмотреть на ответы своих одногруппников, почерпнув идеи и мысли, которые по какой-то причине упустил». Некоторые студенты подчеркнули возникшую необходимость более тщательно и структурированно работать над подготовленной и неподготовленной речью, «чтобы уметь кратко, четко и полно высказывать собственное мнение, укладываясь в строгие временные рамки», отметив важность этого профессионального умения в будущей работе.

Сохранение и доступность всех видеоответов на платформе позволяет студентам дополнительно просматривать свои и чужие видео (старые и новые). В опросе была попытка выяснить, насколько часто студенты пользуются этой возможностью и с какими целями. 56 % опрошенных (24 человека) ответили, что они «в основном записывают себя» (без дополнительного просмотра своего ответа и просмотра ответов других студентов); 19 % опрошенных (8 человек) записывают себя и слушают других; остальные в равной пропорции (по 2 человека) «в основном записывают и пересматривают себя», «в основном записывают и переслушивают себя и слушают других» и «в основном слушают других». Статистика *Flipgrid* позволяет увидеть, что количество повторных просмотров видеороликов весьма значительное, особенно среди первокурсников (на 1 курсе на 427 видео

приходится 16524 просмотра; на 2 курсе на 33 видео — 452 просмотра; на 4 курсе на 258 видео — 2034 просмотра).

К сожалению, на *Flipgrid* нет возможности отследить, кто именно и сколько раз просматривал конкретные видео; к тому же, ряд заданий напрямую предлагает студентам прослушать чужие ответы и дать свои комментарии. Известно, что 21 % опрошенных (9 чел.) никогда или почти никогда не пересматривают свои ответы и не смотрят чужие, другие же студенты просматривают собственные старые видеоответы «уже после рефлексии и обсуждения на очном занятии», чтобы «увидеть динамику своего прогресса» и «объективно оценивать свои успехи». Более половины опрошенных (23 человека) просматривают ответы одногруппников по собственной инициативе (нередко даже перед тем, как подготовить и записать свой ответ), в основном, в качестве опорной точки для своей работы и для последующей саморефлексии. С одной стороны, они делают это, «чтобы лучше понять формат задания», «чтобы вдохновиться / настроиться на нужный язык», «когда вопросы особенно трудные и … не хватает идей», «чтобы сначала послушать мысли других», «чтобы понять общий поток идей и обратить внимание на эти аспекты в своей работе», «чтобы понять структуру задания и инструкции, особенно когда пропустил урок» и т. п., а с другой — «чтобы услышать мнение других людей по интересующим вопросам, а также сравнить свой анализ текста с анализом одногруппников», «чтобы сравнить свое умение выступать перед камерой с другими», «это дает возможность увидеть свои ошибки и учиться на ошибках других, улучшает понимание» и т. п.

В то же время 16 человек из опрошенных ответили, что никогда или почти никогда не смотрят чужие видео по собственной инициативе, объясняя это отсутствием времени и / или интереса. Некоторые студенты смотрят чужие видео только после того, как сами выполнили задание, предпочитая формулировать свои мысли самостоятельно, без предварительного влияния со стороны, но при этом выражая интерес к мыслям и мнениям коллег. Ряд студентов предпочитает никогда не возвращаться к собственным видео («не люблю на себя смотреть») и работает на платформе «только потому, что задают» или «только потому, что понимаю, что это улучшает мой навык говорения». Таким образом, можно сделать вывод, что платформа *Flipgrid* дает студентам значительную свободу для следования их собственным предпочтениям в плане индивидуального стиля обучения и способов выполнения самостоятельной работы, предоставляя, но не навязывая дополнительные опорные точки и опции, давая возможность формирования индивидуальной образовательной траектории. При наличии обозначенного преподавателем минимума (инструкции к заданиям) у сту-

дентов есть возможность самостоятельно расширять свой диапазон работы на платформе, организовывать себе большее или меньшее взаимодействие с другими студентами и в большей или меньшей степени отслеживать и анализировать качество собственной работы, свой прогресс в овладении языком.

В качестве дополнительных преимуществ работы *с Flipgrid* опрошенные обозначили:

– возможность (в отличие от ситуации очного занятия) «для каждого высказать свое мнение по тому или иному вопросу» и делать это, с одной стороны, «не стесняясь слушателей», а с другой — преодолевая «страх перед публикой»;

– возможность расширить свои компетенции и улучшить навык публичных выступлений, «так как запись на видео является стрессовым фактором, и тем самым прокачивается устная речь»; возможность видеть себя со стороны, работать над своими ошибками, оценить свою манеру держаться, артикуляционные особенности, а также оценить в целом посыл выступления;

– новый коммуникативный опыт и интересный формат взаимодействия с другими студентами, возможность узнавать что-то новое и обмениваться мнениями;

– возросшую уверенность при работе с камерой, а также при выступлении перед живой аудиторией; возможность в дальнейшем применить эти умения в любой профессиональной сфере;

– возможность развивать общие коммуникативные навыки, слушать других, интересоваться их мнением, дальше и глубже развивать межличностные отношения;

– повысившуюся мотивацию учить язык и «желание совершенствоваться»;

– дополнительную мотивацию от здоровой конкуренции с одногруппниками («хочется ответить не хуже других, это мотивирует»).

Конечно, не все отзывы студентов о работе с *Flipgrid* были положительными. Помимо сложностей чисто технического характера некоторые студенты отмечали личный психологический дискомфорт, который они испытывают при аудио- и видеозаписи собственной устной речи, а также сложности с поддержанием личной мотивации, когда не все студенты группы регулярно работают с платформой. Однако наиболее значимыми и заслуживающими самого пристального внимания были комментарии отдельных студентов об отсутствии полноценной и качественной обратной связи от преподавателя: именно так один опрошенный первокурсник объяснил, почему работа с *Flipgrid* кажется ему бесполезной.

Безусловно, студенты первого курса еще не в полной мере обладают умениями и навыками самостоятельной работы и, в отличие от более опытных студентов старших курсов, еще не видят в отсутствии стопроцентной обратной связи «возможность тренировать навык говорения вне урока, ... не будучи зависимым от наличия учителя / носителя, и получать результат». Кроме того, одна из основных целей, которую ставили перед собой преподаватели в работе с платформой *Flipgrid,* состояла именно в том, чтобы увеличить объем и качество самостоятельной устной речи студентов, обеспечив более структурированную и обязательную подготовку к репродуктивной и продуктивной устной речи на очных занятиях. Одна из сложностей, связанных с полноценным формированием умений устной речи у студентов, неизменно связана с тем, что задания на самостоятельную подготовку устных ответов (будь то пересказ текста или ответ на те или иные вопросы) чаще всего выполняется студентами практически без задействования механизмов собственно устной речи (Creswell 2009; Koehler, Mishra, Kereluik, Shin, Graham 2014): студенты либо выполняют пересказ текста письменно, не всегда даже прочитывая его вслух, либо делают пересказ (а порой, как это ни парадоксально, даже фонетически-интонационные упражнения, где требуется выучить и воспроизвести монологический или диалогический текст) «про себя», без произнесения материала вслух. Соответственно, платформа *Flipgrid* должна была стать инструментом, обеспечивающим, по крайней мере, однократное воспроизведение устного задания (а чаще всего, многократное из-за желания студентов сделать свой видеоответ более качественно ввиду того, что его будет просматривать не только преподаватель, но и другие студенты), и в этом отношении она показала себя действительно эффективной.

Тем не менее, как показывает и уже имеющаяся практика, и первая рефлексия студентов над своим опытом работы с *Flipgrid*, этим цели и возможности использования платформы не исчерпываются, и предоставление более последовательной и объемной обратной связи, несомненно, является важной составляющей процесса обучения иностранному языку и входит в список приоритетных задач, которые необходимо решать при интерактивной работе с цифровыми технологиями (Melwani, Tay, Lim 2018). В апреле и мае 2021 г. было проведено два эксперимента по внедрению выборочного контроля и предоставлению первокурсникам обратной связи от преподавателя в разных форматах: в виде письменных комментариев к устному переводу предложений с русского языка на английский (комментарии включали все аспекты: фонетику, лексику, грамматику, культурологические особенности и т. п.), а также в виде устного комментария при

совместном просмотре видео на очном занятии во время специально организованной индивидуальной работы со студентами (видео прослушивается в наушниках преподавателем и студентом одновременно, комментарии делаются вслух). Сами студенты положительно оценили эффективность обоих методов и сам факт наличия обратной связи, хотя у обоих форматов есть свои преимущества и недостатки. Организовать устный комментарий для всех студентов на занятиях гораздо сложнее, но он дает возможность непосредственной интерактивной работы со студентом. Письменный комментарий дает возможность предоставить обратную связь вне занятия, но при этом занимает достаточно много внеаудиторного времени без какой-либо возможности убедиться в том, что студент его видел и принял к сведению. В дальнейшем планируется попробовать давать устные видеоотзывы на задания студентов с целью оценить их эффективность и трудоемкость.

Безусловно, какой бы ни была форма обратной связи, отдельный преподаватель при всем желании просто физически не может прослушать и качественно прокомментировать такой объем устных высказываний студентов. Поэтому в качестве возможных вариантов можно предложить, например, выборочную проверку выполненных заданий (выбранных случайно или целенаправленно), подключение к процессу волонтеров-тьюторов из числа успевающих студентов старших курсов и магистратуры соответствующего профиля, взаимную проверку студентами заданий друг друга (под контролем преподавателя) и качественное обучение такой проверке, а также создание системы официальных помощников преподавателей (*teacher assistants*) из числа магистрантов, обучающихся на педагогических специальностях, чтобы одновременно предоставить им дополнительную практику работы со студентами и обеспечить качественную оценку выполненных студентами заданий. Следовательно, рефлексия о максимальной эффективности использования платформы, а также конструктивное решение вышеупомянутого вопроса о предоставлении студентам качественной обратной связи представляются необходимым и продуктивным направлением для дальнейшей работы.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что *Flipgrid* благодаря своему образовательному потенциалу позволяет студентам развивать и совершенствовать такие важные компетенции, как коммуникативную и цифровую. Платформа интуитивно проста в использовании для современных студентов, поскольку принцип ее работы напоминает запись видеореакций на новостные сюжеты в *YouTube* или видеозаметок в *Snapchat*. Ожидается, что платформа будет использоваться студентами на постоянной основе для активизации практики устной речи, рефлексии и отслеживания

собственного прогресса. При комплексном использовании студенческих рефлексивных блогов и *Flipgrid* студенты смогут чаще и эффективнее взаимодействовать друг с другом, оценивать свой прогресс и прогресс одногруппников, а также участвовать в образовательных дискуссиях.

Список литературы / References

Акатьев Д. Ю., Курицына Г. В. Дистанционные технологии в организации контроля качества образования в вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 46. С. 138–146. [Akatiev, Dmitry Yu., Kuritsyna, Galina V. (2019) Distantsionnye tekhnologii v organizatsii kontrolya kachestva obrazovaniya v vuze (Distance Learning Technologies in Organizing Quality Control of University Education). *LUNN Bulletin*, 46, 138–146. (In Russian)].

Ариян М. А. Развитие критического мышления учащихся в контексте развивающего подхода к обучению иностранным языкам // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 3 (55). С. 128–141. [Ariyan, Margarita A. (2021) Razvitie kriticheskogo myshlenia uchashikhsya v kontekste razvivaushego podhoda k obucheniyu inostrannym yazykam (Developing Students' Critical Thinking in the Context of a Developmental Approach to Teaching Foreign Languages). *LUNN Bulletin*, 3 (55), 128–141. (In Russian)].

Бубнова А. С. Обучение устному переводу: теневой повтор как универсальное упражнение на подготовительном этапе // Перспективы науки и образования. 2018. № 5 (35). С. 171–178 [Bubnova, Anna S. (2018) Obuchenie ustnomu perevodu: tenevoy povtor kak universal'noe uprazhnenie na podgotovitel'nom etape (Teaching Interpretation: Shadow Repetition as a Universal Exercise at the Preparatory Stage). *Perspectives of Science and Education*, 5 (35), 171–178. (In Russian)].

Воронцова Е. В., Гришина А. С., Кольцова С. В. Увеличение STT как способ повышения эффективности обучения английскому языку студентов многопрофильного вуза // Мир педагогики и психологии. 2019. № 9 (38). С. 12–17. [Vorontsova, Evgenia V., Grishina, Anna S., Koltsova, Svetlana V. (2019) Uvelichenie STT kak sposob povysheniya effektivnosti obucheniya angliyskomu yazyku studentov mnogoprofil'nogo vuza (Increasing STT as a Way to Improve the Effectiveness of Teaching English to Students of Multidisciplinary Universities). *Mir pedagogiki i psikhologii* (The World of Pedagogy and Psychology), 9 (38), 12–17. (In Russian)].

Лосева Е. С., Гозалова М. Р., Макарова А. И. Проблемы дистанционного обучения иностранным языкам на ступени высшего образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. № 3 (28). С. 145–148. [Loseva, Elena S., Gozalova, Marina R., Makarova, Aleksandra I. (2019) Problemy distantsionnogo obucheniya inostrannym yazykam na stupeni vysshego obrazovaniya (Problems of Distance Learning of Foreign Languages at the Level of Higher Education). *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* (Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology), 3 (28), 145–148. (In Russian)].

Обухова Л. Ю. Мобильное обучение и ключевые навыки бакалавров // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 47. С.119–130. [Obukhova, Larisa Y. (2019) Mobilnoye

obuchenie I kluchevye navyki bakalavrov (Mobile Learning and Barchelors' Key Skills). *LUNN Bulletin*, 47, 119–130. (In Russian)].

Орлова А. Латеральное мышление: как научиться генерировать много идей и почему это важно [Электронный ресурс] // Futurist, 08.12.2017. URL: https://futurist.ru/articles/1286-lateralynoe-mishlenie-kak-nauchitysya-generirovaty-mnogo-idey-i-pochemu-eto-vazhno. (дата обращения: 05.05.2022). [Orlova, Anna. (2022, May 05) Lateral'noe myshlenie: kak nauchitsya generirovat' mnogo idey i pochemu eto vazhno (Lateral Thinking: How to Learn to Generate a Lot of Ideas and Why It Is Important). *Futurist*, 08.12.2017. Retrieved from https://futurist.ru/articles/1286-lateralynoe-mishlenie-kak-nauchitysya-generirovaty-mnogo-idey-i-pochemu-eto-vazhno. (In Russian)].

Панченко Ю. Ю., Кузнецова П. М., Дубовская О. А. Портфолио в социальной сети как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов бакалавриата // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 48. С. 219–229. [Panchenko, Yury Y., Kuznetsova, Polina M., Dubovskaya, Olga A. (2019) Portfolio v sotsial'noy seti kak sredstvo formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov bakalavriata (Electronic Language Portfolios in Social Networks as a Tool for Building the Communicative Competence of Undergraduate Students). *LUNN Bulletin*, 48, 219–229. (In Russian)].

Рязанова Е. А. Формирование грамматических навыков речи в целях обучения иностранному языку в языковом вузе // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. 2012. № 9. С. 153–156. [Ryazanova, Elena A. (2012) Formirovanie grammaticheskikh navykov rechi v tselyaykh obucheniya inostrannomu yazyku v yazykovom vuze (Formation of Grammatical Skills of Speech in Order to Teach a Foreign Language in a Language University). *Bulletin of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin*, 9, 153–156. (In Russian)].

Basko, Lynn, McCabe, Crystal. (2018) Keeping Your Sanity while Keeping Your Students: How Teacher Engagement Can Increase Student Persistence When Teaching Students during Their First College Course. *Journal of Instructional Research*, 7, 119–123.

Bencsik, Andrea, Horváth-Csikós, Gabriella, & Juhász, Timea. (2016) Y and Z Generations at Workplaces. *Journal of Competitiveness*, 8 (3), 90–106. DOI: 10.7441/joc.2016.03.06.

Bialik, Maya, Fadel, Charles. (2015) *Skills for the 21st Century: What Should Students Learn?* Boston: Center for Curriculum Redesign.

Creswell, John W. (2009) *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches* (3rd ed.). California: Sage Publications Inc.

Fahey, Sean, Moura, Karly, Saarinen, Jennifer. (2019) *The Educator's Guide to Flipgrid*. Retrieved from https://static.flipgrid.com/docs/Flipgrid_eBook_2nd_edition.pdf.

Fatimah, Asri S., Santiana, Santiana, Saputra, Yuyus. (2019) Digital Comic: an Innovation of Using ToonDoo as Media Technology for Teaching English Short Story. *English Review: Journal of English Education*, 7 (2), 101–108. DOI: 10.25134/erjee.v7i2.1526.

Flipgrid. (2020) (2020, January 06) *Getting Started with Flipgrid*. Retrieved from http://blog.flipgrid.com/gettingstarted.

Holbeck, Rick, Hartman, Jillian. (2018) Efficient Strategies for Maximizing Online Student Satisfaction: Applying Technologies to Increase Cognitive Presence, Social Presence,

and Teaching Presence. *Journal of Educators Online*, 15 (3). Retrieved from https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1199226.pdf.

Koehler, Matthew J., Mishra, Punya, Kereluik, Kristen, Shin, T. S., Graham, Charles R. (2014) The Technological Pedagogical Content Knowledge Framework. *Handbook of Research on Educational Communications and Technology*: Fourth Edition, 101–111. DOI: 10.1007/978-1-4614-3185-5.

Mabuan, Romualdo A. (2017) Developing ESL/EFL Learners' Public Speaking Skills through Pecha Kucha Presentations. *English Review: Journal of English Education*, 6 (1), 1–10. DOI: 10.25134/erjee.v6i1.765.

Mabuan, Romualdo A. (2018) Using Blogs in Teaching Tertiary ESL Writing. *English Review: Journal of English Education*, 6 (2), 1–10. DOI: 10.25134/erjee.v6i2.1238.

Melwani, Mohamed, Tay, Lee Y., Lim, Cher P. (2018) Digital Storytelling as a Pedagogy to Develop Literacy and Twenty-first Century Competencies in a Singapore Primary School: Teachers as Designers. *Mobile Technologies in Children's Language and Literacy*, 67–81. DOI: 10.1108/978-1-78714-879-620181005.

Motteram, Gary. (ed.) (2013) *Innovations in Learning Technologies for English Language Teaching*. London: British Council.

Pheeraphan, Nutteerat (2013) Enhancement of the 21st Century Skills for Thai Higher Education by Integration of ICT in Classroom. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 103, 365–373. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.10.346.

Stoszkowski, John. (2018) Using Flipgrid to Develop Social Learning Using Flipgrid to Develop Social Learning. *Compass Journal of Learning and Teaching*, 11 (2). DOI: 10.21100/compass.v11i2.786.

Syafii, Muhammad L. (2019) Improving Students' Speaking Skill by Using Multimedia Presentation Strategy. *English Review: Journal of English Education*, 7 (2), 125–132. DOI: 10.25134/erjee.v7i2.1690.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-158-162

УСТНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПЕРЕВОД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИНГВОСЕМИОТИКИ

Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Рецензия на работу: *Французова А. Д.* **Коммуникативные неудачи в устном судебном переводе: лингвосемиотический аспект (на материале шведского и русского языков)**: Дис. … канд. филол. наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Архангельск, 2021. 234 с.

Диссертация А. Д. Французовой посвящена теме, которая в последнее время предопределяет значительный интерес в научном мире, как в России, так и за рубежом. Исследования в области устного перевода обладают большим потенциалом и широким спектром неизученных, но вместе с тем важных научных вопросов. На сегодняшний день в России подавляющее большинство научных работ по переводоведению посвящено письменному переводу, а устный перевод представлен в большинстве своем изучением практик конференц-перевода, вопросов качества перевода, компетенций и компетентности переводчика, а также вопросов дидактического характера. Именно поэтому исследовательский интерес А. Д. Французовой к проблемам изучения особой формы устного перевода, а именно — устного перевода в ходе судебного заседания, представляет большую ценность и интерес для научного сообщества, а также для практикующих переводчиков.

Актуальность избранной темы не вызывает сомнений еще и потому, что обеспечение качественного перевода во время судебного слушания является реализацией принципа языка судопроизводства. Это один из основополагающих принципов в любом правовом государстве, как справедливо отмечает автор. Именно вопросы обеспечения прав и свобод населения обосновывают большой практический интерес к изучению устного судебного перевода не только в лингвистике и переводоведении, но также в юриспруденции и смежных дисциплинах. Это значит, что результаты ис-

следования несут практическую значимость для представителей всех вышеупомянутых отраслей знаний и помогут вывести в России ремесло судебного переводчика на кардинально новый профессиональный уровень и получит признание со стороны юридического сообщества.

Значимость исследования обусловливается также тем, что в диссертации не просто описана и проанализирована деятельность переводчика. Объектом исследования являются коммуникативные неудачи, наблюдаемые в устном судебном переводе. А. Д. Французовой удалось представить типологию причин возникновения коммуникативных неудач и сделать выводы относительно лингвосемиотических параметров рассматриваемого в диссертации явления в контексте устного перевода звучащего судебного дискурса (раздел 1.3.1 и Выводы по главе 1).

Диссертационная работа А. Д. Французовой является целостным, самостоятельным научным исследованием, отличающимся своей новизной. Автор впервые в российской научной традиции обращается к рассмотрению устного судебного перевода через призму лингвосемиотики. Проанализировав обширный научный материал в области теории и практики перевода, лингвосемиотики, коммуникативистики, теории языка и речи, автор убедительно аргументирует методологическую систему, составившую прочный фундамент исследования.

Импонирует обширный материал исследования, представленный аутентичными цифровыми аудиозаписями судебных заседаний, проходивших в девяти судах первой инстанции общей юрисдикции в Швеции. Уникальность материала, составляющего базу практической части исследования, в совокупности с его детально проработанным системным анализом также обусловливает новизну данной работы.

В диссертационном исследовании структурированы и обобщены подходы к изучению устного перевода (разделы 1.1 и 1.2), раскрыты ключевые понятия интегративного моделирования процесса перевода (раздел 1.3), сформулированы характеристики устности и психо-когнитивных аспектов как констант перевода (разделы 1.3.1 и 1.3.2).

Инновацией исследования А. Д. Французовой является обоснование понятия судебного дискурса (раздел 1.3.3) и нормативно-правовых основ переводческой деятельности (разделы 1.3.4 и 1.3.5) в качестве факторов, влияющих на процесс перевода.

Теоретическая значимость проведенного исследования судебного дискурса в качестве фактора, влияющего на процесс перевода, заключается в том, что автор обобщает и уточняет те характеристики судебного дискурса, которые связаны как с отправителем, так и с получателем текста (раздел 1.3.3) и важны для процесса перевода. Это поддерживает позицию

автора в отношении «очеловечения» переводческой деятельности, т. е. включения антропоцентрических аспектов в модель перевода. Переводчик также является создателем дискурса, и даже пассивное участие аудитории в ходе заседания суда оказывает влияние на всех участников коммуникации. Автор рецензируемого исследования доказывает, что большую роль в предпереводческом анализе дискурса играет установление ключевых характеристик, таких как институциональность дискурса, агональность коммуникации, асимметричность коммуникативных ролей, средств управления дискурсом и т. д.

В работе убедительно доказано непосредственное влияние на процесс перевода правил и законов, распространяющихся на деятельность переводчика. К такому выводу автор приходит на основании скрупулезного анализа нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность устного переводчика (разделы 1.3.4 и 1.3.5), а также на основании анализа языкового материала — аутентичных судебных диалогов с участием квалифицированных переводчиков (глава 2).

А. Д. Французова устанавливает, что нормативные акты и кодекс этики устного переводчика ограничивают выбор стратегии и тактики перевода, поскольку они предписывают точную и полную передачу информации, запрет на выражение собственного мнения и ценностей, запрет на добавление, опущение или иное изменение содержания исходного текста. Посредством анализа языкового материала А. Д. Французова последовательно разграничивает понятия «коммуникативная неудача» и «переводческая ошибка» в отношении судебного перевода, в котором процесс перевода находится под гнетом нормативных правил. В устном судебном переводе переводчик зачастую вынужден сделать выбор в пользу «буквальности» и в ущерб реализации коммуникативных целей и экспликации скрытых смыслов высказывания говорящего. Считаю необходимым отметить инновационность такого подхода автора к рассмотрению понятия «переводческая ошибка».

К ценным выводам можно отнести утверждение автора об опосредованности влияния на выполнение перевода нормативно-правовых аспектов работы судебного переводчика. А. Д. Французова обобщает и систематизирует наблюдаемые признаки, выделяя психологические аспекты (ответственность за качество перевода; потенциально неограниченная аудитория и т.д., см. разделы 1.3.4 и 1.3.5), технические аспекты (работа через микрофон и наушники; работа в системе удаленного синхронного видеоперевода), форму работы переводчика (включая навыки устно-устного перевода в форме синхронного, последовательного, а также перевода с листа и работу в тандеме).

Исследование интересно тем, что проводится через призму лингвосемиотики, в которой принято выделять три основных измерения (семантика, синтактика и прагматика). Новаторской представляется позиция автора в отношении устности и включение данной константы перевода в лингвосемиотический анализ посредством расширения традиционной триады и включения дополнительного аспекта реализации знака – перцептики (разделы 1.5.1 и 2.4). В преломлении к устному переводу автором предложено рассматривать перцептику в качестве первостепенного измерения семиозиса.

Автором сформулированы неординарные выводы по нескольким параметрам.

В измерении «перцептика» особое внимание рекомендуется уделить случаям гетеронимии (межъязыковой паронимии). На основе анализа языкового материала А. Д. Французова делает важное уточнение: ошибочный выбор лексемы в тексте перевода не всегда влечет за собой возникновение коммуникативных неудач на стадии восприятия перевода реципиентом (раздел 2.1).

В семантическом измерении семиозиса отмечаются наиболее частотные коммуникативные неудачи в связи с интерпретацией лексики, которые могут возникать при переводе не только юридической терминологии, но и другой специальной терминологии, а также общеупотребительной лексики. Акцентируется важность фактора реципиента, т. е. важность дифференциации статуса получателя сообщения / отнесенности к категориям «субъект-юрист» или «субъект-неюрист» (раздел 2.2).

В измерении «синтактика» А. Д. Французова выдвигает и аргументирует типологию причин, приводящих к возникновению коммуникативных неудач (раздел 2.3).

И в последнем, но не менее важном измерении семиозиса — прагматике — автору удается установить три наиболее типичные причины коммуникативных неудач: несовпадение интенций коммуникантов, несовпадение картины мира и различия между языковыми личностями коммуникантов (раздел 2.4).

Творческая оригинальность этой части работы состоит в том, что автор подмечает и объясняет взаимозависимость семиотических измерений в связи с возникновением коммуникативных неудач.

Во второй главе автор успешно иллюстрирует примерами из устного судебного перевода — и на шведском, и на русском языке — свой вывод о том, что коммуникативные неудачи могут появляться как изолированно, будучи ограниченными одним измерением семиозиса, так и в многомерной структуре, где задействованы два или более измерений.

Заслугой автора можно считать подробный анализ фрагментов из судебной практики (84 примера), включающих реплики участников коммуникации в их диалоговой интеракции. А. Д. Французова рассматривает многочисленные примеры, иллюстрирующие наличие коммуникативных неудач, исследует причины их возникновения, сопровождая свои рассуждения описанием переводческих действий, представлением расширенного лингвистического и юридического комментария. В работе представлены важные выводы о возможности или невозможности предотвращения коммуникативных неудач, принятии альтернативных переводческих решений и др.

Вполне очевидно, полученным важным результатам исследовательской работы способствовали правильно выбранный теоретический и эмпирический материал, верные методологические подходы, комплексный и системный анализ исследуемой проблемы, солидная репрезентативность литературы на английском, немецком и шведском языках, корректные репрезентативные данные исследований.

Широкая эрудиция в ряде смежных областей научного знания, особенно в сфере юриспруденции, позволяет автору перейти к интегративному знанию на стыке научных дисциплин. Осуществленное на высоком уровне сопоставление лингвистических и юридических норм и практик открывает новый горизонт осмысления ситуаций устного судебного перевода, что, в свою очередь, дает возможность А. Д. Французовой применить комплексный и систематический подход к включению и тщательному анализу всех тех факторов, которые напрямую или опосредованно влияют на процесс перевода и на принятие переводческих решений. Считаем удачной попытку автора использовать междисциплинарность не только в русле выбора интегративной модели перевода как основной методологии исследования, но также посредством применения интегрированного междисциплинарного знания, с тем чтобы полно и всесторонне изучить выбранный объект исследования.

В заключение отметим, что углубленное видение и понимание коммуникативных неудач поможет в решении задач улучшения и контроля качества перевода, в разработке образовательных и тренировочных программ для будущих судебных переводчиков и руководства по работе в суде при участии переводчика для сотрудников судебно-правовой системы.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-163-168

О СПЕЦИФИКЕ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Т. Н. Федуленкова[1], В. В. Калиновская[2], А. В. Валуева[3]

[1,3]Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия
[2]Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Рецензия на учебное пособие: *Иванищева О. Н.* **Прикладная лингвистика**. Москва: Русайнс, 2021. 235 с.

В науке пока еще не достигнуто единое понимание феномена «прикладная лингвистика». Понятие «прикладная лингвистика» выделяется на фоне других разделов современного языкознания — теоретического и практического языкознания. Если теоретическое языкознание изучает язык в его системной ипостаси, в его языковых единицах и отношениях между ними, включая правила их сочетания, языковые категории и т. д., а практическое языкознание изучает конкретные языки, то прикладное языкознание направлено на разработку и использование лингвистических знаний и данных применительно к практическим потребностям человеческого общества (Дубичинский 2015: 156). Как указывает А. С. Герд, прикладная лингвистика призвана решать различные социально значимые прикладные задачи (Герд 2005: 5).

Традиционно выделяется широкое и узкое понимание прикладной лингвистики. Широкая интерпретация термина «прикладная лингвистика» предполагает деятельность человека, направленную на использование знаний о структуре и функционировании языка в научных дисциплинах нелингвистического свойства, а также в различных областях практической активности человека, равно как и научное / теоретическое осмысление такой активности. Узкая интерпретация этого термина применяется только к одной сфере деятельности, например в методике преподавания языков (Баранов 2007: 78). В целом все прикладные аспекты лингвистики фокусируются на единой проблеме — проблеме обработки информации, функционирующей в обществе.

Направления прикладной лингвистики принято выделять в зависимости от характера задач, которые ставятся исследователями, где язык «поворачивается» к ученому разными сторонами, или функциями: познавательной, коммуникативной, социальной и др. Так, познавательная функ-

ция языка обращает исследователей к развитию лексикографии, коммуникативная — к развитию переводоведения, социальная — к развитию социолингвистики (Баранов 2007: 79–80). Обычно выделяют следующие направления прикладной лингвистики: социолингвистика, психолингвистика, коммуникативная лингвистика (теория коммуникации), когнитивная и антрополингвистика, лингвокультурология, структурная и математическая лингвистика, компьютерная лингвистика, терминоведение и терминография, лексикография, преподавание языков, переводоведение, языковая кодификация, теория письма, обработка текстовой информации и, наконец, интерлингвистика (Дубичинский 2015).

В целом выделение аспектов прикладной лингвистики сосредоточивается на междисциплинарных областях. Интеграция лингвистики с точными науками (физика, математика, информатика) позволяет выделить такие направления, как, например, физическая, математическая, компьютерная лингвистика; на стыке биологии (медицины) и лингвистики выделяется биологическая (медицинская) лингвистика и т. д. (Батюшкина 2016: 40).

Как правило, в рамках прикладной лингвистики разрабатываются модели, которые ориентированы на конкретные подъязыки. Автор рецензируемого пособия акцентирует внимание на таких моделях лингвистического представления знания, как когнитивная модель, информационно-технологическая модель, модель социального менеджмента, квантитативная, дидактическая, эпистемическая, экспертная модели. Выявление и определение моделей дифференцирует зону проблематики конкретных научных дисциплин в рамках прикладной лингвистики: эпистемической моделью занимается лексикография (типология словарей), экспертная модель — это зона юрислингвистики (судебная лингвистическая экспертиза), информационно-технологическая — зона компьютерной лингвистики (электронные ресурсы, поисковые системы, глоссарии, электронные библиотеки и переводчики), модель социального менеджмента — это односистемная интеграция речевых стратегий и практик в области деловой коммуникации, квантитативная модель — это основы стилеметрии (язык и стиль автора, его речевой портрет), дидактическая модель обслуживает студентов и абитуриентов в рамках представления узловых моментов современного лингвистического знания, когнитивная модель — это модель получения, хранения и трансляции знания (Шестак 2012).

В образовательном процессе понимание предмета и содержание курса «Прикладная лингвистика» имеет свою специфику. Так, широкое (научное) понимание прикладной лингвистики в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования 45.03.03 и 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» (уровень бакалавриата и

магистратуры) сужается до изучения электронных языковых ресурсов (лингвистические корпусы, словари, тезаурусы, антологии, базы данных и базы знаний) и лингвистических технологий, применяемых в электронных системах различного назначения (поисковых системах, системах машинного перевода, системах управления, системах обработки звучащей речи, экспертных системах, электронных языковых ресурсах).

Среди учебных пособий по прикладной лингвистике в первую очередь автор отмечает учебник Санкт-Петербургского государственного университета (Прикладное языкознание 1996), приветствуя такие достоинства этого издания — в отличие от предыдущих пособий с их сосредоточенностью на процедурных и технологических сторонах работы с техническими средствами, — как а) концентрация внимания на актуальных прикладных вопросах филологического и, гораздо шире, общегуманитарного характера и, что немаловажно, б) инновационные методы их решения, учитывающие антропоцентричность и полипарадигмальность современной науки.

Вполне релевантной поэтому считается представленность в этом учебнике таких аспектов прикладной лингвистики, как орфография и теория письма, орфоэпия и вопросы культуры речи, проблемы искусственного интеллекта и моделирования языка, базовые вопросы психолингвистики и лингвистической прагматики, вопросы работы с информационно-поисковыми системами, проблемами лексикографии и машинного перевода, а также стилеметрии.

По сравнению с упомянутым учебником по прикладному языкознанию Санкт-Петербургского государственного университета в учебном пособии А. Н. Баранова «Введение в прикладную лингвистику» (Баранов 2001) студентам предложено изучение следующих функций языка, тесно связанных с прикладным аспектом лингвистики: а) когнитивной функции, б) эпистемической функции, в) коммуникативной функции языка (как средства передачи информации), г) социальной функции. С одной стороны, в пособии отражены накопленные знания по базовым направлениям прикладной лингвистики в области классических дисциплин (компьютерная лингвистика, машинный перевод, информационно-поисковые системы, лексикография, терминоведение и терминография, методика преподавания языка, теория перевода). С другой стороны, представлены и новейшие специальности, получившие развитие в последние два-три десятилетия, начиная с 1990-х гг., а именно: политическая лингвистика, лингвистические аспекты нейролингвистического программирования, корпусная лингвистика, теория речевого воздействия. Пристальный взор автора фокусируется на

методах исследования, порожденных развитием каждого из перечисленных направлений современного языкознания.

В учебном пособии рассматриваются и проблемы взаимовлияния прикладной и теоретической лингвистики. Такой же подход к представлению материала по курсу «Прикладная лингвистика» читатель найдет и в более поздних учебных пособиях. Так, Н. Г. Склярова исходит из тех же функций языка, что и А. Н. Баранов, описывая более подробно компьютерную и корпусную лингвистику как особые аспекты прикладной лингвистики (Склярова 2016).

Главная особенность учебного пособия профессора О. Н. Иванищевой состоит в том, что рассмотрение проблем прикладной лингвистики в нем соотнесено с современными тенденциями развития гуманитарного знания — в русле антропоцентрической полипарадигмальности.

Как известно, история развития прикладной лингвистики, а точнее прикладных сфер языкознания, демонстрирует ее соответствие не только потребностям человеческого общества, но и вызовам научно-технического прогресса. В современную эпоху важное значение приобретают еще и проблемы, связанные с глобализацией. Одним из негативных последствий глобализации является исчезновение языков и культур. Новаторский подход автора настоящего пособия заключается в том, что проблемы и методы прикладной лингвистики рассматриваются на материале одного из интереснейших языков коренного малочисленного народа Севера — кильдинского саамского языка, который, в соответствии с данными интерактивного атласа исчезающих языков, выпущенного ЮНЕСКО, причисляется к группе исчезающих языков (*severely endangered*). Специфика процесса сохранения и ревитализации такого языка и культуры во многом связана с фиксацией языковых данных, в связи с чем подчеркнем важность, неоценимость вклада профессора О. Н. Иванищевой в эту кропотливую многотрудную работу.

Другая актуальная проблема современной цивилизации, дискутируемая в рецензируемой книге, — это проблема коммуникации. Интерес к воздействующей, волюнтативной функции языка в современную эпоху объясняется автором возросшей ролью социальных медиа, особенностями политического менеджмента, тенденцией к возрастающей интолерантности в современных миграционных процессах. Автор убедительно доказывает, что в большей степени агрессивные коммуникации проявляются в вербальной форме, в частности в употреблении инвективной лексики.

Ценность настоящего пособия состоит и в том, что оно посвящено не только проблемам прикладной лингвистики, особенно значимым в современную эпоху, но и актуальным методам решения этих проблем.

Неординарной считаем авторскую идею о том, что проблема сохранения и ревитализации исчезающих языков, в числе прочих методов и приемов, может быть решена в рамках создания словаря-тезауруса. Одновременно с этой работой автор предлагает решать проблемы специфики подходов к исследованию лексики таких языков.

Несомненный интерес представляют предложения автора о совершенствовании методики проведения судебной лингвистической экспертизы по делу об оскорблении — вопрос, который до сих пор остается дискуссионным, несмотря на многочисленные разработки в этой области. В настоящем пособии уточняется процедура обнаружения инвективности лексики в рамках проведения лингвистической экспертизы.

Особый интерес у читателя вызывает глава 4 об экспертной деятельности лингвиста, которая содержит материалы авторских университетских курсов О. Н. Иванищевой и основывается на ее многолетнем опыте в сфере проведения экспертиз в качестве лингвиста-эксперта.

Содержание рецензируемого учебного пособия полностью соответствует федеральным государственным образовательным стандартам по направлениям 45.03.03 и 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» и, несомненно, будет способствовать реализации подготовки специалистов в таких областях профессиональной деятельности, как фундаментальные и формальные исследования в области лексикологии (гл. 1), лексикографии (гл. 2) и социолингвистики (гл. 3), а также к такому виду профессиональной деятельности, как экспертно-аналитическая (гл. 4).

Подведение итогов каждой главы в виде резюме придает четкость структуре книги и способствует более осмысленному восприятию ее содержания. В резюме обобщаются проблемы данной прикладной науки, представленной в соответствующей главе, а также выделяются методы и приемы, актуальные для анализа языкового материала. Вполне очевидно, что в задачу данного пособия не входит анализ всех проблем и методов современного прикладного языкознания: автор считает необходимым сосредоточиться на тех проблемах и методах, в рамках которых проводились конкретные научные и методические разработки.

В конце каждой главы пособия предлагаются список литературы для самостоятельного изучения определенной программой темы, вопросы для обсуждения и контрольно-измерительные материалы — все, что поможет студентам подготовиться к практическим и семинарским занятиям по

предмету, а преподавателю сэкономит значительную часть времени для творческой работы.

Список литературы / References

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. [Baranov, Anatoliy N. (2001) *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* (Introduction to Applied Linguistics). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].

Баранов А. Н. Что изучает прикладная лингвистика? // Русский язык в школе. 2007. № 2. С. 78–82. [Baranov, Anatoliy N. (2007) Chto izuchaet prikladnaya lingvistika? (What Does Applied Linguistics Study?). *Russkij yazyk v shkole*, 2, 78–82. (In Russian)].

Батюшкина М. В. Некоторые общие замечания о направлениях прикладной лингвистики // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 40–43. [Batyushkina, Marina V. (2016) Nekotorye obshchie zamechaniya o napravleniyah prikladnoj lingvistiki (Some General Remarks about the Directions of Applied Linguistics). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 3 (12), 40–43. (In Russian)].

Герд А. С. Прикладное терминоведение в его отношении к терминоведению и прикладной лингвистике // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2005. № 7. С. 1–6. [Gerd, Aleksandr S. (2005) Prikladnoe terminovedenie v ego otnoshenii k terminovedeniyu i prikladnoj lingvistike (Applied Terminology in Its Relation to Terminology and Applied Linguistics). *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, 7, 1–6. (In Russian)].

Дубичинский В. В. Основные направления прикладной лингвистики в учебном процессе // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). С. 156–162. [Dubichinskij, Vladimir V. (2015) Osnovnye napravleniya prikladnoj lingvistiki v uchebnom processe (The Main Directions of Applied Linguistics in the Educational Process). *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 5 (27), 156–162. (In Russian)].

Прикладное языкознание: учебник / отв. ред. А. С. Герд. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. [Gerd, Aleksandr S. (ed.) (1996) *Prikladnoe yazykoznanie: uchebnik* (Applied Linguistics: Textbook). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996. (In Russian)].

Склярова Н. Г. Введение в прикладную лингвистику. Информационные технологии в лингвистике: учеб. пособие. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2016. [Sklyarova, Natalia G. (2016) *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku. Informacionnye tekhnologii v lingvistike: ucheb. posobie* (Introduction to Applied Linguistics. Information Technology in Linguistics: a Textbook). Pyatigorsk: Izd-vo PGU. (In Russian)].

Шестак Л. А. «Прикладные аспекты современной лингвистики» как учебный предмет филологического цикла // Сборники конференции НИЦ Социосфера. 2012. № 13. С. 305–308. [Shestak, Larisa A. (2012) «Prikladnye aspekty sovremennoj lingvistiki» kak uchebnyj predmet filologicheskogo cikla (“Applied Aspects of Modern Linguistics” as an Academic Subject of the Philological Cycle). *Sborniki konferencii NIC Sociosfera*. (Collections of the Conference of the National Research Center Sociosphere), 13, 305–308. (In Russian)].

ХРОНИКА

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Ф. А. ЛИТВИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

20 апреля 2022 года в Орловском государственном университете имени И. С. Тургенева на базе Института иностранных языков состоялось долгожданное научное мероприятие, посвященное 95-летию со дня рождения профессора кафедры английской филологии Феликса Абрамовича Литвина, I Международный семинар «**НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Ф. А. ЛИТВИНА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**».

Основатель и в течение долгих лет бессменный заведующий кафедрой английской филологии Феликс Абрамович являл собой идеальный образец подлинного ученого, отдавшего всего себя лингвистике, чуткого и справедливого руководителя, всесторонне образованного Учителя, и главное, скромного, добрейшей души человека с очень тонким чувством юмора и безукоризненного такта. Автор более 200 научных работ, монографии «Многозначность слова в языке и речи», редактор ряда периодических изданий, научный руководитель и консультант многочисленных диссертаций, профессор Ф. А. Литвин запомнится своим ученикам как истинный лингвист, открывший для них удивительный мир филологической науки, ненавязчиво приобщив к ней и вложив душу в каждого своего «подопечного».

Посвященное Феликсу Абрамовичу Литвину мероприятие собрало множество его коллег, друзей и соратников по научному цеху, благодарных учеников, желающих поделиться результатами своих исследований в самых разных областях лингвистического знания.

Пленарное заседание научного семинара открылось приветствием проректора по научно-технологической деятельности и аттестации научных кадров профессора ОГУ им. И. С. Тургенева С. Ю. Радченко. Со вступительным словом выступил директор института иностранных языков доцент М. В. Якушев. Организаторов и гостей международного научного мероприятия поздравил наш постоянный участник, большой друг института, профессор Наваррского университета (Памплона, Испания) Эндрю Чарльз Бриз.

В своем докладе «Дж. Р. Р. Толкиен: Визионер и ученый» (*J. R. R. Tolkien: Visionary And Scholar*), представляющем популярного британского автора эпического произведения, саги «Властелин колец», Дж. Р. Р. Толкиена в двух ипостасях: как мастера фэнтази и ученого, профессор Э. Ч. Бриз

раскрыл многогранность писателя, поэта, лексикографа, автора антологии средневековой прозы и поэзии, историка английского языка, подчеркнув факт его бесценного вклада в науку и литературу. «Нашим современникам есть чему поучиться у лингвиста, занимающегося своими исследованиями в девятнадцатом веке», — отметил профессор Э. Ч. Бриз. Труды писателя до сих пор остаются востребованными и актуальными, во многом опередившими время. Талант Толкиена-ученого был раскрыт главным образом в обсуждении его работы над древнеанглийским *Earendel* ‘*дневная звезда*’, его лекции 1936 года о «Беовульфе» и письма 1945 года о географическом названии Ковентри. Первые две показывают его дар воображения в работе с германской мифологией, языком и поэзией, в то время как последние напоминают о его стремлении к точности и научной строгости, что объясняет непреходящую ценность его работ и как ученого и как писателя.

Профессор государственного института русского языка им. А. С. Пушкина В. И. Карасик, исследуя эмблематические, аллегорические и символические характеристики вечности, рассматривает концепт «вечность» в лингвосемиотическом и дискурсивном аспектах. Религиозный, философский и обиходный виды дискурсов призваны, по мнению автора доклада, по-разному реализовывать концепт «вечность». Эмблематическая характеристика вечности отражается в образах, внутренней форме слов, которые вербализуют данный концепт (например, «вечность» — в русском, *eternity* — в английском, *Ewigkeit* — в немецком). В связи с описываемыми понятиями и концептами профессор В. И. Карасик уделяет особое внимание теоретической модели семантики квантора «всегда», предложенной Е. В. Падучевой, которая выделила три типа ситуаций, использующих данное слово: 1) непрерывно временное значение, 2) дискретно-временное значение, 3) не временное значение. Если говорить об аллегорическом понимании данного концепта, то, как отмечает Карасик, оно состоит в установлении назидательного смысла, вытекающего из ценностного содержания соответствующего ментального образования. Приводя множество примеров реализации «вечности» в паремиологии на разных языках, профессор выделяет пословицы назидательного характера, обращая внимание на мудрость, заложенную в них и трактуемую лингвистом в философском и обиходном аспектах. Поэтические тексты, вербализующие анализируемый концепт, склонны к его символическому осмыслению и переосмыслению. Таким образом, автор приходит к заключению о том, что *вечность* есть один из аспектов понимания и осмысления времени и может быть описана в виде некоторого концепта, имеющего понятийные, образные и ценностные признаки, а также в виде знака, который имеет эмблематические, аллегорические и символические признаки.

Насущную проблему необходимости теоретических лингвистических дисциплин для вузовской подготовки будущего переводчика поднимает в своем научном докладе профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова О. В. Петрова. Актуальность данной проблемы осознается современными лингвистами как нельзя остро, поскольку профессиональный переводчик, по мнению докладчика, должен иметь полное представление о структуре языка, его законах и закономерностях, его развитии. Несмотря на то что практикующие переводчики не видят явной необходимости в изучении теории языка, действительность показывает, что лакуны в этих знаниях сразу выдают дилетанта, намного осложняют и замедляют процесс перевода, его результаты подчас оказываются неудовлетворяющими желания заказчика перевода. Как справедливо отмечает профессор, «разница между пользователем и профессионалом прежде всего в том и заключается, что пользователю достаточно общих, так сказать, функционально-процедурных знаний (на какую кнопку нажать или как построить предложение), тогда как профессионал должен знать, как устроен объект его деятельности или тот инструмент, с помощью которого он эту деятельность осуществляет». По мнению О. В. Петровой, переводчик должен четко понимать, что язык есть отражение того, как его носители воспринимают окружающую действительность, иметь представление о том, что такое языковая картина мира, осознавать, что действия переводчика должны быть направлены на адекватную соотнесенность и «согласование» картины мира переводящего языка и переводного. Профессор также подчеркивает, что особое внимание в подготовке будущих переводчиков следует уделять грамматике, так как она является «способом мышления» носителя языка. В этом отношении именно теоретические дисциплины призваны дать понять, что грамматика не есть простой набор правил, которым нужно следовать, что «грамматика всегда семантична». Теория текста представляет собой еще одно необходимое студенту переводческого отделения знание. Переводчик должен учитывать тот факт, что текст представляет собой «целостную единицу высшего уровня организации». Таким образом, базовая лингвистическая подготовка, включающая наряду с практическими такие дисциплины, как теоретическая фонетика, грамматика, лексикология, стилистика, текстология, история языка и т. п., должна быть обязательно обеспечена для студентов языковых вузов, выбравших специальность «переводчик».

Темой выступления доцента ОГУ им. И. С. Тургенева А. Д. Бакиной стала проблема интертекстуальности, постоянно обсуждаемая в научном лингвистическом сообществе, применительно к библейской фразеологии германских и русского языков. Интертекстуальность как глобальная тек-

стовая категория, наряду с категориями текстуальности и связности, превращает прецедентные постоянно возобновляемые в процессе устной и письменной коммуникации тексты в глобальный претекст, *константный макротекстуальный интертекст*. В этой связи библейский текст представляет собой один из ярчайших примеров такого текста. Библейские фразеологизмы понимаются автором как устойчивые воспроизводимые единицы со структурой словосочетания и предложения с полностью или частично переосмысленным значением, восходящие к библейскому тексту или сюжету Священного Писания. Вопросы реализации интертекстуального потенциала библейской фразеологии, затрагиваемые автором, касаются одного из аспектов понимания Библии как «прародителя» частотных во вторичных контекстах устойчивых выражений, библейских цитат, крылатых слов, пословиц, которые на определенном этапе могут существовать в виде библейских фразеологизмов, устанавливающих постоянную связь с библейским текстом. В задачи исследования входит выявление способов и видов реализации категории интертекстуальности в современном текстовом пространстве посредством многообразия интертекстуальных отсылок в виде фразеологических единиц. Результаты исследования показали, что частотность интертекстуальных включений в виде библейских фразеологизмов в текстах художественного и медийного дискурсов высокая; библейская фразеология характеризуется узуальной и окказиональной вариативностью, кроме того, анализ корпусных данных выявил наиболее употребительные фразеологизмы и их варианты в русском и германских языках, также было отмечено, что индивидуально-авторские трансформации фразеологических единиц являются частым и типичным явлением в медийных текстах.

Выступление профессора ОГУ им. И. С. Тургенева Л. В. Калашниковой «Метафорическая модель ‘*жизнь*’ в поэтическом произведении Дж. Китса *Sleep and Poetry*» было посвящено исследованию языковой картины мира в поэзии Дж. Китса с последующим выявлением ментальных моделей, выстраивающих концептуальную картину и мировосприятие британского поэта. Особое внимание автор уделяет серединной ментальной модели «жизнь», занимающей центральное место в тринитарной системе, совокупности и взаимосвязи трех моделей «сон — жизнь — поэзия». Построение и анализ данной модели позволяет, по мнению профессора Л. В. Калашниковой, проникнуть глубже в самосознание поэта, получить необходимые инструменты для интерпретации системы образов и ценностного понимания бытия и того, что существует за его пределами, которые использует в своем поэтическом произведении автор. Докладчик приходит к заключению о том, что «объединение метафорических моделей

в единую систему “сон — жизнь — поэзия” формирует целостную структуру дискурса, отражает процесс трансформации мышления, взглядов поэта, понимание им целей, значимости поэзии, чувства гражданского долга, осознание жизни и видение перспектив разрешения существующих в обществе проблем».

Доклад группы исследователей из университета имени Сунь Ятсена (Гуанчжоу, Китай) под руководством доктора филологических наук, заведующего кафедрой русского языка как иностранного, и. о. директора центра исследований России и центральной Азии Янь Кая привлек внимание участников и слушателей к расшифровке биоморфных кодов в национальных костюмах династии *Qing*, находившейся определенное время у власти в древнем Китае. Используя аппарат лингвокультурологии и семиотики, китайские исследователи декодируют культурное и смысловое наполнение национальных орнаментов, включающих образы бабочек и цветов в их комбинациях в языке (в поэтических текстах, идиомах, символах) и в изображениях на ткани национальных костюмов императоров династии *Qing*, и выявляют особенности национального менталитета, представленного в культурно-детерминированных образах, создающих особенности национального художественного стиля. Исследование показало, что в период династии *Qing* самым типичным художественным приемом интерпретации биоморфных кодов был метод омофонов, культурные коннотации биоморфных орнаментов в костюмах династии имеют мифологическую основу, а их декодирование тесно связано с шаманизмом.

Профессор Самарского социально-педагогического университета В. М. Савицкий посвятил свое выступление проблеме соотношения понятий «знаковая система», «язык» и «код». Код определяется им как генеративно-интерпретативное начало знаковой системы. Выявляется фундаментальное отличие вербального языка от формализованных знаковых систем — наличие вторичного кода, надстроенного над первичным. Автор доказывает, что вторичные коды в составе естественного языка повышают его функциональный потенциал. Он сравнивает обычные синтагмы, соответствующие правилам сочетаемости, и идиомы, порождение которых не подчиняется традиционным моделям. Модели идиомогенеза входят в состав вторичного кода. Они заключают в себе неполный «технологический цикл» образования идиом, но всё же это порождающие модели, хотя и не строго алгоритмические, а эвристические. Языковые синтагмы с аддитивным (прямым) значением создаются по первичным моделям семантической комбинаторики, а синтагмы с неаддитивным (идиоматичным) значением — по вторичным моделям. Все виды сочетаемости слов, недопустимые в рамках первичных моделей, допустимы в рамках вторичных. Воз-

можность отступать от первичных правил повышает функциональный потенциал естественного языка. Естественный язык выгодно отличается от формализованных знаковых систем наличием вторичных кодов.

Профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева О. Б. Абакумова в своем выступлении обратила внимание участников Международного семинара на проблемы динамики и вариативности паремий, их места в семантической микро- и макроструктуре художественного текста, связанного с функционированием пословиц в коммуникативных эпизодах текста, и возможности создания их окказиональных трансформов автором художественного произведения для передачи своего главного послания читателю. Пословица понимается как самый сложный языковой знак, фразеологизм со структурой предложения, с обобщенным значением, текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, представляет собой косвенный речевой акт и используется в коммуникации как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего. На примере анализа использования пословиц в произведении Чехова «Моя жизнь», представленных в них метафор как репрезентантов русского культурного кода с одной стороны и системы образов художественного произведения с другой, автором были описаны с точки зрения их функционирования в коммуникативном пространстве художественного текста синтаксические трансформы и лексические модификации русских пословиц, а также появление окказиональной антипословицы, передающей главную идею произведения и отражающей мировоззрение автора повести.

Доклад доктора искусствоведения, члена-корреспондента Национальной Академии Художеств Украины, Института искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины, И. Н. Юдкина-Рипуна был представлен на тему «Характеристические детали в идиоматике драмы “Рафаэль” А. И. Сумбатова-Южина». Украинский исследователь убедительно показывает, что схемами фабулы действий и межличностных отношений персонажей драмы соткана сложная семантическая сеть взаимосвязей между репликами, их взаимных ссылок, существенно изменяющих их смысл с развертыванием сюжета. Диегезис, диатеза, дейксис предстают в драме как средства смыслового преображения реплик. Ограничение активности субъекта высказывания влечет за собой и сужение, специализацию его значения, приуроченного к контексту. Мотивы, представленные характерными идиоматическими деталями, связываются и образуют самостоятельные смысловые линии в драматическом тексте, относительно независимые от сквозного действия. Характеризующая миссия идиоматики обеспечивает связность текста драмы. Реплика в драме обретает идиома-

тическое значение благодаря отсылке к лицам и положениям. Макроскопическая предикация (фабула как тема и сюжет как рема) задают целевые (интенциональные) функции реплик. Диатеза как преобразование активного субъекта действия в пассивного способствует специализации значения и обособлению деталей, выполняющих характеристическую миссию.

Международный семинар «Научные чтения памяти профессора Ф. А. Литвина: актуальные вопросы филологии и лингводидактики» продолжает уже ставшие хорошей традицией филологические и лингводидактические встречи на международном уровне в рамках международной научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение», на протяжении пяти лет организуемые в Институте иностранных языков ОГУ имени И.С. Тургенева. Мы очень высоко ценим и благодарим наших постоянных участников, отечественных лингвистов (из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Самары, Перми, Брянска, Смоленска, Воронежа, Тулы и др.) и зарубежных исследователей (из Испании, Чехии, Китая, Белоруссии, Украины, Польши, Хорватии) и всегда открыты новым контактам, концепциям и идеям, научный интерес к которым нам привил наш дорогой Учитель.

О. Б. Абакумова, А. Д. Бакина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Валуева Анастасия Владимировна, студентка Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: valueva.nastya231@mail.ru

Валяева Надежда Юрьевна, аспирант, ассистент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: nadinvalyaeva@gmail.com

Габисова Дзерасса Витальевна, кандидат филологических наук, сотрудник кафедры гуманитарных дисциплин Владикавказского института управления. E-mail: dove74@mail.ru

Годизова Зара Иосифовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. E-mail: godizovazi@rambler.ru

Дубкова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, профессор, иностранный специалист Сианьского университета иностранных языков (КНР). E-mail: linuan12@mail.ru

Иванова Ольга Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: olga-ivanova225@rambler.ru

Калиновская Виктория Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: vvkalinovskaya@yandex.ru

Ковалева Марина Юрьевна, младший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: kovalevamarina.yu@yandex.ru

Леонович Лариса Михайловна, старший преподаватель кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева. E-mail: laura.leonovich@gmail.com

Лукманова Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: estson@gmail.com

Мэй У, доцент Института русского языка Сианьского университета иностранных языков (КНР). E-mail: sveta_y@qq.com

Панченко Юрий Юрьевич, старший преподаватель кафедры иностранных языков Высшей школы международных отношений и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: uupanchenko@lunn.ru

Сакулина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы народов мира и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: easakoulina@lunn.ru

Старков Савва Михайлович, студент Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: savvunya1@yandex.ru

Стародубов Станислав Витальевич, аспирант, ассистент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: starodubov_stas96@mail.ru

Старостина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева. E-mail: juliatim@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАЕ. E-mail: fedulenkova@list.ru

Холдеева Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета. E-mail: ekaterina12081985@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 2 (58)

Ответственный за выпуск:
Р. М. Шамилов

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Подписано в печать 30.06.2022. Формат 60х90 1/16.
Печ. л. 11. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г.Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269